

ISSN 1992-2892
ISSN 2500-221X (online)

2023 '4

ЖЕНЩИНА
В РОССИЙСКОМ
ОБЩЕСТВЕ

ЖЕНЩИНА В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Российский научный журнал

№ 4 — 2023

Учредитель ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет»

*Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.
Реестровая запись ПИ № ФС 77-78824 от 30.07.2020 г.*

*Журнал включен ВАК РФ в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук (ред. от 16.10.2022 г.)*

Редакционный совет:

- С. Г. Айвазова** (Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, г. Москва; доктор политических наук, ассоциированный научный сотрудник),
Н. Л. Пушкарёва (*заместитель главного редактора*,
Институт этнологии и антропологии РАН, г. Москва; доктор исторических наук, профессор),
О. В. Рябов (Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург; доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник),
З. Х. Саралиева (Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, г. Нижний Новгород; доктор исторических наук, профессор),
Р. Н. Сулейманова (Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН, г. Уфа; доктор исторических наук, главный научный сотрудник),
Н. А. Шведова (Институт США и Канады РАН, г. Москва; доктор политических наук, главный научный сотрудник),
Е. Р. Ярская-Смирнова (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва; доктор социологических наук, профессор),
А. В. Белова (Тверской государственный университет, г. Тверь; доктор исторических наук, доцент)

Редакционная коллегия:

- О. А. Хасбулатова** (*главный редактор*, Ивановский государственный университет, г. Иваново; доктор исторических наук, профессор),
И. С. Клёцина (Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург; доктор психологических наук, профессор),
Т. Б. Рябова (Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург; доктор социологических наук, профессор),
И. Н. Смирнова (*ответственный секретарь*, Ивановский государственный университет, г. Иваново; кандидат социологических наук, доцент),
Н. С. Рычихина (Ивановский государственный университет, г. Иваново; кандидат экономических наук, доцент)

Адрес редакции (издателя): 153025 Ивановская обл., г. Иваново, ул. Тимирязева, 5
Тел./факс в Иваново: (8920) 357-58-31. E-mail: winrs@bk.ru

Электронная копия журнала размещена на сайтах
www.womaninrussiansociety.ru, www.elibrary.ru, www.ivanovo.ac.ru

Подписной индекс в каталоге «Пресса России» 41513

© «Женщина в российском обществе», 2023
© ФГБОУ ВО «Ивановский
государственный университет», 2023

WOMAN IN RUSSIAN SOCIETY

Russian Scholarly Journal

No. 4 — 2023

Founder (Constitutor) Ivanovo State University

*The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology, and Mass Media
Registry entry PI № FS 77-78824 on 30.07.2020*

*The journal is peer-reviewed and recommended
by the Supreme Attestation Commission of the Russian Federation
to publish main results of Doctors and Candidates of Sciences' dissertations (issued on 16.10.2022)*

Editorial Council:

- S. G. Aivazova**, Dr. Sc. Politics, Associated Researcher (Institute of Sociology of the Federal Centre of Theoretical and Applied Sociology of Russian Academy of Sciences, Moscow),
Prof. N. L. Pushkareva, Dr. Sc. History (*Vice Editor-in-chief*, Institute of Ethnology and Anthropology of Russian Academy of Sciences, Moscow),
Prof. O. V. Riabov, Dr. Sc. Philosophy, Leading Researcher (Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg),
Prof. Z. H. Saralieva, Dr. Sc. History (National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod),
R. N. Suleimanova, Dr. Sc. History, Chief Researcher (Institute of History, Language and Literature of Ufa Federal Research Centre of Russian Academy of Sciences, Ufa),
N. A. Shvedova, Dr. Sc. Politics, Chief Researcher (Institute of USA and Canada Studies of Russian Academy of Sciences, Moscow),
Prof. E. R. Iarskaia-Smirnova, Dr. Sc. Sociology (National Research University "Higher School of Economics", Moscow),
Assoc. Prof. **A. V. Belova**, Dr. Sc. History (Tver State University, Tver)

Editorial Board:

- Prof. O. A. Khazbulatova**, Dr. Sc. History (*Editor-in-chief*, Ivanovo State University, Ivanovo),
Prof. I. S. Kletsina, Dr. Sc. Psychology (Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg),
Prof. T. B. Riabova, Dr. Sc. Sociology (Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg),
Assoc. Prof. **I. N. Smirnova** (*assistant editor*, Ivanovo State University, Ivanovo),
Assoc. Prof. **N. S. Rychikhina** (Ivanovo State University, Ivanovo)

Editorial Office Address:

153025 Ivanovo region, Ivanovo, Timiriyev str., 5
Tel./Fax: (8920) 357-58-31. E-mail: winrs@bk.ru

The e-copy of the issue can be accessed at
www.womaninrussiansociety.ru, www.elibrary.ru, www.ivanovo.ac.ru

Subscription index in catalogue "Press of RF" 41513

© "Woman in Russian society", 2023
© Ivanovo State University, 2023

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ SOCIOLOGICAL SCIENCES

Женщина в российском обществе. 2023. № 4. С. 3—19.

Woman in Russian Society. 2023. No. 4. P. 3—19.

Научная статья

УДК 316.346.2(091)-055.2

DOI: 10.21064/WinRS.2023.4.1

СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС ЖЕНЩИН В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ (1992—2022)

Ольга Анатольевна Хасбулатова, Инна Николаевна Смирнова

Ивановский государственный университет,
г. Иваново, Россия, oax37@mail.ru

Аннотация. На материалах документальных источников, научных трудов, данных статистики, социологических исследований сформулированы направления трансформации социального статуса женщин в период российской государственности 1992—2022 гг. Сделан вывод о том, что в обозначенный период статусные позиции женщин обладают противоречивыми характеристиками. Уровень их общего и профессионального образования соответствует высокому статусному рангу. В профессиональной сфере у них появилась возможность заниматься предпринимательской деятельностью, однако большинство профессионально занятых женщин обладают средним социально-экономическим статусом. Доходы большинства профессионально занятых женщин, а также женщины-пенсионеров имеют низкие статусные характеристики. Уровень участия женщин в сферах профессионального и государственного управления соответствует низкому статусному рангу. Таким образом, за 30 лет российской государственности статусные позиции женщин приобрели противоречивые характеристики. Авторы сформулировали факторы, способные повысить социальный статус женщин в современном российском обществе, среди них: последовательная политика органов государственного управления по выполнению Национальной стратегии действий в интересах женщин до 2030 г., эффективная деятельность женских организаций, повышение активности самих женщин в достижении высоких статусных позиций и расширении горизонтов самореализации.

Ключевые слова: тенденции трансформации статуса женщин в сферах образования, науки, занятости, политики и управления в 1992—2022 гг., роль государственной политики в изменении социального статуса женщин, факторы, влияющие на повышение социального статуса женщин

Для цитирования: Хасбулатова О. А., Смирнова И. Н. Социальный статус женщин в российском обществе (1992—2022) // Женщина в российском обществе. 2023. № 4. С. 3—19.

Original article

THE SOCIAL STATUS OF WOMEN IN RUSSIAN SOCIETY (1992—2022)

Olga A. Khasbulatova, Inna N. Smirnova

Ivanovo State University,
Ivanovo, Russian Federation, oax37@mail.ru

Abstract. Based on the materials from documentary sources, scientific works, statistical data, and sociological research, directions for the transformation of the social status of women during the period of Russian statehood from 1992—2022 are formulated. The authors concluded that during the designated period, women's status positions have contradictory characteristics. The level of general and professional education of women corresponds to a high status rank. In the professional sphere, women have the opportunity to engage in entrepreneurial activities. At the same time, the majority of professionally employed women have an average socio-economic status. The incomes of the majority of professionally employed women and pensioners have low status characteristics. The level of women's participation in the fields of professional and public administration corresponds to a low status rank. Thus, over the 30 years of Russian statehood, women's status positions have acquired contradictory characteristics. The authors formulated factors that can improve the social status of women in modern Russian society, among them: a consistent policy of government bodies to implement the National Action Strategy for Women until 2030, effective activities of women's organizations, increasing the activity of women themselves in achieving high status positions and expanding the horizons of self-realization.

Key words: trends in the transformation of the status of women in education, science, employment, politics and management in 1992—2022, the role of state policy in changing the social status of women, factors influencing the increase in the social status of women

For citation: Khasbulatova, O. A., Smirnova, I. N. (2023) Sotsial'nyĭ status zhenshchin v rossiĭskom obshchestve (1992—2022) [The social status of women in Russian society (1992—2022)], *Zhenshchina v rossiĭskom obshchestve*, no. 4, pp. 3—19.

Актуальность сравнительного анализа статусных характеристик российских женщин за последние 30 лет обусловлена рядом обстоятельств. С принятием новой Конституции РФ, куда была введена категория равных возможностей для мужчин и женщин (1993 г.), Указа Президента РФ «О первоочередных задачах государственной политики в отношении женщин» (1993 г.), Концепции улучшения положения женщин в РФ (1996 г.) и других правовых актов российские женщины были вовлечены в новые экономические, социальные, политические отношения, формально расширяющие их возможности для самореализации и саморазвития. В условиях рыночной экономики женщины активно включились в различные виды профессиональной деятельности, получили возможность участвовать на конкурсной основе в политической жизни общества, создавать новые социальные объединения, что в значительной степени повлияло на их жизненные цели и ценностную систему.

Категория социального статуса обозначает место, которое индивид занимает в системе социальных отношений в соответствии с совокупностью его прав и обязанностей. Изучение социального статуса личности приобретает особое значение в периоды социальных трансформаций, поскольку он тесным образом связан с социально-экономическими условиями и уровнем жизни.

В советский период исследование социального положения женщин заключалось в определении степени их участия в процессе профессиональной занятости, их роли в семье. Вопрос о собственности и доходах фактически сводился к различиям в заработной плате и владении каким-либо имуществом, властная позиция замерялась по должности и престижности тех организаций и учреждений, в которых человек работал. Иерархия престижа была также увязана с престижностью профессии и достаточно медленно менялась во времени. Чтобы составить представление о соотношении статусов мужчин и женщин, было достаточно обратиться к данным статистики. Демографическое поведение, вопросы материнства и детства, а также социальная политика государства по оказанию социальной помощи семье и детству анализировались в работах А. Г. Харчева, М. С. Мацковского [Харчев, Мацковский, 1978], А. Г. Волкова [Волков, 1972], М. Г. Панкратовой [Панкратова, 1990] и др.

В годы постсоветской российской государственности проблема оценки социального статуса женщин усложнилась, что обусловлено рядом причин. Первое — произошло изменение всей системы статусов. Второе — при оценке экономического статуса «советская» модель «один человек — одна работа — одна зарплата» фактически отошла в прошлое, новая модель множественной занятости не всегда прозрачна для статистики и налоговых органов, а потому в полной мере не разработана. Третье — анализ показывает, что в современной шкале статусов на одну из первых позиций выдвинулась взаимосвязь властного и экономического статусов. Четвертое — в современной социологии сформировалась концепция множественности статусов, «принадлежащих» одному человеку, в социологическую науку прочно вошла теория интегративного статуса [Романова, 2009].

В этой связи представляется актуальным сопоставить параметры статусных характеристик российских женщин в начале 1990-х гг. и в 2020-х гг. в сферах образования, науки, профессиональной деятельности, по уровню доходов, в государственном управлении с целью определения вектора и динамики их изменений в течение 30 лет после распада СССР. Работа основана на методологии системного, сравнительного анализа, сопоставлении статистических данных, анализе документальных источников.

Направленность векторов изменения социального статуса женщин в Российской Федерации активно исследовалась учеными. Комплексная характеристика социального статуса российских женщин в начале 1990-х гг. нашла отражение в трудах С. Г. Айвазовой (см., напр.: [Айвазова, 1998]). В монографии «Женщина новой России: Какая она? Как живет? К чему стремится?» обозначены новые черты социального статуса женщин в начале 2000-х гг. [Женщина новой России, 2002]. Характерным особенностям социального положения российских женщин в начале XXI в. посвящено исследование О. А. Хасбулатовой «Российская гендерная политика в XX столетии: мифы и реалии» [Хасбулатова,

2005]. В монографии Г. Г. Силласте анализируется социально-политический статус женщин по итогам первого десятилетия XXI в. [Силласте, 2012]. Ряд характеристик социального статуса российских женщин в современном обществе представлены в трудах ученых, опубликовавших свои работы в период 2015 г. — 2020-е гг. (см., напр.: [Дзагурова, 2017; Уткина, 2017; Кашина, Василенко, 2019; Хоткина, 2022]).

За 30 лет российской государственности органы управления неоднократно принимали правовые акты, направленные на повышение роли женщин в обществе, среди них Указ Президента РФ «О первоочередных задачах государственной политики в отношении женщин» [О первоочередных задачах... , 1993], новый Семейный кодекс РФ [Семейный кодекс... , 1995], Национальные планы действий по улучшению положения женщин и повышению их роли в обществе (1996, 2001 гг.), Национальные стратегии действий в интересах женщин (2017—2022 гг.; 2023—2030 гг.) [Национальная стратегия... , 2017, 2022]. Все обозначенные документы носят стратегический характер и имеют схожие цели: обеспечение принципа равных прав и свобод мужчин и женщин и создание равных возможностей для их реализации. В этой связи научный интерес представляет динамика изменения социального статуса женщин в различных сферах жизни общества.

Одной из ведущих статусных характеристик женщин выступает уровень их образования и вовлечения в научную деятельность. К началу 1990-х гг. женщины в Российской Федерации наравне с мужчинами получали среднее, среднее специальное и высшее образование. В 1994/95 г. они составляли 60 % учащихся техникумов и 53 % студентов высших учебных заведений [Женщины России, 1995: 84], что практически соответствовало уровню образования девушек в СССР [Женщины в СССР, 1990: 32].

По итогам первого десятилетия российской государственности дисбаланс в пользу девушек в системе высшего образования сохранился, в вузах обучалось 56 % девушек и 44 % юношей [Женщины и мужчины России, 2000: 48]. В 2020 г. среди студентов всех форм обучения 48 % составляли девушки, 52 % — юноши [там же, 2020: 78], т. е. количество юношей стало преобладать. Во все виды обучения внедрена система платного образования. По прошествии 30 лет выбор юношами и девушками профессий не изменился. Девушки сосредоточены в гуманитарных и социальных профессиях, юноши преобладают среди студентов технологических специальностей. Официальных ограничений по продвижению девушек в технологические специальности не существует, однако сложившаяся тенденция противоречит взятому в стране курсу на развитие цифровой экономики. Полагаем, что ситуация определяется двумя устойчивыми факторами: общественным мнением, что технологические специальности — не женское дело, а также сохранением гуманитарных специальностей в категории низкооплачиваемых. Данное обстоятельство имеет отсроченное последствие в виде разного уровня доходов у женщин и мужчин — специалистов с высшим образованием. В целом к 2022 г. высшее профессиональное образование имели 51 % женщин и 49 % мужчин [там же, 2022: 56].

Темпы вовлечения женщин в научную деятельность в исследуемый период носили неравномерный характер. Приведем несколько цифр. Если в 2002 г.

в российских вузах обучалось 55,5 тыс. аспирантов-женщин и 70,8 тыс. аспирантов-мужчин [там же, 2002: 80], то в 2022 г. их число сократилось почти в 10 раз: 6,7 тыс. женщин и 7,6 тыс. мужчин [там же, 2022: 63]. Аналогичная ситуация по численности сложилась у ученых, имеющих научные степени. Однако соотношение количества кандидатов и докторов наук изменилось в пользу женщин. Так, если в 2000 г. мужчин — кандидатов наук было в 2 раза больше, чем женщин, то в 2022 г. — в 1,3 раза. Среди докторов наук тенденция аналогичная: в 2000 г. количество мужчин — докторов наук в 4,3 раза превышало количество женщин — докторов наук, в 2022 г. — в 2,5 раза [там же, 69]. Таким образом, по наличию ученой степени социальный статус женщин повысился. Несмотря на то что в начале 2020-х гг. количество докторов наук — женщин выросло до 28,3 %, данная тенденция не повлияла на расширение карьерных возможностей женщин в науке. Среди руководителей современных государственных университетов женщины составляют 18,8 %, а, в соответствии с топ-100 рейтингом лучших вузов 2022 г., женщин-глав всего 11,0 % [Крыштановская и др., 2023: 15]. По итогам выборов в Российскую академию наук, которые состоялись в июне 2022 г., доля женщин — академиков и членов-корреспондентов РАН увеличилась с 7,8 до 9,4 % и насчитывает 42 академика РАН и 138 членов-корреспондентов РАН [Доля женщин — академиков...]. Таким образом, «стеклянный потолок» продолжает препятствовать карьерному росту женщин в научной среде.

Исследование показало, что в сфере занятости статусные характеристики женщин в обозначенный период претерпели значительные изменения. В 1990-х — начале 2000-х гг. женщины составляли 51 % от общей численности занятых в различных отраслях экономики и социальной сферы. В промышленности удельный вес женщин достигал 45 %, в сельском хозяйстве — 38 %, в строительстве — 25 %, на транспорте — 27 %. Женщины преобладали в учреждениях социальной сферы: в здравоохранении они составляли 84 %, в образовании — 81 %, в культуре — 73 % [Женщины России, 1995: 43]. Среди работодателей насчитывался 31 % женщин [Женщины и мужчины России: 2000: 63].

Изменилось распределение мужчин и женщин по занятости на предприятиях различной формы собственности. На предприятиях государственной формы собственности трудилось 45,9 % женщин, муниципальной собственности — 23,4 %, частной собственности — 23,5 % [Гендерные проблемы... , 2006: 61]. Новой характеристикой положения женщин в постсоветский период стало приобретение статуса безработных. В 2001 г. их число достигло 2,8 млн человек, при этом 81,0 % безработных женщин до потери работы были квалифицированными руководителями и специалистами [Женщины и мужчины России, 2002: 90, 92].

Еще одной характеристикой сферы занятости периода 2000-х гг. является рост числа граждан, занятых в неформальной (теневой) экономике, где уровень заработной платы не регулировался государством. В этом секторе трудилось более 5 млн женщин [там же, 2006: 113]. В 2022 г. ситуация сохранилась: в неформальной экономике заняты 6,1 млн женщин и 7,2 млн мужчин [там же, 2022: 90]. Уровень безработицы среди женщин составляет 5,9 % [там же: 87].

К 2020-м гг. вертикальная мобильность в сфере занятости женщин претерпела определенные изменения. Среди руководителей различных уровней

экономики и социальной сферы женщины составляли 45 %, среди специалистов высшего уровня квалификации 63 % [там же, 2020: 99]. Заслуживает внимания тот факт, что в сфере правосудия среди российских судей женщины составляют 66 %. По этому показателю наша страна занимает 2-е место в мире [Неравенство мужчин и женщин... , 2018]. В исследуемый период классификация женского населения по статусу занятости претерпела изменение в связи с ростом количества женщин, занятых в высокотехнологичных отраслях. Например, занятость женщин в электроэнергетике составляет 36 %, в атомной энергетике — 32 % [Женское лидерство...]. По данным Ростеха, в организациях оборонно-промышленного комплекса пол не влияет на трудоустройство, женщины составляют 74 % среди монтажников радиоэлектронной аппаратуры, 67 % — среди испытателей деталей и приборов, 59 % — среди операторов автоматических производственных линий, 30 % — от общего числа сотрудников ИТ-сферы [В Минпромторге рассказали...].

Новые возможности для занятости женщин открывает цифровизация экономики. Развитие национальной технологической инициативы, электронной экономики, формирование рынка ИТ-отраслей требуют равноправного участия мужчин и женщин. В настоящее время в этих отраслях трудятся в основном мужчины. Очевидно, что низкий уровень вовлечения женщин в технологические профессии будет тормозить развитие ИТ-сфер, поэтому специалисты в области современного рынка труда прогнозируют востребованность женщин на рынке профессий будущего.

Вместе с тем анализ показывает, что в промышленности в целом карьера женщин обладает достаточно скромными характеристиками. Так, А. Болдырева, президент ассоциации «Женщины в промышленности», отмечает, что количество женщин на управленческих позициях в системообразующих предприятиях составляет менее 10 %. По ее мнению, «не существует деления на “женские” и “мужские” отрасли промышленности. Есть сложившиеся стереотипы. Сильный управленец, будь то мужчина или женщина, покажет отличные показатели как в легкой, так и в тяжелой отраслях промышленности» [Женщины в мире промышленности...]. Однако статистика свидетельствует, что в современных условиях доля женщин среди руководителей зависит от размера компании. Так, в топ-200 крупных российских компаний женщины-руководители составляют 6,5 % [Доля женщин...]. Не менее важным показателем статуса российских женщин в сфере крупного бизнеса является их участие в советах директоров крупных российских компаний. В настоящее время в советах директоров российских компаний женщин всего 5,7 %. Из топ-100 российских компаний 43 % советов директоров не имеют в своем составе ни одной женщины [Женщины в советах директоров...]. Следует отметить, что современные деловые женщины не мирятся со сложившейся ситуацией в сфере управления. В 2018 г. Ассоциация независимых директоров создала комитет АНД «Женщины в советах директоров» с целью повышения представительства в них женщин. Комитет сотрудничает с компаниями, государством, международными организациями по отбору лучшей практики, разрабатывает программы повышения квалификации и внедрения института менторства.

В последнее десятилетие классификация женского населения по статусу занятости приобрела новые характеристики. В современной российской экономике сформировался статус женщин-предпринимательниц. Зарождение новой бизнес-элиты из числа женщин ученые относят к 1992 г., когда среди предпринимателей женщины составляли более 1 % [Силласте, 2012: 391]. В 1996—1997 гг. в 14 регионах России, включавших около 4400 предприятий, на долю женщин пришлось 18 % руководителей [Андреева и др., 1997: 53]. Самая высокая занятость женщин-предпринимательниц наблюдалась в сферах бытового обслуживания, легкой промышленности, розничной торговли. В 2020-х гг. среди индивидуальных предпринимателей и самозанятых доля женщин составляет 43 %. Женщины возглавляют около 40 % коммерческих предприятий [Женщины и мужчины России, 2020: 101]. Доля женского предпринимательства в социальной сфере достигла 90 %, в сфере услуг — 58 % [Национальная стратегия... , 2022: 2]. Причинами активного развития женского предпринимательства ученые называют желание женщин создать для своей семьи достойные условия жизни, неудовлетворенность собственным положением в сфере труда, стремление к самореализации [Уткина, 2017: 24]. В течение последних 10 лет Министерство экономического развития РФ уделяет все больше внимания развитию женского предпринимательства. Совместно с общественными организациями Министерство использует ряд эффективных технологий поддержки женского бизнеса, которую оказывают региональные центры «Мой бизнес» по итогам конкурсов «Лидеры поддержки. Женщины в экспорте», «Моя мама — предприниматель». В рамках национального проекта «Малое и среднее предпринимательство» поддержку получают участницы программы «Коммерциализация» Фонда содействия инновациям, конкурса «Старт-СОПР». Эффективной формой поддержки является работа Центра поддержки экспорта, который помогает предпринимательницам вывести свою продукцию на внешние рынки. Услугами этого Центра воспользовались более 60 тыс. компаний, возглавляемых женщинами. Среди небольших компаний, которые вышли на экспорт, каждой четвертой руководят женщины [Комитет по развитию женского предпринимательства, 2023: 10].

Самостоятельным направлением поддержки женщин в сфере предпринимательства выступает деятельность женских организаций «Ассоциация женщин-предпринимателей России», «Объединение женщин атомной промышленности», «Ассоциация женщин в добывающей промышленности», «Деловые женщины России», «Ассамблея женщин-руководителей», «Женщины бизнеса». Целями их деятельности являются развитие женского предпринимательства, повышение квалификации, правовое просвещение женщин-руководителей, деловое общение, популяризация высокотехнологичных специальностей, создание новых рабочих мест для женщин, лоббирование интересов предпринимательниц в структурах власти и управления. Таким образом, анализ показывает, что современные женщины демонстрируют высокую активность, развивая самостоятельный бизнес. В этом направлении участие российских женщин в деловой сфере кардинально отличается от начала 1990-х гг., что свидетельствует о вертикальной мобильности женщин в данной отрасли занятости. Вместе с тем сдерживающими факторами выступают отсутствие знаний и компетенций, а также стартового

капитала, невозможность его получить или незнание, как это сделать. Женщины не решаются запускать бизнес из-за неуверенности в собственных силах, а также социальной инерции, которая накапливалась десятилетиями из-за не востребоваемости их энергии со стороны государства. В целом статус женщин в сфере предпринимательской деятельности связан в основном с малым и средним бизнесом.

В исследуемый период усложнилась система критериев, по которым определяется положение группы в социальной иерархии. Если в советскую эпоху материальное положение носило второстепенный характер в определении статуса личности в обществе, то в современной России — это один из важных индикаторов. В этой связи целесообразно рассмотреть, какие группы женщин размещаются по шкале «богатство — бедность». Поскольку социальный статус женщин определяется путем сравнения достижений со статусом мужчин, целесообразно выяснить уровень заработной платы и доходов мужчин и женщин в экономике, социальной сфере и управлении в 2000—2020-х гг. Одним из показателей, характеризующих статус женщин в сфере экономики, выступает отношение заработной платы женщин к заработной плате мужчин, которое в начале 2000-х гг. в среднем составляло 61 % [Женщины и мужчины России, 2007: 118]. Оценивая уровень доходов мужчин и женщин спустя 20 лет, можно сделать вывод, что сложившаяся дифференциация оплаты труда в зависимости от профессии сохранилась. Спустя два десятилетия в экономике и социальной сфере продолжает действовать практика, когда профессии с традиционной женской занятостью оплачиваются ниже, чем «мужские» профессии. Приведем несколько примеров. По данным Росстата, в 2023 г. заработная плата в отраслях с преимущественной занятостью мужчин и женщин существенно отличалась. К примеру, в профессиях, связанных с добычей полезных ископаемых, она составляла 125 719 руб., с производством нефтепродуктов — 108 202 руб., в компьютерной промышленности — 93 978 руб. В отраслях, где работают в основном женщины, заработная плата в 2 раза ниже: в сферах образования — 57 142 руб., здравоохранения — 58 800 руб., в производстве текстильных изделий — 46 116 руб. [Социально-экономическое положение России, 2023: 204—206]. Следует отметить, что по мере продвижения по карьерной лестнице эта диспропорция сохраняется: заработная плата женщин на руководящих должностях составляет 69,2 % от заработной платы мужчин-руководителей [Зарплаты российских мужчин...]. Так, их средний заработок в час составляет 375,32 руб., тогда как «мужской» — 548,28 руб. [В Росстате назвали разницу в зарплате...]. Данная тенденция отражена в Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2023—2030 гг. [Национальная стратегия... , 2022].

Среди богатейших граждан России женщины также составляют меньшинство: всего 12 женщин возглавляют крупные частные компании, из них 7 женщин — долларовые миллиардеры; 13 женщин — с общим состоянием более 25 млрд долл. [Журнал FORBES... , 2023]. Таким образом, статусный уровень женщин по материальному положению в большинстве профессий за 30 лет кардинально не изменился.

Рассмотрим тенденции участия женщин в общественно-политической жизни и государственном управлении России. Политические процессы, связанные

со становлением нового Российского государства, стимулировали общественную активность женщин. С 29 по 31 мая 1991 г. в г. Дубна прошел первый независимый женский форум, объединивший 48 женских организаций. Заявили о себе партии «Женщины суверенной России», «Единая партия женщин», общественная организация «Союз женщин России». К 1998 г. Министерство юстиции зарегистрировало более 600 женских общественных организаций. Несмотря на разнонаправленность действий, женские организации конца 1990-х имели общую социальную базу, среди них преобладали представительницы интеллигенции. Сформировалось сообщество женщин-руководительниц (Л. Ф. Безлепкина, Г. Н. Карелова, Е. Ф. Лахова, В. И. Матвиенко и др.), которые выступают проводниками идей равноправия полов во властных структурах. В период 1993—1995 гг. политическое объединение женщин, создавшее блок под названием «Женщины России», участвовало в выборах в Государственную думу и добилось успехов. Это был первый и последний случай участия женских организаций в выборах как самостоятельной политической силы. В период 1990—2010-х гг. женские организации активно участвовали в экспертизе законопроектов, затрагивавших интересы женщин. В 2020-е гг. произошла определенная деполитизация женского движения. Женские организации направляют усилия на поддержку женщин, занятых в различных отраслях промышленности и социальной сферы, нуждающихся в юридической и материальной поддержке. По сравнению с советским периодом современное женское движение обладает более широкой социальной базой и влияет на формирование социального статуса женщин.

Однако практика показывает, что обозначенные процессы не способствуют вовлечению женщин в сферу государственного управления. Распределение женщин в органах государственной власти свидетельствует о другой тенденции: чем выше уровень власти, тем меньше там представлены женщины. В течение всего рассматриваемого периода женщины занимают в основном должности государственных служащих на постах, не требующих принятия решений. Численный перевес женщин на рядовых должностях смещен в пропорции 70 к 30. По итогам парламентских выборов в Государственные думы РФ женщины составляли: в созыве 1993—1995 гг. — 13,6 % [Женщины и мужчины России, 2014: 176]; в созыве 2021—2026 гг. — 15,0 % [там же, 2022: 204—206]. Министры, руководители органов государственного управления принимают законы и постановления, от которых зависит качество жизни общества. Но в составе современного Правительства России трудятся всего 3 женщины. В региональных правительствах, органах исполнительной и законодательной власти женщин также недостаточно для эффективного государственного управления. В целом по данному показателю статус женщин за 30 лет мало изменился (см.: [Информационно-аналитический материал... , 1998]). В сфере государственного управления в течение всего постсоветского периода приоритет полностью сохраняется за мужчинами. Между тем мировой опыт показывает, что только паритетное участие мужчин и женщин в структурах государственной власти может обеспечить устойчивое развитие страны.

По итогам исследования авторы пришли к таким **выводам**. В иерархии низкого, среднего и высокого социальных статусов женщины как крупная социально-демографическая группа общества занимают следующие позиции (табл.). Уровень общего и профессионального образования современных женщин свидетельствует о высоком статусном ранге. Однако в сфере профессиональной деятельности большинство образованных женщин обладают средним социально-экономическим статусом. Сформировавшийся экономический статус женщин в сфере предпринимательской деятельности в полной мере не реализуем в связи с ограниченными финансовыми возможностями. По уровню доходов статусные характеристики женщин неоднозначны. Женщины с высокими доходами составляют меньшинство. Каждая третья женщина, занятая в сфере промышленности, относится к среднему классу. Доходы большинства работающих женщин, а также женщин-пенсионеров имеют низкие статусные характеристики. Уровень участия женщин в сферах профессионального и государственного управления также соответствует низкому статусному рангу.

Таким образом, за 30 лет новой российской государственности статусные позиции женщин в различных сферах жизни общества приобрели противоречивые характеристики. Современное законодательство закрепляет за мужчинами и женщинами равные права. Однако у ученых нет оснований говорить об их равных статусных рангах. Фактором, сдерживающим повышение социального статуса женщин в профессиональной и управленческой сферах, выступают передаваемые из поколения в поколение стереотипы о предназначении полов и связанный с ними высокий уровень бытовой загруженности женщин. Социологи советского периода приводили многочисленные данные о неравноправном распределении ролей в семье и выдвинули тезис об устойчивых стереотипах, характерных для патриархального уклада в семье, о «профессиональных амбициях мужчин, стимулируемых всей системой социальных ожиданий» [Голод, 1990: 22—23]. Современные исследования также показывают, что «вторая смена» отнимает у женщин не только здоровье и отдых, но и ресурсы времени, которые могли бы быть вложены в карьерный рост и профессиональное развитие [Хоткина, 2022: 25]. Следовательно, незримая иерархия статусов, связанных с воспитанием детей и ведением домашнего хозяйства, выступает тормозом повышения профессионального статуса женщины. Самим женщинам также предстоит проявить решимость в борьбе за равенство, брать на себя ответственность в решении стратегических задач и вызовов, расширять горизонты самореализации. В этом направлении большое поле деятельности у женских организаций. Важная роль в решении названных проблем отводится Национальной стратегии действий в интересах женщин, принятой Правительством РФ до 2030 г.

Обозначенная структура статусов женщин в экономической, социальной и политической сферах может отличаться от их субъективного представления о месте, которое они занимают в обществе. Это связано с тем, что субъективное восприятие статусной позиции в обществе сочетается в определенной степени не только с фактическим положением, но и с общей оценкой личностью своих возможностей решения тех или иных проблем. Полагаем, что это может быть отдельной темой научного исследования.

**Некоторые статусные характеристики российских женщин
в 1995—2022 гг., %***

Характеристика	1994/1995	2001/2002	2022
Уровень образования			
численность студенток государственных средних специальных учебных заведений	60,0	55,0	50,0
численность студенток государственных высших учебных заведений	53,0	57,0	48,0
Вовлеченность в научную деятельность			
численность аспиранток	41,8	45,0	44,0
наличие ученой степени кандидата наук у женщин	26,0	34,0	43,0
наличие ученой степени доктора наук у женщин	18,4	19,0	28,3
численность женщин — академиков и членов-корреспондентов РАН	2,3	7,8	9,4
Женская занятость в различных сферах			
промышленность	41,0	38,0	37,0
сельское хозяйство	34,0	38,0	33,0
строительство	23,0	22,0	12,0
транспортная сфера и сфера связи	31,0	27,0	22,0
здравоохранение	81,0	80,0	80,0
образование	83,0	81,0	82,0
культура и искусство	68,0	32,0	66,0
наука	51,0	54,0	46,0
управление	36,0	34,0	42,0
Предпринимательская деятельность	1,0	18,0	43,0
Отношение заработной платы женщин к заработной плате мужчин	60,7	61,0	72,1
Общественно-политическое участие			
представленность женщин в Государственной думе	10,2	15,0	16,0
представленность женщин в Совете Федерации	11,4	3,9	18,0

Полученные в ходе исследования результаты свидетельствуют об имеющемся потенциале и инициативах российских женщин по достижению своего социального статуса. Поэтому повышение статусных позиций различных категорий женщин можно рассматривать как один из факторов устойчивого развития российского общества.

* Рассчитано авторами на основе открытых статистических источников.

Список источников

- Айвазова С. Г.* Русские женщины в лабиринте равноправия. М.: РИК Русанова, 1998. 408 с.
- Андреева В., Василенко Е., Раскутина Т.* Об организации и некоторых результатах обследования социальных процессов в малом предпринимательстве // Вопросы статистики. 1997. № 6. С. 49—58.
- Волков А. Г.* Изменение положения женщин в демографическом развитии семьи: (по материалам социально-демографических обследований). М., 1972. 13 с.
- В Минпромторге рассказали, сколько женщин в промышленной сфере России // ТАСС: информационное агентство. URL: <http://tass.ru/obschestvo/10845147> (дата обращения: 05.09.2023).
- В Росстате назвали разницу в зарплате мужчин и женщин на руководящих должностях // News-ru: информационный портал. URL: <https://ru.turbopages.org/news.ru/s/russia/v-rosstate-nazvali-raznicu-v-zarplate-muzhchin-i-zhenshin-na-rukovodyashih-postah/> (дата обращения: 24.08.2023).
- Гендерные проблемы в современной России: (по данным официальной статистики). М.: Алекс, 2006. 224 с.
- Голод С. И.* Будущая семья: какова она?: социально-нравственный аспект. М.: Знание, 1990. 62 с.
- Дзагурова Н. Х.* Социальный статус и социальные проблемы женщин в современной России // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2017. Т. 6, № 4. С. 391—395.
- Доля женщин — академиков и членов-корреспондентов РАН после выборов-2022 увеличилась на 1,6 % // Российская академия наук: официальный сайт. URL: <https://new.gas.ru> (дата обращения: 28.08.2023).
- Доля женщин во главе 200 крупнейших компаний России. URL: <http://incrussia.ru/dolya-jenchin-rukovoditel'nits/?amp> (дата обращения: 28.08.2023).
- Женское лидерство: последние новости России и мира // Коммерсант. URL: <http://www.kommersant.ru/apps/77/657> (дата обращения: 12.07.2023).
- Женщина новой России: какая она? Как живет? К чему стремится? М.: РОССПЭН, 2002. 168 с.
- Женщины в мире промышленности и технологий: благодаря разуму, вопреки стереотипам. Ч. 4: Алина Болдырева. URL: <https://vc.ru/zyfra/428295-zhenshchiny-v-mire-promyshlennosti-i-tehnologiy-blagodarya-razumu-vopreki-steretipam-chast-4-alina-boldyreva> (дата обращения: 25.05.2022).
- Женщины в СССР, 1990. М.: Финансы и статистика, 1990. 63 с.
- Женщины в советах директоров компаний. URL: <http://theins.ru/news/205558> (дата обращения: 27.08.2023).
- Женщины и мужчины России. М.: Госкомстат России, 2000. 110 с.
- Женщины и мужчины России, 2002. М.: Госкомстат России, 2002. 205 с.
- Женщины и мужчины России, 2006. М.: Росстат, 2007. 255 с.
- Женщины и мужчины России, 2014. М.: Росстат, 2014. 217 с.
- Женщины и мужчины России, 2020. М.: Росстат, 2020. 239 с.
- Женщины и мужчины России, 2022. М.: Росстат, 2022. 208 с.
- Женщины России. М.: Госкомстат России, 1995. 98 с.
- Журнал FORBES: «В рейтинге богатейших женщин семь участниц с состоянием более \$1 млрд». 2023. URL: <https://www.forbes.ru/forbes-woman/495281-v-rejtinge-bogatejsih-zensin-sem-ucastnic-s-sostoaniem-bolee-1-mlrd> (дата обращения: 28.08.2023).
- Зарплаты российских мужчин в полтора раза превысили заработки женщин. URL: <https://finexpertiza.ru/about/finexpertiza/> (дата обращения: 05.09.2023).

- Информационно-аналитический материал о численности и составе женщин, занятых в федеральных и региональных органах государственной власти. М.: Департамент по делам семьи, женщин и детей Минтруда России, 1998. 17 с.
- Кашина М. А., Василенко Л. А. Фрактальность гендерных отношений и использование гендерного ресурса государственной политики и управления в современной России // *Женщина в российском обществе*. 2019. № 2. С. 17—31.
- Комитет по развитию женского предпринимательства. М., 2023. 46 с.
- Крыштановская О. В., Лавров И. А., Юшкина Н. А. Женщины-ректоры и «стеклянный потолок» // *Женщина в российском обществе*. 2023. № 1. С. 4—20.
- Национальная стратегия действий в интересах женщин на 2017—2022 годы: распоряжение Правительства РФ от 8 марта 2017 г. № 410-р. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
- Национальная стратегия действий в интересах женщин на 2023—2030 годы: распоряжение Правительства РФ от 29 декабря 2022 г. № 4356-р. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
- Неравенство мужчин и женщин в сфере труда. Инфографика. 2018. URL: http://rapsinews.international_mm/201180123/281634589.html (дата обращения: 31.01.2019).
- О концепции улучшения положения женщин в Российской Федерации: Постановление Правительства РФ от 08.01.1996 № 6: (ред. от 26.07.2004). Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
- О первоочередных задачах государственной политики в отношении женщин: Указ Президента РФ от 04.03.1993 № 57: (ред. от 01.09.2000). Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
- О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации: Закон РФ от 24.07.2007 № 209-ФЗ: (ред. от 10.07.2023). Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
- Панкратова М. Г. Женщины: занятость и семья. Сельская женщина в СССР. М.: Мысль, 1990. 191 с.
- После выборов 2022 года доля женщин-академиков и членов-корреспондентов РАН составляет 9,4 %. URL: <https://nev.ras.ru/activities/news/...viborov...chlenov-gan...9...> (дата обращения: 22.08.2023).
- Романова Н. П. Социальный статус как интегративный показатель положения человека в обществе: гендерный аспект // *Вестник Забайкальского государственного университета*. 2009. № 3. С. 132—138.
- Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ: (ред. от 31.07.2023). Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
- Силласте Г. Г. Гендерная социология и российская реальность. М.: Альфа-М., 2012. 640 с.
- Социально-экономическое положение России. М.: Росстат, 2023. 446 с.
- Уткина Н. Ю. Объективные и субъективные факторы развития женского предпринимательства в России // *Женщина в российском обществе*. 2017. № 1. С. 17—28.
- Харчев А. Г., Мацковский М. С. Современная семья и ее проблемы. М.: Статистика, 1978. 224 с.
- Хасбулатова О. А. Российская гендерная политика в XX столетии: мифы и реалии. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2005. 372 с.
- Хоткина З. А. Молодая семья между карьерой и бытом: пути гармонизации // *Международный симпозиум «Семья и преемственность поколений»: материалы симпозиума, Иваново — Плес, 30 сентября — 1 октября 2022 г.* Иваново: Иван. гос. ун-т, 2022. С. 23—30.

References

- Aivazova, S. G. (1998) *Russkie zhenshchiny v labirinte ravnopraviia* [Russian women in the labyrinth of equality], Moscow: Redaktsionno-izdatel'skii kompleks Rusanova.
- Andreeva, V., Vasilenko, E., Raskutina, T. (1997) Ob organizatsii i nekotorykh rezul'tatakh obsledovaniia sotsial'nykh protsessov v malom predprinimatel'stve [On the organization and some results of a survey of social processes in small business], *Voprosy statistiki*, no. 6, pp. 49—58.
- Dolia zhenshchin — akademikov i chlenov-korrespondentov RAN posle vyborov-2022 uvelichilas' na 1,6 % [The share of women academicians and corresponding members of the Russian Academy of Sciences after the 2022 elections increased by 1,6 %], *Rossiiskaia akademiia nauk*: Ofitsial'nyi sait, available from <https://new.ras.ru> (accessed 28.08.2023).
- Dolia zhenshchin vo glave 200 krupneishikh kompanii Rossii [The share of women at the head of the 200 largest companies in Russia], available from <http://incrussia.ru/dolya-jenchin-rukovoditel'nits/?amp> (accessed 28.08.2023).
- Dzagurova, N. Kh. (2017) Sotsial'nyi status i sotsial'nye problemy zhenshchin v sovremennoi Rossii [Social status and social problems of women in contemporary Russia], *Azimet nauchnykh issledovaniĭ: Pedagogika i psikhologiya*, vol. 6, no. 4, pp. 391—395.
- Gendernye problemy v sovremennoi Rossii: (Po dannym ofitsial'noi statistiki)* (2006) [Gender problems in modern Russia: (According to official statistics)], Moscow: Aleks.
- Golod, S. I. (1990) *Budushchaia sem'ia: kakova ona?: Sotsial'no-nravstvennyi aspekt* [Future family: what is it like?: Social and moral aspect], Moscow: Znanie.
- Informatsionno-analiticheskiĭ material o chislennosti i sostave zhenshchin, zaniatykh v federal'nykh i regional'nykh organakh gosudarstvennoi vlasti* (1998) [Information analytical material on the number and composition of women employed in federal and regional government bodies], Moscow: Departament po delam sem'i, zhenshchin i detei Mintruda Rossii.
- Kashina, M. A., Vasilenko, L. A. (2019) Fraktal'nost' gendernykh otnosheniĭ i ispol'zovanie gendernogo resursa gosudarstvennoi politiki i upravleniia v sovremennoi Rossii [Fractality of gender relations and the use of gender resource of the public policy and administration in modern Russia], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 2, pp. 17—31.
- Kharchev, A. G., Matskovskii, M. S. (1978) *Sovremennaiia sem'ia i ee problemy* [Modern family and its problems], Moscow: Statistika.
- Khasbulatova, O. A. (2005) *Rossiiskaia gendernaia politika v XX stoletii: mify i realii* [Russian gender policy in the XX century: myths and realities], Ivanovo: Ivanovskii gosudarstvennyi universitet.
- Komitet po razvitiuu zhenskogo predprinimatel'stva* (2023) [Committee for the development of women's entrepreneurship], Moscow.
- Khotkina, Z. A. (2022) Molodaia sem'ia mezhdū kar'eroi i bytom: puti garmonizatsii [Work — family balance among young married couples: ways of harmonization], *Mezhdunarodnyi simpozium "Sem'ia i preemstvennost' pokolenii"*: materialy simpoziuma, Ivanovo — Plēs, 30 sentiabria — 1 oktiabria 2022 g., Ivanovo: Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, pp. 23—30.
- Kryshtanovskaia, O. V., Lavrov, I. A., Iushkina, N. A. (2023) Zhenshchiny-rektory i "stekliannyĭ potolok" [Women rectors and the "glass ceiling"], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1, pp. 4—20.
- Natsional'naia strategiia deĭstviĭ v interesakh zhenshchin na 2017—2022 gody*: Rasporiazhenie Pravitel'stva RF ot 8 marta 2017 goda № 410-r. [National Strategy of Action in the Interests of Women for 2017—2022: Order of the Government

- of the Russian Federation of March 8, 2017, no. 410-r.], dostup iz spravochno-pravovoi sistemy "Konsul'tantPlius".
- Natsional'naya strategiiia deistviĭ v interesakh zhenshchin na 2023—2030 gody*: Raspriazhenie Pravitel'stva RF ot 29 dekabria 2022 goda № 4356-r. [National Strategy of Action in the Interests of Women for 2023—2030: Order of the Government of the Russian Federation of December 29, 2022, no. 4356-r.], dostup iz spravochno-pravovoi sistemy "Konsul'tantPlius".
- Neravenstvo muzhchin i zhenshchin v sfere truda. Infografika* (2018) [Inequality between men and women in the world of work. Infographics], available from http://rapsinews.international_mm/201180123/281634589.html (accessed 31.01.2019).
- O kontseptsii uluchsheniia polozheniia zhenshchin v Rossiiskoi Federatsii*: Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 08.01.1996 № 6: (Red. ot 26.07.2004) [On the concept of improving the status of women in the Russian Federation: Decree of the Government of the Russian Federation dated 01.08.1996, no. 6: (As amended on 26.07.2004)], dostup iz spravochno-pravovoi sistemy "Konsul'tantPlius".
- O pervoocherednykh zadachakh gosudarstvennoi politiki v otnoshenii zhenshchin*: Ukaz Prezidenta RF ot 04.03.1993 no. 57: (Red. ot 01.09.2000) [On the priority objectives of state policy regarding women: Decree of the President of the Russian Federation dated 04.03.1993 no. 57: (As amended on 01.09.2000)], dostup iz spravochno-pravovoi sistemy "Konsul'tantPlius".
- O razvitii malogo i srednego predprinimatel'stva v Rossiiskoi Federatsii*: Zakon RF ot 24.07.2007 no. 209-FZ: (Red. ot 10.07.2023) [On the development of small and medium-sized business in the Russian Federation: Law of the Russian Federation dated July 24, 2007, no. 209-FZ: (As amended on July 10, 2023)], dostup iz spravochno-pravovoi sistemy "Konsul'tantPlius".
- Pankratova, M. G. (1990) *Zhenshchiny: zaniatost' i sem'ia. Sel'skaia zhenshchina v SSSR* [Women: employment and family. Rural woman in the USSR], Moscow: Mysl'.
- Posle vyborov 2022 goda dolia zhenshchin — akademikov i chlenov-korrespondentov RAN sostavliaet 9,4 %* [After the 2022 elections the share of women academicians and corresponding members of the Russian Academy of Sciences is 9,4 %], available from <https://nev.ras.ru>activities/news/...viborov...chlenov-ran...9...> (accessed 22.08.2023).
- Romanova, N. P. (2009) Sotsial'nyi status kak integrativnyi pokazatel' polozheniia cheloveka v obshchestve: gendernyi aspekt [Social status as an integrative index of human position in society: gender aspect], *Vestnik Zabaikal'skogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 3, pp. 132—138.
- Semeinyĭ kodeks Rossiiskoi Federatsii ot 29.12.1995 no. 223-FS*: (Red. ot 31.07.2023) [Family Code of the Russian Federation dated December 29, 1995, no. 223-FS: (As amended on July 31, 2023)], dostup iz spravochno-pravovoi sistemy "Konsul'tantPlius".
- Sillaste, G. G. (2012) *Gendernaia sotsiologiia i rossiiskaia real'nost'* [Gender sociology and Russian reality], Moscow: Alfa-M.
- Sotsial'no-ekonomicheskoe polozhenie Rossii* (2023) [Socio-economic situation in Russia], Moscow: Rosstat.
- Utkina, N. Iu. (2017) Ob'ektivnye i sub'ektivnye faktory razvitiia zhenskogo predprinimatel'stva v Rossii [Objective and subjective factors of women entrepreneurship development in Russia], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1, pp. 17—28.
- V Minpromtorge rasskazali, skol'ko zhenshchin v promyshlennoi sfere Rossii [The Ministry of Industry and Trade told how many women there are in the industrial sector of Russia], TASS: Informatsionnoe agentstvo, available from <http://tass.ru/obschestvo/10845147> (accessed 05.09.2023).

- Volkov, A. G. (1972) *Izmenenie polozeniia zhenshchin v demograficheskom razvitií sem'i: (Po materialam sotsial'no-demograficheskikh obsledovanií)* [Changes in the position of women in the demographic development of the family: (Based on materials from socio-demographic surveys)], Moscow.
- V Rosstate nazvali raznitsu v zarplate muzhchin i zhenshchin na rukovodiashchikh dolzhnostiakh [Rosstat named the difference in the salaries of men and women in senior positions], *News-ru: Informatsionnyĭ portal*, available from <https://ru.turbopages.org/news.ru/s/russia/v-rosstate-nazvali-raznicu-v-zarplate-muzhchin-i-zhenshin-na-rukovodyashih-postah/> (accessed 24.08.2023).
- Zarplaty rossiĭskikh muzhchin v poltora raza prevysili zarabotki zhenshchin* [The salaries of Russian men are one and a half times higher than the earnings of women], available from <https://finexpertiza.ru/about/finexpertiza/> (accessed 05.09.2023).
- Zhenshchina novoi Rossii: Kakaia ona? Kak zhivët? K chemu stremitsia?* (2002) [Woman of the new Russia: What is she like? How does he live? What is it striving for?], Moscow: ROSSPĖN.
- Zhenshchiny i muzhchiny Rossii* (2000) [Women and men of Russia], Moscow: Goskomstat Rossii.
- Zhenshchiny i muzhchiny Rossii, 2002* (2002) [Women and men of Russia, 2002], Moscow: Goskomstat Rossii.
- Zhenshchiny i muzhchiny Rossii, 2006* (2007) [Women and men of Russia, 2006], Moscow: Rosstat.
- Zhenshchiny i muzhchiny Rossii, 2014* (2014) [Women and men of Russia, 2014], Moscow: Rosstat.
- Zhenshchiny i muzhchiny Rossii, 2020* (2020) [Women and men of Russia, 2020], Moscow: Rosstat.
- Zhenshchiny i muzhchiny Rossii, 2022* (2022) [Women and men of Russia, 2022], Moscow: Rosstat.
- Zhenshchiny Rossii* (1995) [Women of Russia], Moscow: Goskomstat Rossii.
- Zhenshchiny v mire promyshlennosti i tekhnologii: blagodaria razumu, vopreki stereotipam* [Women in the world of industry and technology: thanks to reason, despite stereotypes], pt. 4: Alina Boldyreva, available from <https://vc.ru/zyfra/428295-zhenshchiny-v-mire-promyshlennosti-i-tehnologii-blagodarya-razumu-vopreki-stereotipam-chast-4-alina-boldyreva> (accessed 25.05.2022).
- Zhenshchiny v sovetakh direktorov kompaniĭ* [Women on boards of directors of companies], available from <http://theins.ru/news/205558> (accessed 27.08.2023).
- Zhenshchiny v SSSR* (1990) [Women in the USSR], Moscow: Finansy i statistika.
- Zhenskoe liderstvo: poslednie novosti Rossii i mira [Women's leadership: latest news from Russia and the world], *Kommersant*, available from <http://www.kommersfnt.ru/apps/77/657> (accessed 12.07.2023).
- Zhurnal FORBES: "V reitinge bogateĭshikh zhenshchin sem' uchastnits s sostoaniem bolee \$1 mlrd"* (2023) [FORBES magazine: "There are seven participants in the ranking of the richest women with a fortune of more than \$1 billion"], available from <https://www.forbes.ru/forbes-woman/495281-v-rejtinge-bogatejsih-zensin-sem-uchastnic-s-sostoaniem-bolee-1-mlrd> (accessed 28.08.2023).

Статья поступила в редакцию 08.09.2023; одобрена после рецензирования 24.09.2023; принята к публикации 15.10.2023.

The article was submitted 08.09.2023; approved after reviewing 24.09.2023; accepted for publication 15.10.2023.

Информация об авторах / Information about the authors

Хасбулатова Ольга Анатольевна — доктор исторических наук, профессор кафедры социологии, социальной работы и управления персоналом, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, oax37@mail.ru (Dr. Sc. (History), Professor at the Department of Sociology, Social Work and Personnel Management, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation).

Смирнова Инна Николаевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии, социальной работы и управления персоналом, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, smirnovain@ivanovo.ac.ru (Cand. Sc. (Sociology), Associate Professor at the Department of Sociology, Social Work and Personnel Management, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation).

Женщина в российском обществе. 2023. № 4. С. 20—30.

Woman in Russian Society. 2023. No. 4. P. 20—30.

Научная статья

УДК 316.346.2-055.2

DOI: 10.21064/WinRS.2023.4.2

**РАСШИРЕНИЕ ПРАВ И ВОЗМОЖНОСТЕЙ ЖЕНЩИН:
«ПРЕДВЗЯТОСТЬ И ДИСКРИМИНАЦИЯ ВРЕДЯТ ВСЕМ»
(По материалам международных мероприятий ООН)**

Надежда Александровна Шведова

Институт США и Канады им. академика Г. А. Арбатова,
Российская академия наук, г. Москва, Россия, n.shvedova2015@yandex.ru

Аннотация. В статье на основе документальных источников представлен анализ участия женщин различных стран мира в политике и парламентской деятельности. Раскрыты содержание и наиболее важные положения Кигалийской декларации, включающей план действий Межпарламентского союза по достижению равенства мужчин и женщин в обществе. Дана характеристика основных положений доклада «Женщины в политике 2023», посвященного повышению роли высших законодательных органов в продвижении принципов равноправия полов, и других международных документов. Осуществлен анализ эффективности работы правительств и парламентов по вовлечению женщин в управление государством в различных регионах мира: Америке, Европе, Тихоокеанском регионе, в Азии и на Ближнем Востоке. Представлена концепция повышения роли женщин в управлении государством и политической деятельности в русле реализации Целей устойчивого развития.

Ключевые слова: равенство в отношении женщин и мужчин в социуме, Кигалийская декларация, План действий для парламентов с учетом аспектов равенства женщин и мужчин, 145-я и 146-я Ассамблеи Межпарламентского союза, Цели устойчивого развития, Повестка дня на период до 2030 г., Форум женщин-парламентариев, Постоянный комитет по вопросам мира и международной безопасности

Для цитирования: Шведова Н. А. Расширение прав и возможностей женщин: «Предвзятость и дискриминация вредят всем»: (по материалам международных мероприятий ООН) // Женщина в российском обществе. 2023. № 4. С. 20—30.

Original article

**EMPOWERING WOMEN:
“BIAS AND DISCRIMINATION HURT EVERYONE”
(Based on materials of the United Nations international events)**

Nadezhda A. Shvedova

Georgy Arbatov Institute for U.S. and Canadian Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, n.shvedova2015@yandex.ru

Abstract. Based on documentary sources, the article presents an analysis of women’s participation in politics and parliamentary activities in various countries of the world. The content and main provisions of the Kigali Declaration, which contains the Plan of Action of the Inter-Parliamentary Union to achieve equality between men and women in society, are revealed. The article characterizes the main provisions of the report “Women in Politics 2023”, dedicated to increasing the role of higher legislative bodies in promoting the principles of gender equality, and other international documents. The author of the article analyzed the effectiveness of the work of governments and parliaments to increase women’s participation of in government in various regions of the world: America, Europe, the Pacific region, Asia and the Middle East. The concept of increasing the role of women in government and political activity in line with the implementation of the Sustainable Development Goals is presented.

Key words: equality for women and men in society, Kigali Declaration, Action Plan for parliaments that take into account gender equality aspects, 145th and 146th Assembly of the Inter-Parliamentary Union, Sustainable Development Goals, Agenda 2030, Forum of Women Parliamentarians, Standing Committee on Peace and International Security

For citation: Shvedova, N. A. (2023) Rasshirenie prav i vozmozhnostei zhenshchin: “Predvziatost’ i diskriminatsiia vredit vsem”: (Po materialam mezhdunarodnykh meropriyatii OON) [Empowering women: “Bias and discrimination hurt everyone”: (Based on materials of the United Nations international events)], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 4, pp. 20—30.

Введение

В докладе Фонда Организации Объединенных Наций в области народонаселения (ЮНФПА), являющегося учреждением ООН (The United Nations Population Fund; UNFPA), деятельность которого направлена на улучшение репродуктивного здоровья и защиту материнства во всем мире, отмечается, что численность населения мира достигла рекордных 8 млрд человек. Возникает вопрос: что это означает для качества жизни и благополучия людей?

Содержание доклада отражает картину взглядов широкой общественности, политиков, ученых на демографические тенденции, права и свободы жителей планеты, прежде всего женщин. В нем отмечается как избыток проблем («мир полон тревог»), так и положительный характер изменений («мир, полный надежд и возможностей»). Современный мир представлен как планетарное сообщество, «где проживает самая большая за всю историю человечества семья». В арсенал позитивных достижений включены увеличение продолжительности

жизни человека, укрепление здоровья людей, обладание «большим спектром прав и более широким выбором, чем в любой другой момент человеческой истории» [Population... , 2023].

Под тревогами подразумевается, во-первых, накапливание напряженности повседневной жизни на фоне экономической неопределенности, во-вторых, растущее количество жертв пандемии COVID-2019, в-третьих, изменение климата, представляющее угрозу выживанию, в-четвертых, демографические тенденции, которые оказывают влияние на экономику, политический дискурс и отношения мужчин и женщин в обществе. В документе отмечается, что страхи и временные меры все чаще ограничивают репродуктивный выбор женщин: «Такая волна паники несет в себе реальную опасность: во-первых, беспокойство по поводу изменения численности населения отвлекает от серьезных, но разрешимых проблем, во-вторых, подобное беспокойство становится обоснованием для отказа в правах и ограничения телесной автономии женщин и девочек» [ibid.]. Обозначенные проблемы нашли отражение в целом ряде международных документов.

Кигалийская декларация

Осенью 2022 г. (11—15 октября) в Руанде состоялась 145-я Ассамблея Межпарламентского союза. Место встречи — столица Руанды (г. Кигали) — выбрано неслучайно. Принимающая страна занимает первое место в рейтинге стран мира по представительству женщин в парламенте.

Участники собрались для обсуждения проблем, связанных с равноправием женщин и мужчин в обществе, повышением роли высшего законодательного органа страны в продвижении принципов равноправия. Во встрече участвовало более 1000 ведущих докладчиков (спикеров) законодательных органов и членов парламента, делегатов из 120 стран, которые сосредоточили свое внимание на проблемах равенства женщин и мужчин. Выбор темы обусловлен глубокой озабоченностью представителей мирового сообщества усугубляющимся негативным воздействием мировых кризисов, связанных с различными сферами жизни, и созданием в этих обстоятельствах нового неравенства.

В ходе дискуссии было сформулировано общее мнение, что экологические, экономические, социальные и/или политические кризисы не бывают нейтральными в отношении женщин и мужчин, что мировая практика убедительно фиксирует тенденцию к понижению статуса женщин, возникновению новых дискриминационных практик и отклонений от принципов справедливости и равенства женщин и мужчин [The Kigali Declaration... , 2022].

Встреча продлилась пять дней, в результате ее была согласована *Кигалийская декларация* (Kigali Declaration), в которой представители мирового сообщества призвали парламенты учитывать значение равенства женщин и мужчин в различных сферах и быть более «амбициозными в предстоящем десятилетии». Речь шла об использовании технологических инноваций в целях достижения равноправия женщин и мужчин, о поддержке женщин-парламентариев в их важной деятельности.

На площадках 145-й Ассамблеи Межпарламентского союза работало женское бюро, где проходили дебаты о паритете и встречи молодых депутатов. Женщины-депутаты высказывали предложения об их поддержке в случае беременности, делились горьким опытом пережитых ситуаций, когда они подвергались

сексуальным домогательствам со стороны коллег, а также мизогинистским нападкам определенных СМИ. Звучали и другие нарративы участниц, в которых они признавались в том, что чувствовали себя маргиналами в своих учреждениях по вине мужчин-коллег [145th IPU Assembly... , 2022].

Состоялся бесценный обмен опытом деятельности в целях достижения равенства женщин и мужчин в обществе и государстве, говорили об организации женских собраний, создании условий для работы молодых матерей. На официальных и неформальных встречах, на совместном ужине были установлены новые контакты между женщинами-парламентариями со всего мира. Создавалось чувство «локтя и уверенности в том, что именно благодаря этим связям и Кигалийской декларации произойдут преобразующие изменения» [ibid.].

Кигалийская декларация предлагает десять блоков мер на предстоящее десятилетие, своеобразную дорожную карту достижения прогресса на пути к равноправию мужчин и женщин в социуме.

Дорожная карта включает несколько направлений: мониторинг уровня чувствительности парламентов в отношении равноправия женщин и мужчин для обеспечения прогресса; учет специфики работы молодых женщин из числа коренного населения и женщин-инвалидов; поддержку деятельности комитета по равноправию женщин и мужчин или аналогичного органа с целью повышения эффективности работы женщин-депутатов; принятие официального правила для установления баланса женщин и мужчин на всех руководящих должностях в парламенте; обеспечение паритетного участия женщин и мужчин во всех парламентских мероприятиях; введение запрета на комитеты и группы, состоящие из представителей одного пола; учет проблематики равноправия женщин и мужчин при составлении бюджета с целью предотвращения гендерного неравенства; проведение аудита законодательных, бюджетных и надзорных действий на предмет недопущения дискриминации по признаку пола [The Kigali Declaration... , 2022].

Данные меры выходят за границу 2030 г., установленную документом «Преобразование нашего мира: повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года» («Transforming Our World: the 2030 Agenda for Sustainable Development»). В этой связи хотелось бы подчеркнуть актуальность создания механизма независимых и эффективных процедур рассмотрения жалоб с применением жестких санкций по фактам насилия, включая сексуальные домогательства, издевательства в отношении женщин-парламентариев; запрещения учреждений, подразделений (комитетов и групп) однополого состава; принятия официального правила для установления баланса женщин и мужчин при формировании подразделений парламента.

Доклад «Женщины в политике 2023»

На полях международных организаций в канун Международного женского дня (7 марта 2023 г.) состоялась совместная встреча Межпарламентского союза (МПС) и структуры «ООН-женщины». Она была посвящена проблемам повышения роли высших законодательных органов страны в деле продвижения принципов равенства в отношении женщин и мужчин при помощи современных технологий [The Role of Parliaments... , 2023].

По замыслу инициаторов, встреча была направлена на активизацию участия парламентов в использовании технологий для продвижения принципов равенства женщин и мужчин в обществе. Данная площадка позволила парламентариям поделиться опытом и эффективными практиками в области расширения прав и возможностей женщин и девочек с помощью технологий, а также устранения таких рисков, как насилие в отношении женщин и девочек с применением технологий [ibid.].

К парламентской встрече был подготовлен доклад «Женщины в политике 2023», в котором представлены данные о статусе женщин в политике [IPU — UN Women... , 2023]. В разделе «Глобальный обзор женщин в парламенте в 2023 году: достижения» (по состоянию на 1 января 2023 г.) констатируется, что 26,5 % парламентариев в мире составляют женщины. Отмечено, что впервые в истории ни один из функционирующих парламентов не состоит только из мужчин-депутатов. Подчеркнуто также увеличение разнообразия — на 0,4 п. п. по сравнению с предыдущим, 2022 г. Шесть стран (по сравнению с пятью в 2022 г.) достигли паритета в представительстве женщин и мужчин в своих парламентах: Куба, Новая Зеландия, Руанда, Мексика, Никарагуа, Объединенные Арабские Эмираты. В списке шести передовых стран по паритету женщин и мужчин в высшем законодательном органе страны не оказалось ни одного государства из Западной Европы.

В целом сделан вывод, что такими темпами парламентам во всем мире потребуется 80 лет для достижения паритета женщин и мужчин. В настоящее время менее трети нижних палат / однопалатных парламентов имеют 30 % и более женщин-депутатов [ibid.].

В таблице 1 представлена картина региональных тенденций после парламентских выборов 2022 г. [ibid.].

В докладе приведены данные по представительству женщин в высшем руководстве парламентов в 2023 г. [ibid.]:

— 22,7 % женщин являются спикерами парламента (+0,7 п. п. по сравнению с 2022 г.);

— женщины-спикеры представлены в обеих палатах в Аргентине, на Багамских Островах, в Бельгии, Белизе, Тринидаде и Тобаго;

— 65,9 % женщин-депутатов — председатели комитетов по гендерному равенству;

— 12,5 % женщин являются председателями комитетов по обороне;

— первые женщины-спикеры появились в Анголе, Франции, Монако в 2022 г.

Показатели «женщины — главы государств и правительств» фиксируют увеличение их числа за последние десять лет соответственно с 5,3 и 7,3 %, до 11,3 и 9,8 %. В Европе по-прежнему больше всего стран, возглавляемых женщинами (16).

Женщины-министры — достаточно нечастое явление на политической арене. Они составляют лишь 22,8 % членов кабинета, 13 стран, в основном европейских, имеют в кабинетах министров 50 % женщин и более (табл. 2) [ibid.].

Таблица 1

Региональные тенденции после парламентских выборов 2022 г.

Регион	Доля женщин, %	Тенденции
Америка	34,9	Самый высокий средний показатель по региону — большой прогресс (+1,1 п. п. за 1 год). Гендерное равенство на Кубе, в Мексике и Никарагуа. Колумбия достигла самых больших успехов в регионе. Стагнация в Бразилии и США, несмотря на прогресс в разнообразии
Европа	31,0	Стагнация (–0,1 п. п. за 1 год). Наибольшие успехи в Словении и на Мальте (законы о квотах). Словения и Дания избрали более 40 % женщин
К югу от Сахары	26,5	В целом такое же среднее, как и в прошлом году. Экваториальная Гвинея, Ангола, Лесото достигли наибольших успехов. Самый сильный результат в Сенегале — 44,2 % мест занимают женщины (закон о паритете)
Тихий океан	22,6	По крайней мере 1 женщина-член в каждом парламенте. Самые высокие темпы роста (+1,7 п. п.). Женщины занимают 6,5 % мест, за исключением Новой Зеландии и Австралии. Общий прогресс благодаря Новой Зеландии и Австралии
Азия	21,0	Застой. Прогресс в Юго-Восточной Азии (+1,2 п. п., 21,8 % в среднем). В Южной Азии наблюдалось снижение (16,9 %). Узаконенные квоты только в Непале
Магриб и Ближний Восток	16,3	Общая неудача (–0,6 п. п.) Объединенные Арабские Эмираты — единственная страна Ближнего Востока и Северной Африки с паритетом. Бахрейн избрал рекордное количество женщин (8). В Алжире один из самых низких процентов женщин в мире (4,3 % в верхней палате)

Таблица 2

Рейтинг стран по представительству женщин в правительстве (2023 г.)

Рейтинг	Страны	Процент женщин
1	Албания	66,7
2	Финляндия	64,3
3	Испания	63,6
4	Никарагуа	62,5
5	Лихтенштейн	60,0
6	Чили	58,3
7	Бельгия	57,1
8	Мозамбик	55,0
9	Андора, Колумбия, Германия, Нидерланды, Норвегия	50,0

Таблица 3

Портфели женщин — членов кабинета министров

Портфель	Процент женщин
Женщины и гендерное равенство	84
Семья и дела детей	68
Социальная интеграция и развитие	49
Социальная защита и социальное обеспечение	45
Дела коренных народов и меньшинств	44

В таблице 3 показано распределение портфелей министров [ibid.]. В ведении женщин находятся вопросы жизнедеятельности женского населения и проблемы прав человека (84 %), на втором месте — дела семьи и детей (68 %), на третьем — вопросы социальной интеграции и развития (49 %), на четвертом — социальная защита и социальное обеспечение (45 %), на пятом — проблемы коренных народов и меньшинств (44 %). В перечисленных сферах наблюдается высокий уровень представительства женщин-министров.

Таким образом, ведущими областями политики, в которых женщины занимают заметное место, являются вопросы равенства в отношении женщин и мужчин, прав человека и социальные вопросы. Наименьшее представительство женщин наблюдается в обороне (12 %) и транспорте (8 %).

В целом можно сделать вывод, что женщины удалены от существенных ресурсных потоков, что повышает уровень политического веса мужчин и влияния их властного авторитета.

Авторы доклада «Женщины в политике 2023» приходят к заключению, что для повышения уровня представительства женщин в выборных органах власти важное значение имеет система квотирования. Так, в 2022 г. в 47 странах на выборах женщины получили 25,8 % мест в парламентах. По системе квот в парламенты избрано 30,9 % женщин, без системы квот — 21,2 %. Очевидно, что квоты повышают уровень представительства женщин, но не всегда действуют как щит. Например, в Сомали наблюдался серьезный спад уровня представительства (–4,7 п. п.), несмотря на закон о квотах. Можно сделать вывод, что квоты должны быть четкими и поддерживаться надежными механизмами правоприменения.

Насилие в отношении женщин-депутатов признается в докладе ключевым препятствием на пути к равенству в политике. Отмечается, что 8 из 10 женщин-парламентариев в Африке подвергались психологическому насилию со стороны коллег-мужчин (исследование МПС 2021 г. и Африканского парламентского союза); эти данные аналогичны исследованиям 2016 (глобальные) и 2018 г. (Европа). Число негативных примеров достаточно заметно. Обозначенная тенденция касается и развитых стран: известно, что во Франции с января 2021 по сентябрь 2022 г. зарегистрированы 40 парламентских дел о ненадлежащем поведении (сексуальные домогательства и издевательства). В Сенегале шесть месяцев тюремного заключения было назначено для двух парламентариев, напавших на беременную депутатку в Национальной ассамблее. Нет сомнения в том, что парламенты должны работать над тем, чтобы стать безопасным местом для женщин.

Для достижения равенства в отношении женщин и мужчин мировое сообщество в лице ООН и различных структур ее системы подчеркивает необходимость

учета шести факторов, таких как разработка национальных планов действий; наличие инструмента гендерного квотирования, закрепленного законодательством; ликвидация дискриминационных законов; ограничение расходов на выборы; принятие законодательства против насилия по половому признаку; наличие целевого паритета в общественной жизни. В этом ряду важную роль играет реализация Целей устойчивого развития, которая занимает особое место в мониторинге хода событий со стороны мирового сообщества.

**«Кибератака и киберпреступность в отношении женщин и девочек»
(резолюция, принятая в рамках 146-й Ассамблеи МПС)**

С 11 по 15 марта 2023 г. в г. Манама, столице Бахрейна, состоялась 146-я Ассамблея Межпарламентского союза (The 146th IPU Assembly Manama), в рамках которой проходил Форум женщин-парламентариев (The Forum of Women Parliamentarians) [Contribution to the Work... , 2023]. Обсуждался широкий круг вопросов современности, включая проблемы равенства в отношении женщин и мужчин, прав человека, устойчивого развития, мира и безопасности, политического участия молодежи [Gender equality, 2023].

Участники обсудили проект резолюции Ассамблеи «Кибератака и киберпреступность: новые риски для глобальной безопасности» (Cyberattacks and Cybercrimes: The New Risks to Global Security). Форум женщин-парламентариев предложил Постоянному комитету по вопросам мира и международной безопасности (Standing Committee on Peace and International Security) внести в проект резолюции рекомендуемые поправки в контексте соблюдения интересов женщин и мужчин. Прения были сосредоточены на основных аспектах темы проекта резолюции. Обсуждались следующие вопросы.

1. Чем отличаются кибератаки и киберпреступления, целью которых являются женщины/девочки и мужчины/мальчики?
2. Могут ли законы и политика противодействовать кибератакам и киберпреступлениям в отношении женщин и девочек?
3. Каковы передовые методы предотвращения киберпреступлений в отношении женщин и девочек?
4. Как парламенты могут способствовать повышению роли женщин в борьбе с кибератаками и киберпреступлениями, в том числе женщин-исследовательниц, работающих над системами киберзащиты?

В документе отмечается, что в условиях развития Интернета кибератаки и киберпреступность в непропорционально большей степени затрагивают права женщин и девочек. Например, с кибератакой связывают насилие в отношении женщин и девочек в автономном режиме. Статистика свидетельствует о том, что 38 % женщин лично сталкивались с кибератакой, а 85 % женщин — пользовательниц Интернета стали свидетелями такого насилия в отношении других женщин.

Насилие может принимать различные формы, включая киберпреступление, распространение интимных изображений без согласия, сексуальное насилие, угрозы насилия, сексуальные домогательства в Интернете и мизогинистские высказывания, разжигающие ненависть. В документе подчеркиваются следующие обстоятельства [146th IPU Assembly... , 2023]:

— женщины-политики, журналистки и участницы-активистки движения за права человека, права женщин, молодые женщины, а также девочки и женщины с пересекающимися идентичностями подвергаются повышенному риску;

— при содействии технологий женщины и девочки непропорционально чаще становятся жертвами торговли людьми, сексуальной эксплуатации и надругательств;

— базовые причины и движущие силы насилия по признаку пола, совершаемого при помощи технологий, и этого же насилия, осуществляемого в офлайн-формах, идентичны; это — структурное неравенство по признаку пола, глубоко укоренившиеся культурные и социальные нормы и модели пагубной маскулинности;

— законы не учитывают специфических особенностей цифровых пространств, которые создают благоприятную среду для насилия по признаку пола. Факты свидетельствуют о том, что выжившие жертвы часто сталкиваются с проблемами при получении доступа к правосудию, проведение расследования и осуществление судебного преследования за киберпреступления также сопровождаются трудностями;

— женщины имеют неравный доступ к Интернету и информационно-коммуникационным технологиям в условиях цифрового гендерного разрыва, что обуславливает их отставание в цифровой грамотности по сравнению с мужчинами, а также большой риск стать жертвой различных видов киберпреступлений (кража личных данных, мошенничество с банковскими счетами и др.);

— доступ к цифровым технологиям и обучение — необходимые слагаемые для уменьшения числа неблагоприятных ситуаций, с которыми женщины часто сталкиваются из-за существующего цифрового разрыва, а также отсутствия проблематики равенства женщин и мужчин в стратегиях киберзащиты;

— искусственный интеллект играет все более важную роль в выявлении и предотвращении киберпреступлений, в связи с этим возникает важный вопрос о разработке алгоритмов с учетом проблематики равенства полов в социуме;

— статистика подтверждает необходимость привлечения большего числа женщин к разработке и внедрению стратегий предотвращения киберпреступлений и систем киберзащиты (только 25 % экспертов по кибербезопасности во всем мире составляют женщины).

В процессе обсуждения участники были единодушны в том, что необходимо предотвращать кибератаки и киберпреступления в отношении женщин и девочек с помощью надежного и эффективно применяемого законодательства. Это требует от парламентариев расширения своих знаний и понимания природы киберпреступлений, в том числе различий в способах, с помощью которых они нацелены против женщин/девочек и мужчин/мальчиков и влияют на них. Подчеркивалась необходимость обеспечить в странах комплексный подход к предотвращению киберпреступности и учет в профилактических целях фактов особой уязвимости женщин и девочек, которые с более высокой вероятностью становятся объектами определенных видов киберпреступлений и их жертвами.

В список итоговых документов вошли Манамакская декларация «Содействие мирному сосуществованию и инклюзивным обществам: борьба с нетерпимостью» и две резолюции. Одна из них касается повышения осведомленности

общественности и призыва к действиям в связи с серьезными гуманитарными кризисами, затрагивающими народы ряда стран, а также «особой уязвимостью женщин и детей». Вторая резолюция имеет отношение к проблемам киберпреступности, с которой связаны новые риски для глобальной безопасности.

О промежуточном отчете о достижении ЦУР

В специальном выпуске отчета о ходе реализации Целей устойчивого развития (ЦУР) (апрель 2023 г.) представлена грустная картина: из 169 задач ЦУР выполнение лишь 12 % находится на верном пути, а прогресс в решении 50 % «слабый и недостаточный». Особенно настораживает тот факт, что «прогресс либо застопорился, либо даже повернулся вспять по реализации более чем 30 % целей» [Guterres... , 2023].

Неудивительно, что прозвучала идея о необходимости безотлагательных фундаментальных перемен. «Повестка дня на период до 2030 года — это повестка дня справедливости и равенства, инклюзивного устойчивого развития, прав человека и достоинства для всех. Это требует фундаментальных изменений в организации мировой экономики», — отметил Антониу Гутерриш. Генсек ООН подчеркнул, что «ЦУР — это путь к преодолению экономических и геополитических разногласий; к восстановлению доверия и солидарности»: «Давайте внесем ясность: ни одна страна не может позволить себе, чтобы она потерпела неудачу» [ibid.].

Отчет о ходе достижения ЦУР содержит ряд важных рекомендаций, среди которых настоятельный призыв к правительствам установить и выполнить национальные ориентиры по сокращению бедности и неравенства к 2027 и 2030 г., расширить социальную защиту и рабочие места, сделать доступными образование, равенство и «цифровую интеграцию» для женщин и мужчин. Выбор остается за национальными правительствами стран, взявшими на себя обязательства добиваться Целей устойчивого развития, реализация которых зиждется на принципах равенства женщин и мужчин в социуме.

Список источников

- Contribution to the Work of the 146th Assembly from a Gender Perspective / 146th IPU Assembly Manama (11—15 March 2023). #IPU146; Forum of Women Parliamentarians. FEM/35/4. Inf-1. Item 4, 6 February 2023. 2023. URL: <https://wam.ae/en/details/1395303137734> (дата обращения: 26.03.2023).
- Gender equality // IPU. 2023. URL: <https://www.ipu.org/impact/gender-equality> (дата обращения: 07.03.2023).
- Guterres Urges Countries to Recommit to Achieving SDGs by 2030 Deadline. 2023. URL: <https://news.un.org/en/story/2023/04/1136017> (дата обращения: 26.04.2023).
- 145th IPU Assembly and Related Meetings, Kigali, Rwanda, 11—15 October 2022: Results of the Proceedings. 2022. URL: https://file:///D:/1/Results-WEB-145Assembly-final%20version-e_0.pdf (дата обращения: 26.03.2023).
- IPU — UN Women Parliamentary Meeting, 7 March 2023. #CSW67. 2023. URL: <https://www.unwomen.org/en/csw/csw67-2023> (дата обращения: 12.03.2023).
- Population Bomb, Bust — or Boon?: New UNFPA Report Debunks 8 Myths about a World of 8 Billion. 2023. URL: <https://www.unfpa.org/news/population-bomb-bust-or-boon-new-unfpa-report-debunks-8-myths-about-world-8-billion> (дата обращения: 19.04.2023).

- The Kigali Declaration: (Re) Committing to Gender-Sensitive Parliaments. 2022. URL: <https://www.gender.ed.ac.uk/the-kigali-declaration-recommitting-to-gender-sensitive-parliaments/> (дата обращения: 19.10.2022).
- The Role of Parliaments in Advancing Gender Equality through Technology. 2023. URL: <https://www.ipu.org/event/role-parliaments-in-advancing-gender-equality-through-technology> (дата обращения: 12.04.2023).

References

- Contribution to the Work of the 146th Assembly from a Gender Perspective* (2023), 146th IPU Assembly Manama (11—15 March 2023), #IPU146; Forum of Women Parliamentarians, FEM/35/4, Inf-1, Item 4, 6 February 2023, available from <https://wam.ae/en/details/1395303137734> (accessed 26.03.2023).
- Gender equality (2023), IPU, available from <https://www.ipu.org/impact/gender-equality> (accessed 07.03.2023).
- Guterres Urges Countries to Recommit to Achieving SDGs by 2030 Deadline* (2023), available from <https://news.un.org/en/story/2023/04/1136017> (accessed 26.04.2023).
- 145th IPU Assembly and Related Meetings, Kigali, Rwanda, 11—15 October 2022: Results of the Proceedings* (2022), available from https://file:///D:/1/Results-WEB-145Assembly-final%20version-e_0.pdf (accessed 26.03.2023).
- IPU — UN Women Parliamentary Meeting, 7 March 2023* (2023), #CSW67, available from <https://www.unwomen.org/en/csw/csw67-2023> (accessed 12.03.2023).
- Population Bomb, Bust — or Boon?: New UNFPA Report Debunks 8 Myths about a World of 8 Billion* (2023), available from <https://www.unfpa.org/news/population-bomb-bust-or-boon-new-unfpa-report-debunks-8-myths-about-world-8-billion> (accessed 19.04.2023).
- The Kigali Declaration: (Re) Committing to Gender-Sensitive Parliaments* (2022), available from <https://www.gender.ed.ac.uk/the-kigali-declaration-recommitting-to-gender-sensitive-parliaments/> (accessed 19.10.2022).
- The role of Parliaments in Advancing Gender Equality Through Technology* (2023), available from <https://www.ipu.org/event/role-parliaments-in-advancing-gender-equality-through-technology> (accessed 12.04.2023).

Статья поступила в редакцию 04.09.2023; одобрена после рецензирования 18.09.2023; принята к публикации 21.09.2023.

The article was submitted 04.09.2023; approved after reviewing 18.09.2023; accepted for publication 21.09.2023.

Информация об авторе / Information about the author

Шведова Надежда Александровна — доктор политических наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель Центра социально-политических исследований, Институт США и Канады им. академика Г. А. Арбатова РАН, г. Москва, Россия, n.shvedova2015@yandex.ru (Dr. Sc. (Political Sc.), Professor, Chief Researcher, Head of the Center for Socio-Political Research, Georgy Arbatov Institute for U.S. and Canadian Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation).

Женщина в российском обществе. 2023. № 4. С. 31—45.

Woman in Russian Society. 2023. No. 4. P. 31—45.

Научная статья

УДК 316.34:621.039(470+571)(44)

DOI: 10.21064/WinRS.2023.4.3

РОЛЬ ЖЕНЩИН-ЛИДЕРОВ В АТОМНЫХ ОТРАСЛЯХ РОССИИ И ФРАНЦИИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Наталья Сергеевна Григорьева¹,
Анастасия Александровна Жохова¹,
Анастасия Игоревна Кузнецова²

¹ Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
г. Москва, Россия, grigorieva@sra.msu.ru

² Финансовый университет при Правительстве РФ, г. Москва, Россия

Аннотация. Вопрос гендерного равенства в корпоративном управлении является в настоящее время одним из самых актуальных: доля женщин в высшем руководстве компаний растет, но существенно различается в зависимости от их отраслевой принадлежности и размеров. Анализ публикаций показал, что феномен женского лидерства в бизнес-структурах атомной отрасли в научной литературе представлен недостаточно. И хотя каждая из этих публикаций освещает важную часть проблем, связанных с гендерным фактором в атомной промышленности, они отражают лишь отдельные направления научного поиска. Новизна данной работы заключается в том, что она содержит результаты первого сравнительного исследования по проблемам гендерного равенства среди женщин-руководительниц высшего звена в атомных отраслях России и Франции, занимающих ведущие позиции в мире в производстве электроэнергии и строительстве АЭС. Сравнительный анализ выполнен на примере двух крупнейших атомных корпораций — Государственной корпорации по атомной энергии «Росатом» и французской энергогенерирующей компании EDF — по следующим критериям: наличие законодательства о гендерном балансе в бизнес-структурах, биографические сведения о женщинах-лидерах, каналы рекрутирования в атомную отрасль и карьерная траектория женщин-лидеров в атомной отрасли, связь с политической и иными сферами деятельности. Авторы использовали такие методы исследования, как биографический и ретроспективный, метод детерминизма, сравнительный анализ, политико-текстологический анализ источников, кейс-стади и др. По результатам сравнительного исследования сделан вывод о том, что особенности национальных моделей женского лидерства в атомных отраслях обусловлены как наличием/отсутствием законодательства о гендерном балансе в бизнес-структурах, так и спецификой карьерных траекторий продвижения на руководящие должности непосредственно в атомных отраслях Франции и России.

Ключевые слова: женское лидерство, женщины в бизнесе, атомная отрасль, женщина-лидер, гендерный баланс

Для цитирования: Григорьева Н. С., Жохова А. А., Кузнецова А. И. Роль женщин-лидеров в атомных отраслях России и Франции: сравнительный анализ // *Женщина в российском обществе. 2023. № 4. С. 31—45.*

Original article

THE ROLE OF WOMEN LEADERS IN THE NUCLEAR INDUSTRIES IN RUSSIA AND FRANCE: A COMPARATIVE ANALYSIS

*Natalia S. Grigorieva*¹, *Anastasia A. Zhokhova*¹,
*Anastasia I. Kuznetsova*²

¹ Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russian Federation, grigorieva@spa.msu.ru

² Financial University under the Government of the Russian Federation,
Moscow, Russian Federation

Abstract. The issue of gender equality in corporate governance is currently one of the most pressing — the proportion of women in the top management of companies is growing, but varies significantly depending on the industry and size. An analysis of publications showed that the phenomenon of female leadership in business structures of the nuclear industry is not sufficiently reflected in the scientific literature. Although each of these publications covers an important part of the problems associated with the gender factor in the nuclear industry, they reflect only certain areas of scientific research related to the subject area being studied. The novelty of this article lies in the fact that it presents the results of the first comparative study on gender equality among women in senior management positions in the nuclear industries in Russia and France, which are among the world leaders in electricity production and nuclear power plant construction. A comparative analysis was carried out using the example of two largest nuclear corporations — the State Corporation Rosatom and the French energy generating company EDF — according to the following criteria: the presence of legislation on gender balance in business structures, biographical information about women leaders, recruitment channels into the nuclear industry and career trajectory of women leaders in the nuclear industry, connection with political and other areas of activity. The authors used research methods such as biographical and retrospective methods, the method of determinism, comparative analysis, political-textual analysis of sources, case studies, etc. Based on the results of a comparative study, the authors of the article come to the conclusion that the features of national models of female leadership in the nuclear industries are determined both by the presence/absence of legislation on gender balance in business structures, and by the specifics of career trajectories for promotion to leadership positions directly in the nuclear industries in France and Russia.

Key words: female leadership, women in business, nuclear industry, women leaders, gender balance

For citation: Grigorieva, N. S., Zhokhova, A. A., Kuznetsova, A. I. (2023) Rol' zhenshchin-liderov v atomnykh otrasliakh Rossii i Frantsii: sravnitel'nyĭ analiz [The role of women leaders in the nuclear industries in Russia and France: a comparative analysis], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 4, pp. 31—45.

Введение

Россия является одной из немногих стран, где практически в каждой компании в составе топ-менеджмента присутствуют женщины [Зарубин, Киселева, 2019], в стране самая высокая доля женщин-руководительниц в сфере бизнеса. Речь идет о количестве женщин в руководстве предприятиями. При этом доля женщин-руководительниц, по результатам исследования компании Deloitte¹, зависит от размеров и отраслевой принадлежности компаний: например, их более 30 % в образовательной сфере (до 42 %), здравоохранении и социальных услугах (39 %). Но гораздо меньше — менее 10 % — в отраслях по добыче полезных ископаемых (6 %), энергетике (7 %), строительстве (8 %) и сельском хозяйстве (10 %) [Женщины-СЕО в России... , 2020:7].

Председатель Совета Федерации Федерального собрания РФ В. И. Матвиенко в 2023 г. обратила особое внимание на рост индекса женской деловой активности в России в целом, и в частности на растущие показатели участия женщин в высокотехнологичных секторах экономики — электроэнергетике, атомной энергетике (см.: [Татьяна Илюшникова... , 2023]). Тем не менее доля женщин-руководительниц в этих бизнес-структурах остается значительно меньшей, чем доля мужчин, а число женщин-лидеров в компаниях России растет в основном в среде малого и среднего предпринимательства.

В данной статье сравнивается положение женщин-руководительниц высшего звена в атомных отраслях России и Франции — стран, в которых эта отрасль традиционно имеет большую долю присутствия на рынке. И Франция, и Россия являются лидерами в производстве электроэнергии, захватывают ведущие места в мире по величине портфеля заказов на сооружение АЭС. Доли женщин, работающих в атомных отраслях России и Франции, практически одинаковы и составляют 30 % [Татьяна Терентьева... , 2021] и 30,1 % [EDF SA publie... , 2022] соответственно. При этом в руководящем звене Государственной корпорации по атомной энергии «Росатом» (Россия) только 20,1 % женщин [По данным фонда... , 2019], тогда как среди руководящего состава крупнейшей государственной энергогенерирующей компании Франции *Électricité de France* (EDF) 30,5 % женщин [EDF SA publie... , 2022].

Отметим, что гендерное разнообразие важно для эффективности и финансовых показателей компаний, причем как среди сотрудников, так и среди руководящего звена [ООН]. Инвесторы и регуляторы бизнес-структур все чаще положительно оценивают показатели разнообразия, равенства и вовлеченности женщин и мужчин на высокие посты в организациях [Перская и др., 2022: 50]. Доля женщин в советах директоров российских компаний еще не так давно составляла всего 12 % [Гаранина, Муравьев, 2018: 142]. Доля женщин в советах директоров французских компаний в тот же период времени (начало и середина 2010-х гг.) была также невысока и составляла примерно 11 % [Bennouri et al., 2018]. При этом гендерный разрыв на уровне руководителей практически в 2 раза выше, чем на уровне оплаты труда или показателей численности женщин-

¹ Deloitte — международная сеть компаний, оказывающих услуги в области консалтинга и аудита. Российский офис консалтинговой компании Deloitte продолжает работать в России под названием «Деловые решения и технологии».

работниц на рынке [Круглова, 2020: 56—58], что подтверждает данные о том, что женщины чаще сталкиваются со «стеклянным потолком» при построении карьеры вне зависимости от уровня их образования, компетенций, опыта и сферы труда [Fuchs, 2019].

Большее гендерное разнообразие соответствует более высокой производительности, росту инноваций, большей конкурентоспособности, принятию наиболее конструктивных решений, большей стабильности сотрудников и их удовлетворенности работой [Beamond et al., 2016]. Более того, достижение гендерного баланса и устранение барьеров в виде «стеклянного потолка» в карьере женщин в современном мире является одной из 17 Целей устойчивого развития, разработанных в 2015 г. Генеральной Ассамблеей ООН в качестве «плана достижения лучшего и более устойчивого будущего для всех» [Цели...]. Устранение барьеров, связанных со стереотипами или социально обусловленными ограничениями, позволит получить более качественное и эффективное управление в компаниях, что позитивно скажется на их финансовых показателях и инвестиционной привлекательности [How gender fits...].

Цель нашего исследования — выявление особенностей и сравнение характеристик женского лидерства в атомных отраслях России и Франции на примере двух крупнейших атомных корпораций. Сравнительный анализ проводился по следующим критериям: наличие законодательства о гендерном балансе в бизнес-структурах, биографические сведения о женщинах-лидерах, каналы рекрутирования в атомную отрасль и карьерная траектория женщин-лидеров в атомной отрасли, связь с политической и иными сферами деятельности.

В современной России феномен женского лидерства в бизнес-структурах (особенно атомной отрасли) в литературе отражен недостаточно, большинство работ посвящено представленности женщин в политике. Исследованиями особенностей женского представительства на руководящих постах в бизнесе занимались А. Е. Чирикова, А. М. Говоруха [Чирикова, 2003; Говоруха, 2018]. В последние годы появились работы, в которых проводился анализ показателей деловой активности российских женщин-предпринимательниц, а также специфических особенностей проявления лидерских качеств женщин-руководительниц и факторов развития женского предпринимательства [Ткаченко, Первухина, 2017; Уткина, 2017; Зарубин, Киселева, 2019; Пиньковецкая, 2019].

Зарубежные авторы исследуют проблемы, с которыми сталкиваются женщины при продвижении на высшие руководящие должности [Rink et al., 2012; Glass, Cook, 2015]. Нами также были выделены работы, посвященные сложностям вхождения женщин в предпринимательскую среду [Thébaud, 2016], а также анализирующие участие женщин в семейном бизнесе и их карьерную динамику [Camproriano et al., 2017], отражающие сущность гендерного дисбаланса в бизнес-структурах.

Эмпирической базой исследования послужили нормативно-правовые акты, публикации в средствах массовой информации (ТАСС, РБК, «Известия», RNS, Le Figaro, Libération, Le Monde и другие деловые СМИ и информационные агентства), материалы официального сайта Госкорпорации «Росатом» и ее организаций, официального сайта французской энергогенерирующей компании EDF, официального сайта ООН, открытые интернет-ресурсы, содержащие

биографические и иные сведения о женщинах-руководительницах в атомных отраслях России и Франции, включая социальные сети.

В качестве методов исследования были использованы следующие: биографический, ретроспективный, историко-правовой методы, политико-текстологический анализ источников, кейс-стади, ивент-анализ, гендерный подход и др.

Нами было проанализировано 20 биографий женщин, входящих в руководящий состав российской и французской атомных компаний (по 10 с каждой стороны).

Наличие законодательства о гендерном балансе в бизнес-структурах на современном этапе

В 2021 г. во французском законодательстве был принят нормативно-правовой акт о достижении гендерного баланса на руководящих постах в крупнейших компаниях страны. Закон № 2021-1774 от 24 декабря 2021 г. официально закрепил курс на ускорение достижения экономического и профессионального равенства [LOI № 2021-1774... , 2021]. Эта мера предполагает поэтапное введение квоты для сбалансированного представительства женщин и мужчин среди руководителей и членов руководящих органов государственных учреждений, а также на иных предприятиях с численностью работников не менее 1000 человек к 2029 г. (ст. 14) [ibid]. Закон обязывает компании ежегодно публиковать начиная с 1 марта 2022 г. сведения о различиях в представленности мужчин и женщин среди руководителей высшего звена и среди членов руководящих органов компаний.

По данным на конец 2021 г. были рассчитаны некоторые показатели по количеству женщин в компании EDF: в главной атомной компании Франции было всего около 30,1 % женщин в общей численности сотрудников, при этом среди руководящего состава женщин насчитывалось 30,5 %. В составе Советов директоров было 30,3 % женщин. Необходимо подчеркнуть, что в период с 2011 по 2021 г. доля женщин-руководительниц и доля женщин в Советах директоров EDF увеличились на 50 %. Однако после принятия закона о гендерном балансе положительная динамика только за один год увеличилась практически в 2 раза: численность женщин на руководящих постах (в Советах директоров) возросла с 30,3 до 58,8 % [EDF SA publie... , 2022]. И все же результаты практик применения закона о гендерном балансе на руководящих постах в крупнейших французских компаниях (включая атомную отрасль) можно будет объективно оценивать только по прошествии большего времени.

В России не существует специальных нормативно-правовых актов, направленных на достижение гендерного баланса на руководящих постах в различных отраслях, включая атомную. В ч. 3 ст. 19 Конституции РФ отражено общее положение, согласно которому мужчина и женщина имеют равные права и свободы и равные возможности для их реализации [Конституция Российской Федерации, 2020]. Тем не менее с 2017 по 2022 г. в России осуществлялся план мероприятий по реализации Национальной стратегии действий в интересах женщин, утвержденный Правительством РФ, в котором ключевыми целями стали: соблюдение принципа равноправия мужчин и женщин в различных сферах, повышение экономической независимости и политической активности россиянок

и др. [Национальная стратегия... , 2017]. Распоряжением Правительства РФ от 29 декабря 2022 г. № 4356-р была утверждена Национальная стратегия действий в интересах женщин на 2023—2030 гг., которая касается в определенной мере преодоления «стеклянного потолка» в карьерной траектории женщин и достижения баланса между семьей и работой [Национальная стратегия... , 2022].

Иными словами, очевидно, что во Франции уже существует «гендерное законодательство», направленное на развитие потенциала женского лидерства, в то время как в России речь идет только об общих принципах равноправия женщин и мужчин при карьерной реализации. Французское законодательство, предполагающее открытый доступ к показателям гендерного разрыва в компаниях и ежегодную их публикацию, значительно упрощает поиск информации относительно женщин-руководительниц.

Каналы рекрутирования в атомную отрасль на руководящие должности и карьерные траектории

В Госкорпорации «Росатом» среди заместителей генерального директора (назначаемая должность) числится всего 1 женщина, в наблюдательном совете также всего 1 женщина, среди функциональных руководителей корпорации насчитывается 6 женщин-лидеров. Коллегиальным исполнительным органом Госкорпорации является правление, в котором женщины отсутствуют. Однако они занимают высокие посты в подведомственных «Росатому» организациях. Во французской же EDF в качестве высших органов значатся два Совета директоров: в основном — члены назначаются, в другом — члены избираются работниками и спонсируются сильными профсоюзами данной корпорации. В основном Совете директоров EDF присутствует 7 женщин (из 11 членов) [Conseil d'administration], что составляет 63,6 %, причем многие были назначены именно в 2022 г., после введения «гендерного» законодательства. В другом Совете избраны 3 женщины (из 6 членов), что составляет 50,0 % [ibid].

Количественные показатели женщин на руководящих постах в атомной отрасли не отражают особенностей женского лидерства в бизнес-структурах России и Франции, однако дают представление об особенностях бизнес-систем этих стран и о сложившихся имиджах «ведущего лидера». Видно, что положительная динамика существует и показатели растут, а значит, расширяется и выборка для настоящих и будущих исследований. Благодаря этому можно сказать, что женщины, охваченные исследованием, бесспорно выдающиеся, яркие руководительницы. Существуют многочисленные обоснования для выяснения причин, по которым эти женщины стали лидерами в атомных отраслях России и Франции, но их объединяет то, что практически ко всем применимо слово «лидер»: заместитель генерального директора по персоналу, директор департамента по устойчивому развитию, директор департамента по взаимодействию с регионами, заместитель генерального директора Корпоративной академии «Росатома», соучредитель отраслевого сообщества «Женщины атомной отрасли», член Совета директоров EDF и др.

Относительно каналов рекрутирования важно отметить, что половина женщин-руководительниц пришли в «Росатом» из бизнеса, а следовательно, они знают, как работают бизнес-процессы в структурах «Росатома» и его дочерних

предприятиях. Треть — выходцы из образовательной среды (бывшие преподаватели университетов, образовательных платформ и т. п.). Остальные 20 % ранее были связаны с бюджетными организациями (правительства регионов, федеральные государственные учреждения, администрации).

Женщины преимущественно строят карьеру непосредственно в «Росатоме»: приходя извне, они растут в своих должностях, поднимаясь с одного уровня на другой (например, заместитель генерального директора «Росатома» Т. Терентьева получила эту должность, будучи директором департамента). Средний стаж работы женщин на управленческих позициях в атомной отрасли России варьируется от 10 до 20 лет.

Что касается Франции, то все женщины в основном совмещают должность в Советах директоров EDF с руководящей должностью в другой организации, связанной с атомной отраслью. Это государственная служба в соответствующих министерствах, электрическая и газовая промышленность и инновации, деловое партнерство за рубежом и устойчивое развитие, геологические и горнодобывающие предприятия. Как правило, женщины приглашаются на руководящий пост в состав Советов директоров EDF из внешней среды, уже имея опыт на руководящих постах в других организациях более 30 лет.

Таким образом, женщины-лидеры в атомной отрасли России строят свою карьеру преимущественно в рамках «Росатома», в то время как во французскую EDF женщин приглашают на руководящие посты как уже сформировавшихся и успешных управленцев.

Биографические особенности женщин-лидеров в атомной отрасли

Возраст. Среди включенных в исследование женщин-руководительниц в «Росатоме» больше половины не старше 50 лет. Средний возраст женщины-управленца в атомной отрасли в России чуть более 45 лет. Самой старшей руководительнице — 63 года.

Все женщины, находящиеся на руководящих постах в EDF, старше 50 лет, средний возраст женщины-управленца во французской атомной отрасли превышает 60 лет. Самой опытной руководительнице на данный момент 77 лет. Молодых женщин или среднего возраста на высоких постах практически нет. Соответственно стаж на руководящем посту у француженок более 30 лет, т. е. это опытные сотрудницы, проверенные временем и работой в других компаниях.

Образование. Все женщины-управленцы в атомной отрасли России имеют высшее гуманитарное образование. Это говорит о том, что для занятия высокого поста в атомной отрасли женщиной ей не требуется специального технического образования. Возможно, это происходит потому, что позиции, которые занимают женщины, связаны именно с гуманитарным, а не техническим профилем работы (реализация социальных проектов, подбор персонала, GR- и PR-проекты и пр.).

Во Франции из 10 женщин у 7, как минимум, два высших образования. Половина женщин, если первое образование было техническое, обязательно получили второе образование, как правило управленческое или экономическое, что необходимо для занятия административной позиции. При этом, как показывает выборка, без технического образования женщина на руководящем посту во французской атомной отрасли может обойтись (при условии получения качественного

гуманитарного высшего образования в одном из лучших университетов Франции по части делового администрирования или управления), что показывает важность высшего образования именно в сфере управления / бизнес-администрирования и даже лингвистики (профессиональное изучение нескольких языков) для занятия высокой руководящей должности. По сути — это обязательное условие.

Семья. Что касается личной (семейной) жизни женщин-руководительниц в российской атомной отрасли, то здесь информации почти нет или она очень скудная. Это говорит о том, что в сравнении с Францией, где информация по данному критерию значительно доступнее, в России женщины-руководительницы в открытых источниках (таких как социальные сети или СМИ) не стремятся заявлять о своем семейном положении (по крайней мере, для исследователей этой информации в открытых источниках оказалось гораздо меньше, чем применительно к французенкам). Хотя можно допустить, что женщин-руководительниц об этом просто не спрашивают. Возможно, дело в том, что российская политическая культура маскулинная по своей природе, в которой изначально было больше мужчин, поэтому о семьях писать не принято. Что касается Франции, то подобную информацию при желании можно найти и нам удалось это сделать по 60 % женщин, занимающих высокие руководящие позиции в атомной отрасли. При этом у половины зафиксированы полные семьи — и муж, и дети (есть даже многодетные мамы). Этот факт способствует разрушению распространенного в обществе стереотипа о том, что у деловой женщины нет времени на семью и детей. Напротив, как показывает исследование, женщины Франции, находящиеся на высоких руководящих постах, демонстрируют высокий уровень экономической осознанности, планируя рождение детей и рассчитывая те финансовые и иные затраты, которые потребуются на их воспитание. Более того, возрастные характеристики показывают, что многие женщины приходят на высокие должности, когда дети достигают самостоятельности.

Таким образом, если попытаться составить типовой образ женщины-руководительницы в атомной отрасли в России, то это будет женщина в возрасте 45 лет с высшим гуманитарным образованием, профессиональный и карьерный рост которой связан с одной отраслью и сведения о личной жизни которой не являются предметом повышенного интереса, поэтому, как правило, не представлены в публичном пространстве. Во Франции это будет женщина в возрасте 60 лет, обязательно имеющая высшее гуманитарное образование (иногда и не одно), чей карьерный путь был связан с самыми разными сферами деятельности, где она уже занимала руководящие посты; информация о ее личной жизни часто находится в открытом доступе (состав семьи, дети, занятия членов семьи и др.).

Связь с политической и иными сферами деятельности

У 60 % женщин-руководительниц высшего звена атомной отрасли России, включенных в исследование, присутствует связь с политической и образовательной сферами деятельности. Среди них есть кандидаты политических и экономических наук, ментор по вопросам карьерной траектории и женского лидерства для студентов, член Национального совета при Президенте РФ по профессиональным квалификациям. Показательно, что практически все занимают активную жизненную позицию, многие продвигают гендерную повестку,

участвуют в различного рода конференциях, связанных с женским лидерством и развитием женских инициатив и др. [Глобальный тренд... , 2020]. Многие женщины-руководительницы являются членами организации «Женщины атомной отрасли», что априори соответствует гендерной повестке, в отличие от Франции.

Во Франции 60 % женщин из исследуемой группы имеют отчетливую связь с политической сферой или госслужбой, при этом, как минимум, у половины прослеживается связь со сферой активной международной деятельности. До прихода в атомную отрасль француженки занимали руководящие позиции в Министерстве иностранных дел, Министерстве экономики и финансов, в Генеральной финансовой инспекции, а также в Министерстве экологии, устойчивого развития, транспорта и жилищного строительства. И только после этого их пригласили занять места в Советах директоров EDF, где женщины стали заниматься стратегическим планированием и развитием бизнес-стратегий ведущей атомной корпорации Франции². В связи с другими сферами деятельности женщин на руководящих постах атомной отрасли во Франции важно то, что практически ни одна из них не затрагивает тему гендерного баланса или, по крайней мере, публично не выступает за продвижение женского представительства в бизнесе (как, например, через участие в отраслевой организации — уже упомянутой «Женщины атомной отрасли» в России), хотя при этом каждая из них сама по себе является ярким примером женщины-лидера на руководящем посту в данной отрасли. Иными словами, они не делают акцента на своей гендерной принадлежности и не замечены среди активистов женского движения. Впрочем, такое поведение характерно и для женщин-лидеров в сфере политики во Франции [Григорьева, Жохова, 2022].

Заключение

В атомных отраслях России и Франции средний уровень представленности женщин на руководящих постах — от 20 до 30 % соответственно. Однако данное исследование продемонстрировало высокий потенциал женщин-лидеров в атомных отраслях обоих государств. В первую очередь речь идет о наличии законодательства о гендерном балансе в бизнес-структурах. Во Франции 2 года тому назад был принят закон, способствующий развитию непосредственно лидерского потенциала женщин [LOI № 2021-1774... , 2021], и хотя его эффективность пока сложно оценить, важен сам факт его принятия. В России же имеется только нормативно-правовая база, направленная на осуществление общих принципов равноправия полов при карьерной реализации [Национальная стратегия... , 2022]. В связи с этим следует обратить внимание на целесообразность проработки дополнительных мер на государственном уровне, обеспечивающих легализацию продвижения женщин на высокие посты на равных с мужчинами при условии одинаковых компетенций в виде опыта, образования и др.

Следует отметить, что в России и Франции женщины приходят в атомные отрасли, как правило, из госсектора или других отраслей. Однако в России женщины-лидеры предпочитают строить карьеру непосредственно в Госкорпорации

² Например, Анн-Мари Декот стала первой женщиной на посту генерального секретаря Министерства Европы и иностранных дел, совмещая эти обязанности с должностью члена Совета директоров в EDF [Biographic... , 2022].

«Росатом» (поступательное развитие карьеры), а во Франции, напротив, женщины приглашаются в состав Советов директоров EDF из внешней среды, имея значительный опыт работы на руководящих постах (более 30 лет), и, как показывает исследование, преуспевают в качестве руководителей высшего звена в атомной отрасли чаще россиянок, а значительный стаж играет ключевую роль в их продвижении.

В России женщины в атомной отрасли имеют стаж на руководящих постах примерно от 10 до 20 лет (как уже отмечалось, средний возраст женщины-управленца в атомной отрасли в России едва превышает 45 лет). Это говорит об относительно недавней политике рекрутирования женщин на лидерские позиции в атомной отрасли в отличие от француенок. Отметим, что средний возраст женщины-управленца во французской атомной отрасли составляет более 60 лет. Фактически мы наблюдаем разницу в *целое поколение* женщин-лидеров в атомных отраслях России и Франции, что раздвигает границы *возраста высших достижений*, а следовательно, влияет на формирование жизненных стратегий женщин. Иными словами, во Франции возраст не помеха для занятия высоких должностей в управлении бизнесом, женщина в 60—70 лет на высшей руководящей позиции — рядовое явление. Основными показателями для занятия высокой должности в управлении выступают высокие компетенции и уровень образования, опыт руководителя.

Во Франции в управление атомной отраслью женщины пришли из других сфер деятельности — политической, образовательной, международной или госслужбы — фактически уже показавшими свои компетенции в качестве талантливых руководительниц. Являясь ярким примером женщины-лидера на руководящем посту в бизнесе, они не замечены в качестве активных лидеров женских организаций и в публичном пространстве не затрагивают тему гендерного равенства/неравенства.

В отличие от француенок россиянки на высоких постах в атомной отрасли нередко продвигают гендерную повестку, участвуют в различного рода конференциях, связанных с женским лидерством и развитием женских инициатив. Многие российские женщины-руководительницы являются членами организации «Женщины атомной отрасли». Возможно, такая активность обусловлена тем, что французские женщины уже надежно защищены законом, что способствует занятию и удержанию ими руководящих позиций в бизнес-секторе, в то время как россиянки не чувствуют себя столь уверенно на подобных постах. Поэтому актуальным является вопрос о необходимости улучшать законодательную базу на государственном уровне в отношении продвижения повестки гендерного баланса в разных отраслях экономики на руководящих постах. Речь идет о дополнительном принятии федеральных нормативных документов об обязательном гендерном паритете. Важно своевременное выявление и устранение дискриминации в аттестации сотрудников и их продвижении на руководящих постах, поскольку гендерные стереотипы мешают женщинам в случае необходимости даже оспорить факт проявления дискриминации на работе или при построении карьеры.

Следует в целом уделять больше внимания публичному обсуждению проблем в корпорациях, касающихся гендерного баланса в компаниях, в том числе высшим руководством рассматриваемых предприятий, работая над ролевыми моделями успешного руководителя, развивая при этом инклюзивную среду для всех сотрудников на пути к достижению высоких позиций, что поможет

достойным кандидатам своевременно занимать руководящие должности в бизнес-структурах вне зависимости от пола.

Наконец, проведенное исследование еще раз подтвердило тот факт, что высокие должности не мешают (а порой и помогают) женщинам иметь семьи, заниматься воспитанием детей, что в очередной раз опровергает устоявшийся в обществе стереотип о том, что деловой женщине на высоком руководящем посту приходится делать непростой выбор между успешной карьерой и семьей.

Список источников

- Гаранина Т. А., Муравьев А. А.* Советы директоров российских публичных компаний: гендерный аспект // Вопросы экономики. 2018. № 2. С. 142—155.
- Глобальный тренд на вовлечение женщин в ядерную энергетику как фактор устойчивого развития. 2020. URL: <https://eawf.ru/news/novosti-soveta-ezhf/globalnyy-trend-navovlechenie-zhenshchin-v-yadernuyu-energetiku-kak-faktor-ustoychivogo-razvitiya/> (дата обращения: 23.01.2023).
- Говоруха А. М.* Отношение общества к женщинам, занимающим руководящие должности // Вестник современных исследований. 2018. Вып. 3-2. С. 84—88.
- Григорьева Н. С., Жохова А. А.* Политическая риторика женщин-лидеров в избирательной кампании по выборам президента Франции 2022 г. // Женщина в российском обществе. 2022. № 4. С. 48—58.
- Женщины-СЕО в России. Показатели финансовой эффективности // Deloitte. 2020. URL: https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/ru/Documents/research-center/women_ceo_2020_05_03.pdf (дата обращения: 21.01.2022).
- Зарубин В. Г., Киселева Л. С.* Гендерные аспекты лидерства в бизнесе: мировой опыт и Россия // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. 2019. № 1. С. 134—143.
- Конституция Российской Федерации: принята 12.12.1993 с изм. от 01.07.2020. 2020. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/a4d26fe6022253f9f9e396e9ca6f63c80946702f/ (дата обращения: 10.01.2023).
- Круглова Е. Л.* Гендерная структура занятых в российской экономике // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 11, ч. 1. С. 56—61.
- Национальная стратегия действий в интересах женщин на 2017—2022 годы: распоряжение Правительства РФ от 8 марта 2017 г. 2017. URL: <https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/37/3> (дата обращения: 10.01.2023).
- Национальная стратегия действий в интересах женщин на 2023—2030 годы: распоряжение Правительства РФ от 29 декабря 2022 г. № 4356-р. 2022. URL: <http://government.ru/docs/47493/> (дата обращения: 31.08.2023).
- ООН: официальный сайт. URL: <https://www.un.org/ru/> (дата обращения: 21.01.2022).
- Перская В. В., Огрызов А. А., Зверева А. Д.* Стратегии ESG и социализация деятельности компаний в современных условиях: (зарубежный опыт) // Социально-трудовые исследования. 2022. № 3. С. 46—55.
- Пиньковецкая Ю. С.* Развитие женского предпринимательства в России: управленческий анализ // Вопросы управления. 2019. № 2. С. 122—131.
- По данным фонда «Объединение женщин атомной отрасли». 2019. URL: https://atomicexpert.com/women_in_nuclear (дата обращения: 15.01.2023).
- Татьяна Илюшникова: доля женщин среди ИП и самозанятых превышает 40 % // Министерство экономического развития Российской Федерации. 2023. 3 марта. URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/tatyana_ilyushnikova_dolya_zhenshchin_sredi_ip_i_samozanyatyh_prevyshaet_40.html (дата обращения: 29.08.2023).

- Татьяна Терентьева: доля женщин в атомной отрасли превысила 30 % // Корпоративная академия «Росатом». 2021. 24 сентября. URL: <https://rosatom-academy.ru/media/novosti/tatiana-terenteva-na-sessii-magate-rasskazala-o-gendernom-i-voznrastnom-balanse-v-atomnoi-otrasli/> (дата обращения: 09.01.2023).
- Ткаченко И. Н., Первухина И. В. Гендерные аспекты участия женщин в корпоративном бизнесе и предпринимательстве // Дискуссия. 2017. № 11. С. 25—35.
- Уткина Н. Ю. Объективные и субъективные факторы развития женского предпринимательства в России // Женщина в российском обществе. 2017. № 1. С. 17—28.
- Цели в области устойчивого развития. URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/sustainable-development-goals/> (дата обращения: 16.01.2023).
- Чурикова А. Е. Женщина и мужчина как топ-менеджеры российских компаний // Социологические исследования. 2003. № 1. С. 73—83.
- Beaumont M. T., Farndale E., Härtel C. E. MNE translation of corporate talent management strategies to subsidiaries in emerging economies // Journal of World Business. 2016. Vol. 51, № 4. P. 499—510.
- Bennouri M., Chtioui T., Nagati H., Nekhili M. Female board directorship and firm performance: what really matters? // Journal of Banking and Finance. 2018. Vol. 88. P. 267—291.
- Biographie de Mme Anne-Marie Descôtes // Ambassade de France en Allemagne. 2022. URL: <https://de.ambafrance.org/Biographie-de-Mme-Anne-Marie-Descotes> (дата обращения: 09.10.2023).
- Campropiano G., Massis D. A., Rinaldi R. F., Sciascia S. Women's involvement in family firms: progress and challenges for future research // Journal of Family Business Strategy. 2017. Vol. 8, № 4. P. 200—212.
- Glass C., Cook A. Leading at the top: understanding women's challenges above the glass ceiling // The Leadership Quarterly. 2015. Vol. 27, № 1. P. 51—63.
- Conseil d'administration // EDF: site officiel. URL: <https://www.edf.fr/groupe-edf/edf-en-bref/gouvernance/conseil-dadministration> (дата обращения: 22.01.2023).
- EDF SA publie un index de l'égalité à 90 points au titre de 2021 // edf.fr. 2022. 25 février. URL: <https://www.edf.fr/edf-recrute/nos-actualites-rh/edf-sa-publie-un-index-de-legalite-a-90-points-au-titre-de-2021> (дата обращения: 15.01.2023).
- Fuchs H. Glasdecke adé: Frauen in Führungspositionen // Deutsche Welle³. 2019. 26. Oktober. URL: <https://p.dw.com/p/3Rhtd> (дата обращения: 08.01.2023).
- How gender fits into ESG? // S&P Global. 2020. 24 February. URL: <https://www.spglobal.com/en/research-insights/articles/how-gender-fits-into-esg> (дата обращения: 08.01.2023).
- Karine Granger biography // Wallmine. URL: <https://wallmine.com/otc/ecify/officer/1916336/karine-granger> (дата обращения: 09.10.2023).
- LOI № 2021-1774 du 24 décembre 2021 visant à accélérer l'égalité économique et professionnelle // JORF: Lois et Décrets. 2021. № 0300. 26 décembre. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/download/pdf?id=5p_yjguOzXFKkohTKVQqhmSwOeCkt4FYJF3AsstU8dc= (дата обращения: 15.01.2023).
- Rink F., Ryan M. K., Stoker J. I. Influence in times of crisis: how social and financial resources affect men's and women's evaluations of glass-cliff positions // Psychological Science. 2012. Vol. 23, № 11. P. 1306—1313.
- Thébaud S. Passing up the job: the role of gendered organizations and families in the entrepreneurial career process // Entrepreneurship Theory and Practice. 2016. Vol. 40, iss. 2. P. 269—287.

³ Включено Минюстом РФ в реестр СМИ-иноагентов.

References

- Beaumont, M. T., Farndale, E., Härtel, C. E. (2016) MNE translation of corporate talent management strategies to subsidiaries in emerging economies, *Journal of World Business*, vol. 51, no. 4, pp. 499—510.
- Bennouri, M., Chtioui, T., Nagati, H., Nekhili, M. (2018) Female board directorship and firm performance: what really matters?, *Journal of Banking and Finance*, vol. 88, pp. 267—291.
- Biographie de Mme Anne-Marie Descôtes (2022), *Ambassade de France en Allemagne*, available from <https://de.ambafrance.org/Biographie-de-Mme-Anne-Marie-Descotes> (accessed 09.10.2023).
- Campopiano, G., Massis, D. A., Rinaldi, R. F., Sciascia, S. (2017) Women's involvement in family firms: Progress and challenges for future research, *Journal of Family Business Strategy*, vol. 8, no. 4, pp. 200—212.
- Chirikova, A. E. (2003) Zhenshchina i muzhchina kak top-menedzhery rossiiskikh kompanii [A woman and a man as top managers of Russian companies], *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 1, pp. 73—83.
- Conseil d'administration, *EDF: site officiel*, available from <https://www.edf.fr/groupe-edf/edf-en-bref/gouvernance/conseil-dadministration> (accessed 22.01.2023).
- EDF SA publie un index de l'égalité à 90 points au titre de 2021 (2022), *edf.fr.*, 25 fevrier, available from <https://www.edf.fr/edf-recrute/nos-actualites-rh/edf-sa-publie-un-index-de-legalite-a-90-points-au-titre-de-2021> (accessed 15.01.2023).
- Fuchs, H. (2019) Glasdecke adé: Frauen in Führungspositionen, *Deutsche Welle*⁴, 26. Oktober, available from <https://p.dw.com/p/3Rhtd> (accessed 08.01.2023).
- Garanina, T. A., Murav'ev, A. A. (2018) Sovety direktorov rossiiskikh publichnykh kompanii: gendernyi aspekt [Boards of directors in Russian publicly traded companies: the gender aspect], *Voprosy ekonomiki*, no. 2, pp. 142—155.
- Glass, C., Cook, A. (2015) Leading at the top: understanding women's challenges above the glass ceiling, *The Leadership Quarterly*, vol. 27, no. 1, pp. 51—63.
- Global'nyi trend na vovlechenie zhenshchin v iadernuiu energetiku kak faktor ustoichivogo razvitiia (2020) [Global trend towards involving women in nuclear energy as a factor in sustainable development], available from <https://eawf.ru/news/novosti-soveta-ezhf/globalnyy-trend-na-voevlechenie-zhenshchin-v-yadernuyu-energetiku-kak-faktor-ustoychivogo-razvitiya/> (accessed 23.01.2023).
- Govorukha, A. M. (2018) Otnoshenie obshchestva k zhenshchinam, zanimaiushchim rukovodiashchie dolzhnosti [Society's attitude towards women in leadership positions], *Vestnik sovremennykh issledovaniï*, iss. 3-2, pp. 84—88.
- Grigorieva, N. S., Zhokhova, A. A. (2022) Politicheskaiia ritorika zhenshchin-liderov v izbiratel'noi kampanii po vyboram prezidenta Frantsii 2022 g. [Political rhetoric of women leaders in the French presidential election campaign 2022], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 4, pp. 48—58.
- How gender fits into ESG? (2020), *S&P Global*, 24 February, available from <https://www.spglobal.com/en/research-insights/articles/how-gender-fits-into-esg> (accessed 08.01.2023).
- Karine Granger biography, *Wallmine*, available from <https://wallmine.com/otc/ecify/officer/1916336/karine-granger> (accessed 09.10.2023).
- Konstitutsiia Rossiiskoi Federatsii: Priniata 12.12.1993 s izmeneniami ot 01.07.2020 (2020) [Constitution of the Russian Federation: Adopted on December 12, 1993,

⁴ Included by the Ministry of Justice of the Russian Federation in the register of foreign agent media.

- with amendments dated July 1, 2020], available from https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/a4d26fe6022253f9f9e396e9ca6f63c80946702f/ (accessed 10.01.2023).
- Kruglova, E. L. (2020) Gendernaia struktura zaniatykh v rossiiskoi ekonomike [Gender structure of employees in the Russian economy], *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki*, no. 11, pt. 1, pp. 56—61.
- LOI no. 2021-1774 du 24 décembre 2021 visant à accélérer l'égalité économique et professionnelle (2021), *JORF: Lois et Décrets*, n.°0300, 26 décembre, available from https://www.legifrance.gouv.fr/download/pdf?id=5p_yjguOzXFKkohTKVQqhmSwOeCkt4FYJF3AsstU8dc= (accessed 15.01.2023).
- Natsional'naiia strategiia deistvii v interesakh zhenshchin na 2017—2022 gody* (2017) [National Strategy of Action for Women for 2017—2022], available from <https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/37/3> (accessed 10.01.2023).
- Natsional'naiia strategiia deistvii v interesakh zhenshchin na 2023—2030 gody* (2022), [National Strategy of Action for Women for 2023—2030], available from <http://government.ru/docs/47493/> (accessed 31.08.2023).
- Perskaia, V. V., Ogryzov, A. A., Zvereva, A. D. (2022) Strategii ESG i sotsializatsiia deiatel'nosti kompanii v sovremennykh usloviakh: (Zarubezhnyi opyt) [ESG strategies and socialization of companies' activities in modern conditions: (International experience)], *Sotsial'no-trudovye issledovaniia*, no. 3, pp. 46—55.
- Pin'kovetskaia, Iu. S. (2019) Razvitie zhenskogo predprinimatel'stva v Rossii: upravlencheskii analiz [Development of women's entrepreneurship in Russia: management analysis], *Voprosy upravleniia*, no. 2, pp. 122—131.
- Po dannym fonda "Ob"edinenie zhenshchin atomnoi otrasli"* (2019) [According to the United Nuclear Industry Women Foundation], available from https://atomicexpert.com/women_in_nuclear (accessed 15.01.2023).
- Rink, F., Ryan, M. K., Stoker, J. I. (2012) Influence in times of crisis: How social and financial resources affect men's and women's evaluations of glass-cliff positions, *Psychological Science*, vol. 23, no. 11, pp. 1306—1313.
- Tat'iana Ilushnikova: dolia zhenshchin sredi IP i samozaniatykh prevyshaet 40 % (2023) [Tatyana Ilyushnikova: the share of women among individual entrepreneurs and self-employed exceeds 40 %], *Ministerstvo ekonomicheskogo razvitiia Rossiiskoi Federatsii*, 3 marta, available from https://www.economy.gov.ru/material/news/tatyana_ilyushnikova_dolya_zhenshchin_sredi_ip_i_samozanyatykh_prevyshaet_40.html (accessed 29.08.2023).
- Tat'iana Terent'eva: dolia zhenshchin v atomnoi otrasli prevysila 30 % (2021) [Tatyana Terentyeva: the share of women in the nuclear industry has exceeded 30 %], *Korporativnaia akademiia "Rosatom"*, 24 sentiabria, available from <https://rosatom-academy.ru/media/novosti/tatiana-terenteva-na-sessii-magate-rasskazala-o-gendernom-i-voznrastnom-balanse-v-atomnoi-otrasli/> (accessed 09.01.2023).
- Thébaud, S. (2016) Passing up the job: the role of gendered organizations and families in the entrepreneurial career process, *Entrepreneurship Theory and Practice*, vol. 40, iss. 2, pp. 269—287.
- Tkachenko, I. N., Pervukhina, I. V. (2017) Gendernye aspekty uchastiia zhenshchin v korporativnom biznese i predprinimatel'stve [Gender aspects of women participation in corporate business and entrepreneurship], *Diskussiia*, no. 11, pp. 25—35.
- Tseli v oblasti ustoichivogo razvitiia* [Sustainable Development Goals], available from <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/sustainable-development-goals/> (accessed 16.01.2023).
- United Nations. Peace, Dignity and Equality on a Healthy Planet*, available from <https://www.un.org/ru/> (accessed 21.01.2022).

- Utkina, N. Iu. (2017) Ob'ektivnye i sub'ektivnye faktory razvitiia zhenskogo predprinimatel'stva v Rossii [Objective and subjective factors of women entrepreneurship development in Russia], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1, pp. 17—28.
- Zarubin, V. G., Kiseleva, L. S. (2019) Gendernye aspekty liderstva v biznese: mirovoi opyt i Rossiia [Gender aspects of leadership in business: global experience and Russia], *ЭТАР: ekonomicheskaiia teoriia, analiz, praktika*, no. 1, pp. 134—143.
- Zhenshchiny-CEO v Rossii. Pokazateli finansovoi éffektivnosti (2020) [Female CEOs in Russia. Financial performance indicators], *Deloitte*, available from https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/ru/Documents/research-center/women_ceo_2020_05_03.pdf (accessed 21.01.2022).

Статья поступила в редакцию 04.09.2023; одобрена после рецензирования 20.09.2023; принята к публикации 28.09.2023.

The article was submitted 04.09.2023; approved after reviewing 20.09.2023; accepted for publication 28.09.2023.

Информация об авторах / Information about the authors

Григорьева Наталия Сергеевна — доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой социологии управления, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия, grigorieva@spa.msu.ru (Dr. Sc. (Political Sc.), Professor, Head of the Department of Sociology of Management, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation).

Жохова Анастасия Александровна — аспирантка кафедры политического анализа, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия, zhokhovaaa@my.msu.ru (Post-graduate student at the Department of Political Analysis, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation).

Кузнецова Анастасия Игоревна — кандидат политических наук, старший преподаватель департамента политологии, Финансовый университет при Правительстве РФ, г. Москва, Россия, nmatyusova@gmail.com (Cand. Sc. (Political Sc.), Senior Lecturer at the Department of Political Science, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation).

Женщина в российском обществе. 2023. № 4. С. 46—57.

Woman in Russian Society. 2023. No. 4. P. 46—57.

Научная статья

УДК 378.14-057.875

DOI: 10.21064/WinRS.2023.4.4

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СРЕДА ВУЗА КАК ФАКТОР
ФОРМИРОВАНИЯ ЭГАЛИТАРНОГО СОЗНАНИЯ
СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Екатерина Андреевна Антюхова

Московский государственный институт международных отношений (университет),
Министерство иностранных дел РФ, г. Москва, Россия, e.antukhova@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению актуальных проблем проектирования образовательной среды вуза, оказывающей существенное влияние на формирование эгалитарного сознания студенческой молодежи, важным результатом которого является успешное продвижение принципов гендерного равенства в российском обществе. На основе изучения научных источников уточнены понятия эгалитарного сознания студенческой молодежи, разработаны его характеристики, сформулированы цели и результаты процесса гендерного образования студентов, обозначены оптимальные организационно-педагогические условия функционирования эгалитарно-адаптивной образовательной среды вуза. Сделан вывод о том, что современная образовательная среда вуза обладает значительным потенциалом формирования эгалитарных норм и ценностей, определяющих поведение и мотивирующих деятельность выпускников вузов.

Ключевые слова: высшее образование, эгалитарно-адаптивная образовательная среда вуза, социализация личности, эгалитарное сознание студенческой молодежи, гендерная компетентность, организационно-педагогические условия и технологии формирования эгалитарного сознания студенческой молодежи

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (соглашение № 075-15-2022-327 от 22.04.2022 г.).

Для цитирования: Антюхова Е. А. Образовательная среда вуза как фактор формирования эгалитарного сознания студенческой молодежи // Женщина в российском обществе. 2023. № 4. С. 46—57.

Original article

EDUCATIONAL ENVIRONMENT OF A UNIVERSITY AS A FACTOR OF STUDENTS' EGALITARIAN CONSCIOUSNESS FORMATION

Ekaterina A. Antyukhova

Moscow State Institute of International Relations (University),
Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation,
Moscow, Russian Federation, e.antyukhova@gmail.com

Abstract. The article deals with considering the current issues of designing educational environment of a university, which significantly influences students' egalitarian consciousness formation. The major outcome of this process is successful promotion of gender equality principles in Russian society. The definition of egalitarian consciousness is specified on the basis of scientific sources analysis, its characteristics are worked out, the aims and results of students' gender education are formulated, efficient organization and pedagogical conditions for egalitarian-adaptive educational environment functioning within a university are outlined. The conclusion is drawn that modern educational environment of a university possesses a substantial developmental potential for egalitarian norms and values formation. These norms and values are sure to define behavior and motivate activity of university graduates. The research results make the ideas concerning a university educational environment key role in shaping the egalitarian consciousness of students more significant. The egalitarian consciousness is considered to be an important component of improving human capital quality, which, in turn, defines the country's further progressive development.

Key words: higher education, egalitarian-adaptive educational environment of a university, personality socialization, egalitarian consciousness of students, gender competence, organization and pedagogical conditions and technologies for students' egalitarian consciousness formation

Acknowledgments: the study was supported by a grant provided by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (grant agreement № 075-15-2022-327 dated April 22, 2022).

For citation: Antyukhova, E. A. (2023) *Obrazovatel'naya sreda vuza kak faktor formirovaniia égalitarnogo soznaniia studencheskoï molodëzhi* [Educational environment of a university as a factor of students' egalitarian consciousness formation], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 4, pp. 46—57.

Постановка проблемы

Становление социума с перспективой достижения политического, экономического, социального, нравственного благополучия зиждется на образовании, моделирующем и реализующем актуальные социальные потребности. Образование может рассматриваться как уникальный инструмент регулирования социальных процессов, особенно в современных обстоятельствах сложных и многообразных изменений, непосредственно влияющих на проявление новых отношений и развитие правил и норм поведения, основанных

на приоритете прав и свобод личности независимо от пола, расы, социального статуса и других факторов.

Идеология эгалитаризма, базирующаяся на принципах равенства, отсутствия привилегий и дискриминации, положена в основу развития демократического государства и, соответственно, всех социальных институтов, направлена на преодоление социальных барьеров, затрудняющих самореализацию личности, создание равных возможностей для мужчин и женщин в различных сферах жизнедеятельности.

Образовательная среда вуза как агент социализации призвана способствовать усвоению элементов культуры, интериоризации социальных норм и ценностей, принятых в обществе. В то же время развивающий потенциал современной образовательной среды вуза в недостаточной степени ориентирован на формирование представлений о том, что возможности мужчин и женщин в выборе моделей самореализации и профессиональной карьеры равновелики.

Гендерное равенство в образовательном взаимодействии должно утверждать себя не как борьбу с дискриминацией, а как стратегию гражданского общества по гармонизации отношений между мужчинами и женщинами. Вместе с тем социальные стереотипы продолжают оставаться ограничением в реализации личностного потенциала и формировании жизненных и профессиональных стратегий юношей и девушек. Об этом свидетельствуют организационная структура, гендерный состав управленческих и преподавательских кадров высших учебных заведений, отсутствие в учебных программах дисциплин и практик, формирующих у молодежи эгалитарное сознание. Современная государственная политика, положения принятой Правительством РФ Национальной стратегии действий в интересах женщин до 2030 г. актуализируют задачу формирования у молодежи эгалитарного сознания, способности выступать против дискриминации по признаку пола во всех сферах жизни общества [Национальная стратегия... , 2022]. Многоаспектность обозначенных проблем детерминирует процессы совершенствования учебного и внеучебного взаимодействия преподавателей и студентов, трансформации современного высшего образования в направлении персонификации и расширения возможностей построения индивидуальной образовательной траектории обучающегося. Данный подход позволит актуализировать гендерную проблематику в определении горизонтов достижений и перспектив субъектов образовательного процесса.

Целью настоящего исследования стало изучение актуальных проблем, связанных с моделированием образовательной среды вуза в контексте формирования у студентов эгалитарных приоритетов и ценностей, выбор технологического инструментария педагогического взаимодействия преподавателей и студентов, способствующего формированию гендерной компетентности участников образовательных отношений. Для достижения поставленной цели применен междисциплинарный подход к рассмотрению проблем эгалитарной включенности участников данных отношений в ситуационно-правовой контекст организационной структуры вуза и особенностей их коммуникации, интеракции и социальной перцепции.

Теоретические основания и результаты исследования

Актуальность проблемы формирования эгалитарного сознания студенческой молодежи продиктована одним из основных принципов демократического развития государства — признанием равноправия женщин и мужчин во всех областях. Статьей 19 Конституции РФ закреплен принцип равных прав и равных возможностей женщин и мужчин, который раскрывается в ст. 43 через утверждение, что каждый гражданин России имеет право на образование [Конституция... , 2020]. Данное положение стало базовым для федерального законодательства, поскольку направлено на создание основы для развития гендерно-сбалансированной политики. Система образования признается в качестве одного из национальных приоритетов [О национальных целях... , 2020; Паспорт... , 2018], в соответствии со ст. 3 и 5 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» она основывается на принципах обеспечения прав каждого человека на образование, недопустимости дискриминации в сфере образования, предоставления гарантий получения образования «независимо от пола, расы, национальности» [Об образовании... , 2012].

В действующих нормативных документах равноправие полов определяется через права, свободы, ответственность, обязанности личности. Масштабность рассматриваемых проблем и сфер их проявления свидетельствует о таких составляющих жизни государства, как государственная политика, социальная и культурная сферы, новые модели, схемы, дискурсы сознания, становление которых затрагивает жизненные интересы каждого человека. Включенность эгалитарного контента в понятийный аппарат, ценностно-мотивационную детерминацию, поведенческие паттерны человека дает возможность дифференцировать эгалитарное сознание как одну из форм общественного сознания.

Классификация видов сознания по предмету мыслительной деятельности (политическое, научное, религиозное, этническое сознание и пр.) позволяет определить эгалитарное сознание как совокупность взглядов, идей, убеждений, которые опираются на концепцию равноправных межличностных отношений людей разного социального статуса, пола, расы и др. Эгалитарное сознание — это принятие эгалитарных норм и ценностей как основы формирования моральных принципов и этических норм, определяющих поведение и мотивирующих деятельность, в широком смысле — миропонимание, основанное на приоритете равенства прав и возможностей. Являясь формой общественного сознания, эгалитарное сознание выполняет функцию социальной детерминации деятельности индивида.

Поскольку эгалитарное сознание интегрирует систему взглядов, оценок и представлений о мире и месте человека в нем, базирующихся на ценности равноправных отношений между мужчинами и женщинами в различных сферах жизни, становится актуальным осуществление в системе высшего образования целенаправленной образовательной деятельности по личностному развитию на основе концепции эгалитаризма.

В структуре эгалитарности личности как психосоциальном феномене можно выделить когнитивный компонент, который включает совокупность знаний о равенстве всех членов общества, мужчин и женщин, в реализации прав и возможностей в различных сферах жизнедеятельности. Человек должен иметь

представление о том, что такое эгалитарность, осознавать ее нормативно-ценностный и морально-этический смысл. Важной в понимании эгалитарности личности является подструктура ее направленности. Эгалитарная направленность личности включает ценностные ориентации, мотивы, установки, интересы, идеалы, что в конечном итоге определяет мировоззрение человека. Содержание направленности напрямую связано с такой категорией, как деятельность. Направленность личности определяет целеполагание и мотивацию деятельности, обеспечивая переход эгалитарных взглядов и убеждений в действия в самых различных сферах.

Определяющую роль в развитии личности играет социальная среда, научный анализ влияния которой широко представлен в теоретико-эмпирических исследованиях. Социальная природа образовательных отношений проявляет себя в предназначении передачи знаний, культурных ценностей от поколения к поколению [Durkheim, 1961: 55]. Традиции отечественной науки в рассмотрении вопросов социального влияния восходят к пониманию значимости социальной среды в личностном развитии. Л. С. Выготский, обосновывая культурно-историческую теорию развития личности, совершает переход к пониманию социальной среды не как фактора, а как источника развития личности, тем самым подчеркивая развивающую функцию данной среды [Выготский, 1984].

Образовательная среда вуза как конструкт социальной среды несет в себе все атрибутивные характеристики событийного, предметного, поведенческого, информационно-культурного пространства, обладающего колоссальным развивающим потенциалом. Вместе с тем ее развитие детерминировано нормативно-правовой базой и государственной политикой в области образования.

В разные периоды российские ученые обращали внимание на необходимость «институционализации гендерного образования в процессе обучения с целью формирования эгалитарного сознания у студенческой молодежи и преподавательских кадров» [Хасбулатова, 2002: 3]. При этом под гендерным образованием понимается «процесс получения систематизированных знаний в области стратегии гендерного равенства, а также навыков их применения в практической деятельности» [там же: 5].

Социальная стратификация образовательной среды вуза по половому признаку в средних значениях имеет небольшой разброс. По данным Росстата, в структуре численности студентов, обучающихся по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры, в 2022 г. 52 % составляли женщины, 48 % — мужчины. В числе профессорско-преподавательского состава женщин было 58,7 %, мужчин — 41,3 % [Женщины... , 2022: 62—63]. Анализ студентов по группам специальностей показывает, что по гуманитарным специальностям обучаются преимущественно девушки, по техническим специальностям — юноши. Однако данное обстоятельство не должно стать препятствием в преподавании гендерных курсов для всех студентов, приобретающих специальности.

Научный дискурс проблематики институционализации гендерного образования в учебно-воспитательном процессе высшей школы с целью формирования эгалитарного сознания у обучающихся и преподавательских кадров представлен достаточно узким спектром исследований. Автор разделяет точку зрения ученых, в работах которых подчеркивается, что достижение равноправия полов

возможно в результате целенаправленного формирования гендерной компетентности личности, введения в учебный план курсов по основам эгалитаризма (см., напр.: [Хасбулатова, 2015; Клецина, 2007, 2009; Семенова, 2009; Тукачева, 2011]).

Заслуживает внимания точка зрения Л. В. Штылевой, которая определяет в качестве ведущей цели в достижении результатов эгалитарной социализации сформированность эгалитарного мировоззрения, проявляющегося в наличии гендерной компетентности, гендерной сензитивности, гендерной толерантности [Штылева, 2008].

Опросы студентов различных вузов страны показывают, что они имеют слабое представление о традиционной и эгалитарной идеологиях, а их мировоззренческие установки соединяют традиционные и эгалитарные взгляды [Осипова, 2011: 201; Ковтун, Куперман, 2017: 60—62]. В этой связи уместно обратиться к введенному И. С. Клециной понятию «гендерная компетентность», которую автор обозначила «как такую характеристику, которая позволяет личности не быть субъектом и объектом ситуаций гендерного неравенства»: «Другими словами, гендерная компетентность — это способность мужчин и женщин замечать ситуации гендерного неравенства в окружающей их жизни, противостоять сексистским, дискриминационным воздействиям и влияниям, самим не создавать ситуации гендерного неравенства» [Клецина, 2007: 61]. Поскольку процесс формирования гендерной компетентности включает приобретение и освоение гендерных знаний, умений и навыков гендерно-корректного поведения, он неразрывно связан с формированием эгалитарного сознания.

Проблемное поле нашего исследования предполагает решение следующих ключевых вопросов: каков потенциал образовательной среды вуза в формировании эгалитарного сознания участников образовательных отношений, какой содержательно-технологический инструментарий формирования взглядов молодежи на равноправие полов может быть наиболее эффективным?

Важной составляющей гуманистической модели образования является создание адаптивной образовательной среды, ориентированной на формирование эгалитарного сознания. Таким образом, эгалитарно-адаптивную образовательную среду можно рассматривать как совокупность организационно-педагогических условий, форм, методов и средств, целей и результатов образования, направленных на гармонизацию межличностных отношений на основе принципов гендерного равенства, недопущение привилегий и дискриминации, преодоление социальных барьеров, затрудняющих реализацию жизненных и профессиональных стратегий юношей и девушек.

Анализ научной литературы показал, что критериально-обоснованной базой процесса моделирования эгалитарно-адаптивной образовательной среды вуза могут выступать следующие методологические положения:

— реализация принципов социального и гендерного равенства во всех сферах деятельности вуза;

— создание условий для формирования комплекса эгалитарных мировоззренческих установок у административно-управленческого и профессорско-преподавательского состава;

— наличие возможностей для самовыражения и проявления равноправных межличностных отношений в студенческой среде;

— диагностирование уровня гендерной компетентности преподавателей и обучающихся;

— наличие обратной связи в анализе эффективности гендерного образования, базирующегося на принципах эгалитарности.

Обозначенные ранее структурные составляющие эгалитарного сознания и качества эгалитарной личности позволяют сформулировать планируемые образовательные, воспитательные и развивающие компоненты в процессе гендерного образования студенческой молодежи:

— освоение аксиологических, феноменологических, эгалитарных, цивилизационных аспектов системы гендерных отношений, знаний о ситуациях гендерного неравенства, факторах и условиях, их вызывающих;

— развитие способности осуществлять критический анализ и синтез информации по эгалитарной проблематике, формирование умений выявлять и оценивать ситуации гендерного неравенства;

— формирование ценностных установок, убеждений и принципов, в основе которых лежат равноправные межличностные отношения мужчин и женщин в профессиональной, общественной деятельности, семейной и других сферах жизни человека;

— утверждение позитивного индивидуально-личностного отношения к идеям эгалитарных взаимоотношений, свободе выбора и вариативности поведения независимо от половой принадлежности индивида;

— развитие гендерной чувствительности (сензитивности) как умения распознавать проявление гендерных стереотипов, замечать и адекватно оценивать ситуации гендерного неравенства в разных сферах жизнедеятельности;

— выработка активной гражданской позиции по реализации на практике принципов эгалитарного поведения (способность отстаивать равноправные взгляды, противостоять случаям гендерной дискриминации).

Нормативно-правовые требования федеральных документов стратегического планирования в сфере образования, положения Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2023—2030 годы, опыт отечественных вузов, обозначенные ключевые цели образовательной деятельности по формированию эгалитарного сознания как идейного базиса эгалитарной личности служат основанием для моделирования оптимальных организационно-педагогических условий эгалитарно-адаптивной образовательной среды вуза. К важнейшим из них целесообразно отнести:

1) включение в учебные планы образовательных программ эгалитарно-ориентированных учебных дисциплин (модулей) / спецкурсов;

2) разработка и реализация программ повышения квалификации и переподготовки преподавателей вузов по проблематике гендерного образования, соблюдения эгалитарных принципов в образовательном процессе высшей школы;

3) проектирование дорожной карты вуза с учетом необходимости формирования гендерной компетентности профессорско-преподавательского состава для проведения эффективной педагогической работы по внедрению эгалитарных идей в сознание обучающихся;

4) организация работы учебно-методических комиссий кафедр (факультетов, институтов) по гендерной экспертизе образовательных программ и учебно-методическому сопровождению образовательного процесса (содержание рабочих программ, учебно-методических пособий, фондов оценочных средств и пр.);

5) овладение преподавателями широким спектром психолого-педагогических средств структурирования образовательного пространства, технологическим инструментарием формирования эгалитарных ценностных установок студентов, умением анализа ситуаций гендерного неравенства (диалоговые технологии, технологии развития критического мышления, рефлексивные, проектно-исследовательские, имитационно-игровые технологии, анализ конкретных ситуаций (кейс-стади) и пр.);

6) активное вовлечение студентов в научно-исследовательскую деятельность, участие в разработке и реализации отраслевых и региональных проектов по гендерной проблематике;

7) обеспечение академических прав и свобод студентов в выстраивании индивидуальной образовательной траектории (академическая мобильность, возможность освоения образовательной программы в сетевой форме, по нескольким специальностям / направлениям подготовки с присвоением выпускнику нескольких квалификаций), что повышает перспективы трудоустройства выпускников, прежде всего девушек, на высокооплачиваемые рабочие места;

8) формирование у студентов компетенций предпринимательской деятельности, бизнес-проектирования, разработки и защиты стартап-проектов, цифровой финансовой грамотности с целью преодоления социальных барьеров, затрудняющих самореализацию личности, создания равных возможностей для мужчин и женщин в различных сферах профессиональной деятельности;

9) обеспечение условий для развития гендерной компетентности и эгалитарных взглядов молодежи в рамках функционирования социально-культурной инфраструктуры с целью формирования активной гражданской позиции, лидерских качеств, опыта социальной ответственности посредством включения студентов в социально значимую деятельность (добровольческая, общественно-просветительская работа, наставничество, работа органов студенческого самоуправления и пр.).

Особого внимания требует рассмотрение технологической составляющей процесса формирования эгалитарного сознания студентов в учебной и внеучебной деятельности. Репертуар дидактических возможностей педагога представлен широкой палитрой методов, средств, организационных форм, в ряду которых, по нашему мнению, особая роль принадлежит активным и интерактивным личностно ориентированным педагогическим технологиям, учитывающим разнообразные личностные характеристики и подчеркивающим равенство людей в образовательной системе как перспективный взгляд на возможности личностного развития.

Значимыми в развитии эгалитарности личности являются технологии, имеющие рефлексивный компонент, поскольку с использованием рефлексивности появляется потребность в обращении к процессам, связанным с осознанием собственных поступков, поиске смысла происходящих явлений, движении от внешнего уровня рассмотрения событий к внутреннему плану.

Особую роль в развитии эгалитарного стиля личности могут сыграть диалоговые технологии. Оценивая потенциал диалога, русский философ М. М. Бахтин писал о нем как о явлении непрерывного развития, тонкого взаимодействия: «Диалог не средство, а самоцель... Только в общении, во взаимодействии человека с человеком раскрывается и “человек в человеке” как для других, так и для себя самого... Быть — значит общаться диалогически. Когда диалог кончается, все кончается. Поэтому диалог, в сущности, не может и не должен кончиться» [Бахтин, 1972: 433]. Диалог, диалоговая технология в виде дискуссии, диспута, дебатов, гражданского форума обладают специальными инструментами для передачи личностных характеристик, самобытности и своеобразия участников коммуникации. Диалог задает в рамках активного проведения обсуждения вопросов объективную проблемность, реализуется общность участников диалога, проявляется «другодоминантность», незавершенность результата, стимулирующая мыслительную активность и т. д.

Большим потенциалом в осмыслении эгалитарных идей, их анализе, оценке ситуаций гендерного неравенства обладает интерактивная технология развития критического мышления (ЧПКМ). Технология основана на работе с текстовым материалом, проблематика которого центрируется вокруг заданных проблем (в данном случае это информация эгалитарного содержания), стимулируя механизмы актуализации имеющихся знаний у обучающихся, их представлений об изучаемых процессах. При прохождении стадий «вызов», «осмысление» и «рефлексия» в процессе индивидуальной и групповой работы осуществляется глубинный анализ ситуаций, систематизация и понимание новых идей, их рефлексия и аргументация собственных позиций. Таким образом, происходит интериоризация полученных знаний, они становятся руководством к действию и основой эгалитарного поведения.

Реализация педагогических технологий формирования эгалитарного сознания должна осуществляться педагогом, которому в полной мере присущи идеи гендерного равенства. Ценность гендерного равенства должна быть принята преподавателем и иметь личностный смысл, именно на этой основе возможна эффективная педагогическая работа по внедрению эгалитарных идей в сознание обучающихся. Важность гендерной компетентности педагогов как показателя эгалитарного сознания обусловлена тем, что они являются агентами социализации в вузе и оказывают большое влияние на формирование у обучающихся представлений о качествах мужчин и женщин, их ролях, культуре их взаимоотношений, гендерном равенстве в профессиональной и других сферах деятельности. Преподаватель должен обладать широким спектром психолого-педагогических средств структурирования социального пространства и организации процесса взаимодействия с учетом эгалитарных принципов.

Заключение

Вектор трансформации современного отечественного высшего образования направлен на обеспечение конкурентоспособности государства посредством развития человеческого капитала как ключевого элемента национального богатства. Решение проблем современного российского общества предполагает использование потенциала образовательной среды, ее направленности на развитие

эгалитарного сознания у молодежи, прежде всего ориентированного на идею о равенстве, о том, что все люди равны и заслуживают равного обращения; все люди имеют равные возможности и доступ в обществе независимо от их пола, расы или религии.

Проблематика формирования эгалитарного сознания у студенческой молодежи как основы свободы выбора моделей личностной самореализации, определения горизонтов достижений и перспектив профессионального становления и карьерного роста ориентирует на обеспечение высокого качества создаваемых условий осуществления образовательной деятельности в вузе для реализации личностного потенциала студента, недопущения дискриминации по гендерному признаку в образовательном процессе, утверждения идеалов равноправия.

Список источников

- Бахтин М. М.* Проблемы поэтики Достоевского. 3-е изд. М.: Худож. лит., 1972. 470 с.
- Выготский Л. С.* Собрание сочинений: в 6 т. М.: Педагогика, 1984. Т. 4: Детская психология. 433 с.
- Женщины и мужчины России, 2022: статистический сборник / Росстат. М., 2022. 208 с.
- Клецина И. С.* Развитие гендерной компетентности государственных и муниципальных служащих в процессе гендерного образования // *Женщина в российском обществе.* 2007. № 3. С. 60—65.
- Клецина И. С.* Теоретические и методические основания современного гендерного образования // *Гендерные исследования в образовании: проблемы и перспективы: сборник научных статей по итогам Международной научно-практической конференции, Волгоград, 15—18 апреля 2009 г.* Волгоград: Перемена, 2009. С. 49—53.
- Ковтун Г. С., Куперман А. А.* Гендерные представления современной студенческой молодежи: (на материале г. Владивостока) // *Женщина в российском обществе.* 2017. № 1. С. 53—63.
- Конституция Российской Федерации: (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс»: официальный сайт. 2020. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 30.09.2023).
- Национальная стратегия действий в интересах женщин на 2023—2030 гг.: распоряжение Правительства РФ от 29.12.2022 г. № 4356-р. 2022. URL: <http://static.government.ru/media/files/iIHtVckhskBAE9DAflD3AkpD787xAOc4.pdf> (дата обращения: 30.09.2023).
- О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года: Указ Президента РФ от 21.07.2020 г. № 474 // Официальное интернет-представительство Президента России. 2020. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45726> (дата обращения: 27.09.2023).
- Об образовании в Российской Федерации: Федеральный закон от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс»: официальный сайт. 2012. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 27.09.2023).
- Осипова Д. В.* Повышение гендерной компетентности студенческой молодежи как направление политики гендерного равенства в РФ // *Политическая экспертиза.* 2011. Т. 7, № 1. С. 198—206.

- Паспорт национального проекта «Образование»: (утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 24.12.2018 г. № 16) // СПС «КонсультантПлюс»: официальный сайт. 2018. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_319308/ (дата обращения: 27.09.2023).
- Семенова Л. Э. Содержание основных моделей процесса гендерной социализации в современном обществе // Ярославский педагогический вестник. 2009. № 3. С. 143—147.
- Тукачева Ю. С. Гендерный подход к развитию личности в сфере образования // Женщина в российском обществе. 2011. № 4. С. 59—66.
- Хасбулатова О. А. Гендерная политика в сфере высшего образования в условиях социальных трансформаций // Женщина в российском обществе. 2002. № 2—3. С. 3—7.
- Хасбулатова О. А. Профессиональное образование мужчин и женщин в России в 1918—2015 гг.: историко-социологический анализ // Женщина в российском обществе. 2015. № 3—4. С. 3—16.
- Штылева Л. В. Фактор пола в образовании: гендерный подход и анализ. М.: Per Se, 2008. 315 с.
- Durkheim E. *Moral Education: a Study in the Theory and Application of the Sociology of Education* / transl. by E. K. Wilson, H. Schurer; ed. with an introd. by E. K. Wilson. New York: Free Press, 1961. 274 p.

References

- Bakhtin, M. M. (1972) *Problemy poëtiki Dostoevskogo* [Problems of Dostoevsky's poetics], 3rd ed., Moscow: Khudozhestvennaia literatura.
- Durkheim, E. (1961) *Moral Education: A Study in the Theory and Application of the Sociology of Education*, trans. by E. K. Wilson, H. Schurer, New York: Free Press.
- Khasbulatova, O. A. (2002) Gendernaia politika v sfere vysshego obrazovaniia v usloviakh sotsial'nykh transformatsii [Gender policy in higher education in the context of social transformations], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 2—3, pp. 3—7.
- Khasbulatova, O. A. (2015) Professional'noe obrazovanie muzhchin i zhenshchin v Rossii v 1918—2015 gg.: istoriko-sotsiologicheskii analiz [Professional education of men and women in Russia: socio-historical analysis], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3—4, pp. 3—16.
- Kletsina, I. S. (2007) Razvitie gendernoï kompetentnosti gosudarstvennykh i munitsipal'nykh sluzhashchikh v protsesse gendernogo obrazovaniia [Development of gender competence of state and municipal employees in the process of gender education], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3, pp. 60—65.
- Kletsina, I. S. (2009) Teoreticheskie i metodicheskie osnovaniia sovremennogo gendernogo obrazovaniia [Theoretical and methodological foundations of modern gender education], in: *Gendernye issledovaniia v obrazovanii: problemy i perspektivy: sbornik nauchnykh statei po itogam Mezhdunarodnoï nauchno-prakticheskoi konferentsii*, Volgograd (15—18 April, 2009), Volgograd: Peremena, pp. 49—53.
- Kovtun, G. S., Kuperman, A. A. (2017) Gendernye predstavleniia sovremennoi studencheskoï molodëzhi: (Na materiale g. Vladivostoka) [Gender beliefs of today's college students: (On the materials of Vladivostok)], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1, pp. 53—63.
- Osipova, D. V. (2011) Povyshenie gendernoï kompetentnosti studencheskoï molodëzhi kak napravlenie politiki gendernogo ravenstva v RF [Increasing gender competence

- of students as a direction of gender equality policy in the Russian Federation], *Politicheskaja ekspertiza*, vol. 7, no. 1, pp. 198—206.
- Semenova, L. E. (2009) Soderzhanie osnovnykh modelei protsessa gendernoj sotsializatsii v sovremennom obshchestve [Contents of the main models of the process of gender socialization in modern society], *Iaroslavskii pedagogicheskii vestnik*, no. 3, pp. 143—147.
- Shtyleva, L. V. (2008) *Faktor pola v obrazovanii: gendernyi podkhod i analiz* [The gender factor in education: gender approach and analysis], Moscow: Per Se.
- Tukacheva, Yu. S. (2011) Gendernyi podkhod k razvitiu lichnosti v sfere obrazovaniia [Gender approach to personal development in education], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 4, pp. 59—66.
- Vygotsky, L. S. (1984) *Sobranie sochinenii*: in 6 vols [Collected works], vol. 4: Detskaia psikhologiya, Moscow: Pedagogika.
- Zhenshchiny i muzhchiny Rossii, 2022*: Statisticheskii sbornik (2022) [Women and men of Russia, 2022: Statistical collection], Rosstat, Moscow.

Статья поступила в редакцию 06.10.2023; одобрена после рецензирования 12.10.2023; принята к публикации 17.10.2023.

The article was submitted 06.10.2023; approved after reviewing 12.10.2023; accepted for publication 17.10.2023.

Информация об авторе / Information about the author

Антюхова Екатерина Андреевна — доктор политических наук, заместитель декана по научной работе факультета управления и политики, доцент кафедры мировых политических процессов, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел РФ, г. Москва, Россия, e.antukhova@gmail.com (Dr. Sc. (Political Sc.), Deputy Dean for Research (School of Governance and Politics), Associate Professor at the Department of World Political Processes, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation, Moscow, Russian Federation).

Женщина в российском обществе. 2023. № 4. С. 58—70.

Woman in Russian Society. 2023. No. 4. P. 58—70.

Научная статья

УДК 331.52:316.34

DOI: 10.21064/WinRS.2023.4.5

**РЕГИОНАЛЬНЫЕ РЫНКИ ТРУДА:
НЕРАВЕНСТВО ВОЗМОЖНОСТЕЙ ЖЕНЩИН И МУЖЧИН**

Зоя Александровна Хоткина

Институт социально-экономических проблем народонаселения им. Н. М. Римашевской — обособленное подразделение, Федеральный научно-исследовательский социологический центр, Российская академия наук, г. Москва, Россия, zoia-alex2012@yandex.ru

Аннотация. Исследование, проведенное на пересечении двух методологических подходов — регионального и гендерного, показало, что территориальные и гендерные проблемы взаимосвязаны. Основным методом исследования был сравнительный анализ, который, с одной стороны, позволил выявить асимметрию в возможностях женщин и мужчин на региональных рынках труда, а с другой — был направлен на анализ различий между самими регионами, с целью определения причин и факторов гендерных различий в сфере занятости. Приведено обоснование выбора показателя «гендерный разрыв в занятости» как наиболее конгруэнтного задачам «перекрестных» гендерных и региональных сравнений. В результате исследования было установлено, что не только высокие, но и низкие показатели гендерных разрывов в занятости являются маркерами неблагополучия на рынках труда российских регионов. При этом высокие показатели гендерных разрывов в занятости указывали на недоиспользование трудового потенциала женщин, а низкие показатели свидетельствовали не о гендерном равенстве, а о проблемах с реализацией трудового потенциала мужчин в регионе.

Ключевые слова: гендерное неравенство, регионы, рынок труда, занятость, гендерный разрыв в сфере занятости, сравнительный анализ

Благодарности: публикация подготовлена в рамках бюджетной темы Института социально-экономических проблем народонаселения ФНИСЦ РАН «Гендерный подход к анализу структуры человеческого потенциала: региональный аспект».

Для цитирования: Хоткина З. А. Региональные рынки труда: неравенство возможностей женщин и мужчин // *Женщина в российском обществе. 2023. № 4. С. 58—70.*

Original article

REGIONAL LABOR MARKETS: INEQUALITY OF OPPORTUNITIES FOR WOMEN AND MEN

Zoya A. Khotkina

Institute of Socio-Economic Studies of Population named after N. M. Rimashevskaya —
Branch, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation, zoya-alex2012@yandex.ru

Abstract. The study was conducted at the intersection of two methodological approaches — regional and gender. It showed that territorial and gender problems are interconnected. The main research method was a comparative analysis, which, on the one hand, made it possible to identify asymmetries in the position and opportunities of women and men in regional labor markets, and on the other, was aimed at analyzing the differences between the regions themselves, in order to determine the causes and factors of gender differences in employment. The study used two types of indicators: the employment rate and the gender gap in employment, the first of which was considered as a measure of labor activity necessary for the implementation of technical training of women and men, and the second as a measure of gender inequality in the opportunities of women and men in regional labor markets. Calculations of indicators characterizing gender gaps between the levels of employment of women and men were carried out for all regions of the Russian Federation. This made it possible to identify regions with the best/average/worst opportunities for realizing the labor potential of women and men, depending on the size of the gender gap, and on this basis to compile a rating of Russian regions according to this indicator. The study found that the indicator of gender inequality in the labor market of Russian regions does not depend on the level of employment of women and men.

Key words: gender inequality, regions, labor market, employment, gender employment gap, comparative analysis

Acknowledgments: the publication was prepared within the framework of the budget theme of the Institute of Socio-Economic Studies of Population of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences “Gender approach to the analysis of the structure of human potential: regional aspect”.

For citation: Khotkina, Z. A. (2023) Regional'nye rynki truda: neravenstvo vozmozhnostei zhenshchin i muzhchin [Regional labor markets: inequality of opportunities for women and men], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 4, pp. 58—70.

Постановка проблемы

В статье подняты вопросы о том, как различаются возможности для занятости женщин и мужчин на российских региональных рынках труда и как это соотносится с гендерным равенством. Актуальность тематики, связанной с гендерными аспектами занятости, подтверждает присуждение в 2023 г. Нобелевской премии по экономике К. Голдин за исследование женского рынка труда, а также за выявление ключевых факторов, определяющих гендерное неравенство [Нобелевская премия... , 2023]. В России актуализация вопросов занятости сегодня обусловлена прежде всего обострением демографических проблем депопуляции и старения населения, а также возникшим в связи с этим кадровым голодом на рынке труда.

Как отметил министр экономического развития РФ М. Решетников, «человеческий капитал, человеческий ресурс стал самым дефицитным ресурсом в экономике» [Решетников считает... , 2023]. Одним из направлений решения проблем кадрового дефицита может стать более полная реализация трудового потенциала занятых мужчин и женщин, но для этого необходимо устранять препятствия, ограничивающие их трудовые возможности. К числу таких барьеров относится экономическое гендерное неравенство, которое мешает преимущественно женщинам в полной мере реализовать человеческий, трудовой потенциал.

Женщины составляют практически половину занятого населения — 48,9 %, что равнозначно половине трудового потенциала, поэтому негативные последствия гендерного неравенства отрицательно воздействуют не только на них, они приводят к неэффективному использованию трудового потенциала регионов и страны в целом. В Целях устойчивого развития гендерное равенство рассматривается как важная экономическая категория и необходимая основа для достижения процветания и устойчивого развития [Повестка дня... , 2015].

В России уже более 100 лет существует равный доступ женщин и мужчин к образованию, здравоохранению, рабочим местам и другим общественным благам. Равные *права* и свободы и равные *возможности* для их реализации для мужчин и женщин закреплены в Конституции РФ. Однако наличие прав (де-юре) не гарантирует их соблюдения в реальной жизни (де-факто). В Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2023—2030 гг. и других официальных правительственных документах РФ последних лет отмечается, что в сфере труда сохраняется экономическое гендерное неравенство. При этом в настоящее время внимание к проблемам гендерного неравенства не столько связано с вопросами социальной справедливости (*права*), сколько обусловлено социально-экономическими причинами (*возможности*). Поэтому в области анализа гендерных асимметрий акцент в исследованиях сместился с проблемы *нарушения прав* в сторону *неравенства возможностей* женщин в доступе к благам и ресурсам. В этой связи идея А. Сена о том, что бедность следует рассматривать не как нехватку продуктов, товаров или даже дохода, а как *нехватку возможностей* [Сен, 2004], вполне соответствует пониманию гендерного неравенства. По мнению ученицы и соавтора А. Сена — М. Нуссбаум, «подлинное решение проблем слабозащищенных групп населения — это предоставить им *возможности* трудоустройства и другие источники доступа к важнейшим ресурсам. Это положение сегодня стало частью общепринятого подхода» [Nussbaum, 2011: 34].

Асимметрия возможностей женщин и мужчин в доступе к занятости наиболее отчетливо видна при сравнении их положения на региональных рынках труда. В среде российских исследователей региональные аспекты гендерного неравенства наиболее полно представлены в работах Н. Зубаревич, И. Калабихиной, Е. Мезенцевой, Е. Базуевой, М. Радионовой и других, в частности, показана взаимосвязь гендерных факторов и социально-экономического развития регионов России. В контексте данного исследования анализировался не весь спектр проблем гендерного неравенства, а лишь показатели, связанные с асимметрией занятости как одним из важнейших индикаторов экономического неравенства женщин и мужчин на рынке труда. Цель состояла в том, чтобы проанализировать, как экономическое гендерное неравенство взаимосвязано с занятостью и возможностями реализации трудового потенциала женщин и мужчин в регионах РФ.

Методология и методы

Исследование проведено на пересечении двух методологических подходов — регионального и гендерного, а его основным методом был сравнительный анализ. Для изучения взаимосвязи между гендерным неравенством и занятостью, возможностями реализации трудового потенциала женщин и мужчин в регионах РФ были использованы два показателя: уровень занятости и гендерный разрыв в уровнях занятости (ГРЗ) женщин и мужчин. При этом показатель уровня занятости населения рассматривался как *мера трудовой активности*, необходимой для реализации трудового потенциала женщин и мужчин, в то время как показатель гендерного разрыва в занятости характеризовал *меру гендерного неравенства возможностей* женщин и мужчин на региональных рынках труда. Рабочая гипотеза заключалась в том, что высокие показатели ГРЗ могут свидетельствовать о существовании в регионе барьеров на пути занятости и успешной реализации трудового потенциала женщин.

Гендерный подход к исследованию возможностей занятости в регионах предполагал два этапа сравнений. На 1-м этапе сравнивались между собой регионы по уровню занятости населения путем объединения их в кластеры, в зависимости от того, какие условия и возможности созданы на данной территории для реализации трудового потенциала женщин и мужчин. На 2-м этапе сравнивалось положение женщин и мужчин на региональных рынках труда путем расчета показателей ГРЗ для каждого региона РФ. Далее выстраивался рейтинг российских регионов в зависимости от величины ГРЗ. Показатель «гендерный разрыв в занятости» женщин и мужчин был выбран для исследования как наиболее конгруэнтный задачам «перекрестных» гендерных и региональных сравнений.

Исследование основано на данных официальной гендерной статистики Росстата по регионам России, опубликованных в статистических сборниках, а также представленных в виде электронных таблиц, размещенных на сайте организации. Были проанализированы показатели и индикаторы, характеризующие гендерную ситуацию на региональных рынках труда 2020-х гг. В ходе работы, а также при интерпретации результатов значительное внимание было уделено демографическим и социально-экономическим факторам, таким как возрастная и образовательная структура населения, уровень экономического развития и специализация экономики региона и др.

Гендерные особенности занятости в регионах

Показатели занятости населения в регионах — это важные маркеры качества человеческого потенциала, которые характеризуют региональные условия для реализации и воспроизводства трудового потенциала женщин и мужчин. Для целей исследования региональных рынков труда были использованы данные, характеризующие уровень занятости не всего населения РФ, а только его трудоспособной части. Для России в целом и для большинства ее регионов характерен высокий уровень занятости населения в трудоспособном возрасте, который в 2021 г. в среднем составлял 75,3 % у женщин и 81,0 % у мужчин. В наиболее продуктивных возрастах уровень занятости не только мужчин, но и женщин превышал 90 %, что свидетельствовало об интенсивном использовании

их трудового потенциала. Максимальных значений у мужчин уровень занятости достигал в возрастных группах с 25 до 44 лет и составлял 94,5—95,7 %, а у женщин приходился на возрастные группы 40—49 лет и составлял 91,2—91,6 % [Труд и занятость в России, 2021].

Вместе с тем по отдельным регионам наблюдался существенный разброс в значениях гендерных показателей занятости. Так, например, наиболее благоприятные условия для реализации трудового потенциала женщин сложились в Москве и на Чукотке, поэтому 84,6 % всех москвичек трудоспособного возраста и 84,1 % северянок были заняты в экономике. На другом полюсе возможностей для реализации трудового потенциала находились женщины Дагестана и Ингушетии, где только чуть больше половины — 51,0 и 51,7 % — могли работать в официальной экономике. У мужчин трудоспособного возраста диаметрально противоположные показатели по уровням занятости были в Москве — 89,9 %, Санкт-Петербурге — 88,6 % и в Тыве — 51,0 %, Чеченской Республике — 61,9 %. Региональные перепады в уровнях мужской и женской занятости были сопоставимы по величине.

Для целей сравнительного исследования возможностей занятости и положения женщин и мужчин на региональных рынках труда регионы РФ были сгруппированы в 5 кластеров в зависимости от уровней занятости:

- 1-й кластер с *максимально высокими уровнями занятости* женщин и мужчин (80 % и выше) составили 11 регионов;
- во 2-й кластер с уровнями занятости *выше среднего* по РФ (выше 75 % у женщин и 80 % у мужчин) вошли 25 регионов;
- в 3-й, наиболее многочисленный кластер из 33 регионов вошли территории, где *уровни занятости были близки к средним* для всей страны показателям, — 75,3 % у женщин и 81 % у мужчин;
- 4-й кластер с показателями *занятости ниже среднего* (ниже 70 % у женщин и 75 % у мужчин) объединил 10 регионов;
- 5-й кластер с *самыми низкими уровнями занятости* населения (ниже 60 % у женщин и ниже 70 % у мужчин) включал 6 наиболее проблемных по занятости регионов.

Кроме двух столиц и Чукотки, в **1-й кластер** с *максимально высокими уровнями занятости* женщин и мужчин (80 % и выше) входили еще 8 регионов РФ: восточные нефтедобывающие Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа, а также промышленно высокоразвитые регионы Поволжья и Центра, такие как Республики Татарстан, Удмуртия и Мордовия, Владимирская, Нижегородская и Липецкая области. К 1-му кластеру из 11 регионов примыкали 25 регионов, которые образуют **2-й кластер** с уровнем занятости *выше среднего* по РФ (выше 75 % у женщин и 80 % у мужчин). География регионов этого кластера была обширна и включала территории от Калининграда до Сахалина и Камчатки. Два кластера с максимальной и высокой занятостью — это экономически развитые территории (36 регионов), с достаточно емкими рынками труда, что создавало хорошие возможности для занятости и реализации трудового потенциала не только мужчин, но и женщин.

В **5-й кластер** с *самыми низкими уровнями занятости* населения (ниже 60 % у женщин и ниже 70 % у мужчин) входило 6 регионов, для которых были

характерны неблагоприятные возможности для реализации трудового потенциала населения. Кроме Чечни и Тывы, упомянутых выше, в него входили 4 Республики Северного Кавказа — Дагестан, Ингушетия, Северная Осетия и Карачаево-Черкесия. Среди основных причин низких уровней занятости северокавказских республик важную роль играли демографические и социально-экономические факторы, такие как высокая рождаемость, с одной стороны, и неразвитость региональных рынков труда и высокая конкуренция за рабочие места — с другой. Кроме того, большое значение в сдерживании занятости женщин в этих регионах всегда имели культурные традиции и семейные установки.

Не менее проблемными с точки зрения возможностей для реализации трудового потенциала населения являлись регионы, входившие в **4-й кластер**, где уровни занятости женщин и мужчин были значительно ниже среднероссийских (ниже 70 % у женщин и 75 % у мужчин). В этот кластер с показателями *занятости ниже среднего* входили прежде всего экономически слаборазвитые республики юго-востока и юга страны с преобладанием титульного населения, традиции которого накладывали отпечаток на трудовое поведение женщин и мужчин. На востоке это Республики Саха, Калмыкия, Бурятия, Хакасия, Алтай, а на юге — Республики Кабардино-Балкария и Адыгея. Кроме того, уровень занятости ниже среднего по РФ был отмечен в Еврейской автономии, а также в Орловской и Курганской областях со стареющим населением. Например, в 2021 г. в среднем по России на 1000 человек населения приходилось 294 пенсионера, а в Орловской и Курганской областях на 20 % больше (364 и 351 соответственно). Не только возрастная, но и образовательная структура населения этих регионов имела худшие показатели по РФ, что свидетельствовало о низком качестве человеческого капитала населения территорий. Эти 16 проблемных территорий, входивших в 4 и 5-й кластеры, относились к экономически отсталым и депрессивным регионам, где низкий уровень занятости населения обуславливал не только низкое качество и уровень жизни, но также неэффективное использование трудового потенциала населения. Получался своего рода замкнутый круг социально-экономических проблем этих регионов: отсутствие достаточного количества достойных рабочих мест и низкая занятость приводили к бедности, следствием которой является низкое качество человеческого капитала населения, что не способствует вложению инвестиций в создание современных рабочих мест в этих регионах. Круг замкнулся, а нерешенные проблемы республик юга и юго-востока РФ остаются.

Если рассматривать соотношение российских регионов, где были созданы или отсутствовали благоприятные возможности для занятости населения и реализации его трудового потенциала, то следует отметить, что в 2021 г. численность успешных территорий (36) более чем в 2 раза превышала численность проблемных регионов (16) с плохими условиями.

Кроме того, была еще группа из 33 регионов России, входивших в **3-й «средний» кластер**, где показатели уровней занятости как женщин, так и мужчин были близки к средним для всей страны, а следовательно, возможности и условия для реализации и воспроизводства трудового потенциала населения также были средними. В целом можно сделать вывод, что в большинстве российских регионов — 69 (81 % от общего их количества) — имелись позитивные

возможности и условия для реализации трудового потенциала населения, которые были обеспечены за счет высокого и среднего уровня развития региональных рынков труда.

Интересно отметить, что в 2 регионах РФ сложилась уникальная ситуация «феминизации занятости», при которой уровень занятости женщин был выше, чем у мужчин. Это Республика Тыва и Ненецкий автономный округ Архангельской области. Причем ситуация с занятостью в этих регионах была разной. Для Тывы были характерны самые низкие в стране уровни занятости в официальной экономике как мужчин — 51,0 %, так и женщин — 58,9 % — трудоспособного возраста. Уровень занятости женщин в Ненецком АО был достаточно высок — 79,7 %, т. е. выше среднего по РФ, в то время как уровень занятости мужчин, напротив, был намного ниже среднего по стране — 71,8 %. Значительный дисбаланс в пользу занятости женщин в этих регионах сложился достаточно давно. Почти 20 лет назад Н. Зубаревич, на основе гендерного анализа соответствующих данных 2003 г., описала причины «феминизации занятости», обосновав их «специфическими гендерными ролями в регионах с преобладанием титульного населения», когда «в связи с распространенностью асоциальных явлений и высокой мужской безработицей женщины становятся лидерами на низкоконкурентных рынках труда и основными “кормилицами” семей» [Зубаревич, 2005].

Подводя итог сравнительному анализу возможностей для занятости женщин и мужчин на региональных рынках труда, можно констатировать, что за высокими средними по РФ показателями скрывается значительный разброс в значениях показателей занятости трудоспособного населения по отдельным регионам и их группам. В то время как в регионах, входивших в 1-й кластер, где имелись позитивные условия для трудовой активности населения, уровни занятости мужчин и женщин превышали 80 %, аналогичные показатели для регионов, входивших в 5-й кластер, были почти на треть ниже и составляли 50—60 %. Это свидетельствует о важности региональных гендерных исследований для выявления реальных проблем российского рынка труда.

Кроме пространственных различий, важную роль для изучения возможностей занятости женщин и мужчин на региональных рынках труда играет также гендерное равенство, которое в исследовании измерялось показателем «гендерный разрыв в занятости». При этом проверялась гипотеза, что между уровнями гендерного неравенства и экономического развития региона существует обратная взаимосвязь: чем выше экономическое развитие региона, тем меньше гендерное неравенство, и наоборот.

В среднем по РФ в 2021 г. ГРЗ между женщинами и мужчинами составлял 5,7 п. п., т. е. показатель разрыва не был чрезмерным (см. табл.). Такой гендерный разрыв в уровнях занятости можно объяснить социально-демографическими особенностями жизненных и трудовых траекторий женщин и мужчин. Во-первых, в России женщины позже выходят на рынок труда из-за более длительного срока пребывания в сфере образования (доля девушек, получающих высшее образование, выше, чем юношей). Во-вторых, в соответствии с пенсионным законодательством женщины раньше, чем мужчины, выходят на пенсию. И наконец, самое главное — у женщин могут быть длительные перерывы в занятости в связи с рождением и воспитанием детей. Учитывая высокий уровень

занятости женщин, характерный для России, эти социально-демографические факторы объективно влияют на ситуацию, когда не паритет (50 : 50), а небольшое смещение в сторону снижения уровня занятости женщин по сравнению с мужчинами следует считать нормальной ситуацией на рынке труда региона. То есть если существуют объективные причины для небольшого гендерного разрыва в уровнях занятости женщин и мужчин, то достижение паритета их занятости не должно являться самоцелью.

**Рейтинг регионов РФ по величине гендерного разрыва
в уровнях занятости населения трудоспособного возраста 2021 г.**

[Женщины и мужчины России... , 2022]

Регион	Уровень занятости, %		Гендерный разрыв, п. п.	Рейтинг регионов РФ по ГРЗ
	Женщины	Мужчины		
Российская Федерация	75,3	81,0	5,7	—
<i>5 регионов РФ с минимальными показателями ГРЗ</i>				
Костромская область	78,6	78,8	0,2	1
Чувашская Республика	76,4	76,6	0,2	1 (2)
Республика Коми	74,4	74,7	0,3	3
Архангельская область	74,4	75,0	0,6	4
Владимирская область	81,1	82,4	1,3	5
<i>5 регионов РФ со средними показателями ГРЗ</i>				
Иркутская область	71,2	76,4	5,2	40
г. Москва	84,6	89,9	5,3	41
Кировская область	77,0	82,6	5,6	42
Орловская область	67,9	73,7	5,8	43
Калининградская область	75,9	82,0	6,1	44
<i>5 регионов РФ с максимальными показателями ГРЗ</i>				
Карачаево-Черкесская Республика	55,5	65,9	10,4	81
Республика Ингушетия	51,7	65,0	13,3	82
г. Севастополь	68,7	82,1	13,4	83
Кабардино-Балкарская Республика	62,9	76,7	13,8	84
Республика Дагестан	51,0	68,7	17,7	85

Вероятно, ситуация отклонения от гендерного паритета требует прояснения, поскольку общепринятым считается положение, что гендерное равенство — это и есть паритет по каким-либо значимым показателям. На этом построены индексы и рейтинги ВЭФ по глобальному гендерному разрыву (GGGI). Однако из этого правила есть исключения. Например, для ожидаемой продолжительности жизни женщин и мужчин существует биологически обусловленный разрыв в 5 лет в пользу женщин. Иначе говоря, не гендерный паритет по ожидаемой продолжительности жизни женщин и мужчин, а 5-летний разрыв

считается нормой, отклонение от которой в ту или другую сторону рассматривается как проблема. Судя по всему, для стран с низким уровнем занятости женщин правомерно считать целью стремление к гендерному паритету на рынке труда. Но это не может быть целью для России, где уровень занятости женщин для некоторых возрастных когорт близок к физиологическому пределу (80—90 %) и не намного отстает от уровня занятости мужчин. Есть основание считать, что в данном исследовании «небольшой гендерный разрыв» совпадает с объективно обусловленной величиной среднего для РФ показателя ГРЗ. Одновременно большим, т. е. проблемным, следует считать такой гендерный разрыв, который кратно превышает это объективно обусловленное среднее значение показателя ГРЗ. Соответственно можно предположить, что отклонение от среднего значения как в сторону уменьшения ГРЗ (ближе к паритету), так и в сторону увеличения может свидетельствовать о проблемах с занятостью женщин и мужчин на региональном рынке труда. При этом рабочая гипотеза будет следующей: разрыв в уровнях занятости, близкий к паритету, может сигнализировать о проблемах с реализацией трудового потенциала мужчин, а большой ГРЗ — о низкой занятости и недостаточно эффективном использовании трудового потенциала женщин в регионе.

Чтобы подтвердить или опровергнуть данную гипотезу, обратимся к анализу рейтинга российских регионов, построенному в соответствии с показателями ГРЗ. В таблице показаны группы по 5 регионов с разными уровнями ГРЗ (минимальный, средний и максимальный), которые занимают соответствующие места в рейтинге российских регионов по данным ГРЗ за 2021 г. Показатели ГРЗ были рассчитаны в процентных пунктах как разница между уровнями занятости мужчин и женщин в регионе.

В первую группу из 5 регионов РФ с *минимальными показателями ГРЗ* (от 0,2 до 1,3 п. п.) вошли Костромская область и Чувашская Республика, которые разделили в рейтинге 1 и 2-е места с показателями ГРЗ, равными 0,2 п. п. Для этих регионов было характерно, что уровень занятости женщин в них немного превышал среднероссийский показатель занятости (78,6 и 76,4 % соответственно). Одновременно уровни занятости мужчин (78,8 и 76,6 % соответственно) заметно отставали от среднестранового показателя у мужчин (81,0 %). 3 и 4-е места в региональном рейтинге ГРЗ заняли Республика Коми (0,3 п. п.) и Архангельская область (0,6 п. п.). Характеризуя положение женщин и мужчин на рынках труда этих регионов, можно отметить, что показатели занятости женщин здесь находились практически на среднем уровне (74,4 % в обоих регионах), в то время как показатели занятости мужчин (74,7 и 75,0 % соответственно) были значительно ниже среднестранового показателя у мужчин. И наконец, 5-е место в рейтинге регионов с низким ГРЗ заняла Владимирская область (1,3 п. п.), которая входила в 1-й кластер с максимально высокими уровнями занятости женщин и мужчин (80 % и выше), т. е. в этом регионе возможности занятости были высокими как у мужчин, так и у женщин. Таким образом, в группу регионов с минимальными ГРЗ входили территории, в которых возможности для реализации трудового потенциала у женщин были лучше, чем у мужчин, о чем свидетельствовали высокие и средние уровни женской занятости

и одновременно относительно низкие уровни мужской занятости (кроме Владимирской области). Хотя формально в этих территориях ГРЗ был близок к паритету, но их нельзя назвать благополучными с точки зрения возможностей для реализации трудового потенциала работников обоих полов. Во всех регионах (кроме Владимирской области) гендерный паритет в занятости был достигнут за счет низких уровней занятости мужчин, что можно считать негативным симптомом недоиспользования их трудового потенциала.

Средние места в рейтинге российских регионов (с 40-го по 44-е) по показателю ГРЗ заняли в основном регионы из 1 и 2-го кластеров с высокими и средними показателями как экономического развития, так и уровней занятости женщин и мужчин. В середину рейтинга ГРЗ попали г. Москва, Кировская, Калининградская, Иркутская, а также Орловская область. Эти регионы характеризовались развитыми рынками труда, что создавало достаточно благоприятные возможности и условия для реализации трудового потенциала женщин и мужчин. Исключением в группе регионов со средними показателями ГРЗ была Орловская область, отнесенная к 4-му кластеру, где уровни занятости и женщин и мужчин были ниже средних по РФ.

И наконец, обратимся к 5 регионам, которые завершают региональный рейтинг по уровню ГРЗ (с 81-го по 85-е место). Это южные регионы России, 4 из которых входят в Северо-Кавказский федеральный округ: Республики Дагестан, Кабардино-Балкарская, Карачаево-Черкесская и Ингушетия. В этой группе также находился г. Севастополь. Здесь отмечены *максимальные показатели ГРЗ* (от 10,4 до 17,7 п. п.), которые в 2—3 раза выше, чем в среднем по стране. Кроме Севастополя, эти регионы входили в 5-й кластер — самый проблематичный по уровню занятости и возможностям для реализации трудового потенциала. Для этих южных республик характерны низкие уровни занятости как женщин, так и мужчин, но из-за высокой конкуренции за рабочие места женщины оказались в значительной мере вытесненными с рынка труда, что и отражено в высоких уровнях ГРЗ. Особняком от этих регионов стоит город федерального подчинения Севастополь, где уровень занятости женщин был значительно ниже — 68,7 %, а уровень занятости мужчин выше — 82,1 %, чем в среднем по России. В результате здесь образовался один из самых больших в стране гендерных разрывов в занятости женщин и мужчин — 13,4 п. п. Вероятно, это можно объяснить спецификой города, который долгое время оставался закрытой территорией, а большинство мужчин были профессионально связаны с военно-морским флотом.

Как было отмечено, разрывы в показателях ГРЗ могут рассматриваться как мера *гендерного неравенства возможностей* женщин на региональных рынках труда. В регионах, завершающих рейтинг по показателю ГРЗ, положение женщин на рынках труда было значительно хуже, а возможности реализации трудового потенциала намного ниже, чем у мужчин, о чем свидетельствуют высокие показатели гендерного разрыва. Факт, что регионы, занявшие нижние позиции в рейтинге ГРЗ, также входили в проблемный кластер с неудовлетворительными возможностями занятости женщин, свидетельствует о том, что территориальное развитие и гендерное неравенство взаимосвязаны: чем ниже развитие, тем выше неравенство. Следовательно, гипотеза об обратной связи между уровнями

гендерного неравенства и социально-экономического развития региона подтверждена. Анализ данных рейтинга российских регионов по показателям ГРЗ подтвердил гипотезу, что в условиях высокого уровня занятости женщин в стране не паритет с мужчинами, а объективно обусловленный небольшой разрыв в занятости является оптимальным для России. Отклонение разрыва от этого среднего значения в сторону увеличения приводило к проблемам *недоиспользования трудового потенциала женщин*, а в сторону минимизации — к проблемам *недоиспользования трудового потенциала мужчин*. В большинстве экономически развитых регионов с высоким уровнем жизни населения и перспективными рынками труда ГРЗ были близки к среднестрановому показателю (5,7 п. п.), а в бедных экономически слаборазвитых регионах они были в 2—3 раза выше (13,3—17,7 п. п.) среднероссийского уровня. Высокие уровни ГРЗ свидетельствовали о существенном недоиспользовании трудового потенциала женщин в слаборазвитых регионах, а близкие к гендерному паритету — сигнализировали о недоиспользовании трудового потенциала мужчин. Вместе с тем для большинства регионов России были характерны средние значения ГРЗ и в целом позитивные возможности для реализации и воспроизводства трудового потенциала как женщин, так и мужчин.

Выводы

Таким образом, исследование вопросов неравенства возможностей женщин и мужчин на региональных рынках труда позволило установить, что территориальные и гендерные проблемы взаимосвязаны. В большинстве российских регионов (69, или 81 % от общего количества регионов) имелись благоприятные условия для реализации трудового потенциала женщин и мужчин за счет высокого и среднего уровней занятости и развитости региональных рынков труда. Была выявлена прямая связь между уровнями социально-экономического развития региона и гендерного равенства: чем выше уровень развития региона, тем выше уровень гендерного равенства, и наоборот. В ходе исследования для всех регионов России были проведены расчеты показателей, характеризующих гендерные разрывы в уровнях занятости женщин и мужчин, а затем на основе этих данных был построен рейтинг российских регионов. Это позволило обнаружить обратную взаимосвязь между уровнем гендерного равенства и возможностями для занятости и реализации трудового потенциала женщин в регионах: чем выше ГРЗ, тем меньше возможностей для реализации трудового потенциала женщин. Кроме того, было установлено, что не только высокие, но и низкие показатели ГРЗ являются маркерами неблагополучия на региональных рынках труда. При этом высокие показатели ГРЗ указывали на недоиспользование трудового потенциала женщин, а низкие показатели, к сожалению, свидетельствовали не о гендерном равенстве, а о проблемах с реализацией трудового потенциала мужчин. Следовательно, показатель «гендерный разрыв в занятости» оказался важным методологическим инструментом измерения гендерного неравенства, который позволил фиксировать разницу в положении и возможностях женщин и мужчин на рынках труда российских регионов.

Список источников

- Женщины и мужчины России, 2022. М.: Росстат, 2022. 208 с. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13215> (дата обращения: 21.09.2023).
- Зубаревич Н. В. Региональные аспекты гендерного равенства // Демоскоп Weekly. 2005. № 219—220. URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/2005/0219/analit02.php> (дата обращения: 04.09.2023).
- Нобелевская премия по экономике 2023 г. 2023. URL: <https://scientificrussia.ru/articles/nobelevskaa-premia-po-ekonomike-2023-g> (дата обращения: 21.10.2023).
- Повестка дня в области устойчивого развития. 2015. URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/about/development-agenda/> (дата обращения: 21.08.2023).
- Решетников считает аномально низкий уровень безработицы тормозом для экономики // ТАСС. 2023. 6 сентября. URL: <https://tass.ru/ekonomika/18665959?ysclid=loivm1w83u683772616> (дата обращения: 07.09.2023).
- Сен А. Развитие как свобода. М.: Новое изд-во, 2004. 432 с. (Библиотека фонда «Либеральная миссия»).
- Труд и занятость в России, 2021. М.: Росстат, 2021. 177 с. URL: https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/b21_36/Main.htm (дата обращения: 11.09.2023).
- Nussbaum M. C. *Creating Capabilities: the Human Development Approach*. Harvard University Press, 2011. 256 p.

References

- Nobelevskaia premiia po ekonomike 2023 g.* (2023) [Nobel Prize in Economics 2023], available from <https://scientificrussia.ru/articles/nobelevskaa-premia-po-ekonomike-2023-g> (accessed 21.10.2023).
- Nussbaum, M. C. (2011) *Creating Capabilities: The Human Development Approach*, Harvard University Press.
- Povestka dnia v oblasti ustoichivogo razvitiia* (2015) [Sustainable Development Agenda], available from <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/about/development-agenda/> (accessed 21.08.2023).
- Reshetnikov schitaet anomal'no nizkiĭ uroven' bezrobotitsy tormozom dlia ekonomiki* (2023) [Reshetnikov considers the abnormally low unemployment rate to be a brake on the economy], TASS, September 6, available from <https://tass.ru/ekonomika/18665959?ysclid=loivm1w83u683772616> (accessed 07.09.2023).
- Sen, A. (2004) *Razvitie kak svoboda* [Development as freedom], Moscow: Novoe izdatel'stvo.
- Trud i zaniatost' v Rossii, 2021* (2021) [Labor and employment in Russia, 2021], Moscow: Rosstat, available from https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/b21_36/Main.htm (accessed 11.09.2023).
- Zhenshchiny i muzhchiny Rossii, 2022* (2022) [Women and men of Russia, 2022], Moscow: Rosstat, available from <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13215> (accessed 21.09.2023).
- Zubarevich, N. V. (2005) Regional'nye aspekty gendernogo ravenstva [Regional aspects of gender equality], *Demoskop Weekly*, no. 219—220, available from <https://www.demoscope.ru/weekly/2005/0219/analit02.php> (accessed 04.09.2023).

Статья поступила в редакцию 22.10.2023; одобрена после рецензирования 05.11.2023; принята к публикации 13.11.2023.

The article was submitted 22.10.2023; approved after reviewing 05.11.2023; accepted for publication 13.11.2023.

Информация об авторе / Information about the author

Хоткина Зоя Александровна — кандидат экономических наук, доцент, эксперт Программы развития ООН в РФ по гендерному равенству, ведущий научный сотрудник, Институт социально-экономических проблем народонаселения им. Н. М. Римашевской — обособленное подразделение Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, г. Москва, Россия, zoya-alex2012@yandex.ru (Cand. Sc. (Econ.), Assistant Professor, Expert of the United Nations Development Program on Gender Equality in the Russian Federation, Leading Researcher, Institute of Socio-Economic Studies of Population named after N. M. Rimashevskaya — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation).

Женщина в российском обществе. 2023. № 4. С. 71—85.

Woman in Russian Society. 2023. No. 4. P. 71—85.

Научная статья

УДК 316.356.2

DOI: 10.21064/WinRS.2023.4.6

**ВЛИЯНИЕ РЕПРОДУКТИВНОГО ОПЫТА
РОДИТЕЛЬСКИХ СЕМЕЙ НА ВЕРОЯТНОСТЬ
ВЫБОРА МНОГОДЕТНОЙ СТРАТЕГИИ РОДИТЕЛЬСТВА**

*Александр Борисович Синельников¹, Вера Михайловна Карпова¹,
Софья Викторовна Ляликова², Анатолий Иванович Антонов¹*

¹ Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
г. Москва, Россия, sinalexander@yandex.ru

² Институт социально-экономических проблем народонаселения им. Н. М. Римашевской —
обособленное подразделение, Федеральный научно-исследовательский
социологический центр, Российская академия наук, г. Москва, Россия

Аннотация. По данным исследования, проведенного кафедрой социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, мужчины, выросшие в семьях с тремя и более детьми, создают многодетные семьи значительно чаще, чем женщины, у родителей которых были большие семьи. Однако большинство мужчин и женщин, которые родились и были воспитаны в многодетных семьях, не становятся многодетными отцами и матерями. Уровень рождаемости в России остается низким уже в течение жизни двух поколений. Подавляющее большинство мужчин и женщин репродуктивного возраста либо являются единственными детьми у своих родителей, либо имеют только одного брата или сестру. Трансляцию ценностей многодетной семьи следует поддерживать. Но еще важнее привить эти ценности людям, которые выросли в одноплодных и двухдетных семьях. Решить вторую из указанных задач труднее, чем первую. Это необходимо для того, чтобы повысить рождаемость до уровня полного замещения поколений, т. е. остановить депопуляцию в России.

Ключевые слова: рождаемость, семья, поколение, число детей, желаемое число детей, репродуктивные установки, семейно-демографическая политика, многодетная семья, трансляция ценностей

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00518 «Социальное конструирование жизненных стратегий семей с разным числом детей: социолого-демографические исследования», <https://rscf.ru/project/23-28-00518/>.

Для цитирования: Синельников А. Б., Карпова В. М., Ляликова С. В., Антонов А. И. Влияние репродуктивного опыта родительских семей на вероятность выбора многодетной стратегии родительства // *Женщина в российском обществе. 2023. № 4.* С. 71—85.

Original article

THE INFLUENCE OF REPRODUCTIVE EXPERIENCE OF PARENTAL FAMILIES ON THE PROBABILITY OF CHOOSING A PARENTING STRATEGY FOR LARGE FAMILIES

*Alexander B. Sinelnikov*¹, *Vera M. Karpova*¹,
*Sofia V. Lyalikova*², *Anatoly I. Antonov*¹

¹ Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation,
sinalexander@yandex.ru

² Institute of Socio-Economic Studies of Population named after N. M. Rimashevskaya —
Branch, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation

Abstract. According to a study conducted by the Department of Family Sociology and Demography (Faculty of Sociology) at Lomonosov Moscow State University, men who grew up in families with three or more children create families with the same number of children more often than women whose parents had large families. However, the majority of men and women who were born and raised in large families do not become fathers and mothers of many children. Intergenerational continuity is important, but is not the leading factor contributing to the formation of large families. Research data show that the most favorable conditions for creating a family with three or more children are possible when both spouses are oriented not only to this number of children, but also to the family lifestyle in general. It is very important that fathers not only earn enough money to provide the family with everything they need, but also actively participate in the care and upbringing of their children. Of great importance is the mothers' willingness to either devote themselves entirely to household chores for a long time or earn money in such a way that it does not interfere with taking care of their husbands and children. The birth rate in Russia has been too low for six decades, that is, it does not ensure complete replacement of generations. Most men and women who are now of reproductive age were born and raised in families with one or two children. The transmission of the values of a large family should be supported. However, it is even more important to instill these values in people who grew up in one- and two-child families. The second of these problems is more difficult to solve than the first. However, this is necessary in order to increase the birth rate to a level that ensures complete replacement of generations, that is, to stop depopulation in Russia. The opinion of husbands and fathers matters more when it comes not to the birth of the first or second child, but about the third and fourth children. Family and demographic policy aimed at increasing the birth rate should create incentives for the creation of large families and favorable conditions for their future life. These incentives are necessary, and the conditions must be sufficient for both parents.

Key words: birth rate, family, generation, number of children, desired number of children, reproductive attitudes, family and demographic policy, large family, transmission of values

Acknowledgments: this work was supported by the Russian Science Foundation under grant № 23-28-00518 “Social construction of life strategies for families with different numbers of children: a socio-demographic studies”, <https://rscf.ru/project/23-28-00518/>.

For citation: Sinelnikov, A. B., Karpova, V. M., Lyalikova, S. V., Antonov, A. I. (2023) Vliianie reproduktivnogo opyta roditel'skikh semei na veroiatnost' vybora mnogodetnoĭ strategii roditel'stva [The influence of reproductive experience of parental families on the probability of choosing a parenting strategy for large families], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 4, pp. 71—85.

Депопуляция, т. е. естественная убыль населения, в России может остановиться только вследствие внушительного увеличения числа семей с тремя и более детьми, доля которых в нашей стране весьма невелика. По данным последней Всероссийской переписи населения 2020 г., проведение которой из-за пандемии было перенесено с 2020 на 2021 г. (хотя ее официальное название осталось прежним), среди замужних женщин 45—49 лет было только 16 % многодетных, а среди замужних женщин трудоспособного возраста, включая состоящих в незарегистрированном браке, — 15 %¹. Это в три с половиной раза меньше, чем необходимо для простого замещения поколений, которое возможно только в случае, если не менее 55 % замужних женщин на протяжении своего жизненного пути до выхода из репродуктивного возраста станут многодетными матерями [Синельников, 2019: 27—28]. Подавляющее большинство супружеских пар в нашей стране имеют лишь одного или двоих детей, т. е. являются малодетными [Борисов, 1976: 73].

Постановка проблемы

Цель данной работы заключается в том, чтобы на основании актуальных эмпирических данных определить степень влияния репродуктивного опыта родительской семьи на число детей в репродуктивной семье. Работа с массивами кафедральных исследований, реализованных под руководством А. И. Антонова в период с 2014 по 2016 г., позволила на материалах 4,5 тыс. анкет выявить взаимосвязь репродуктивных установок респондентов и степени их трансляции своим взрослым детям посредством проверки корреляций между ответами на вопросы о желаемом, ожидаемом, идеальном, а также советуемом числе детей [Карпова, 2019]. Результаты показали, что при трансляции подходящего числа детей своим взрослым детям респонденты чаще всего руководствуются общественными нормами детности и реже ориентируются на собственные установки и опыт прародительских семей. Отмечено, что в рамках одной семьи наблюдается снижение показателей репродуктивных установок от поколения прародителей к репродуктивной семье респондента (рис. 1). Несмотря на незначительное повышение советуемого числа детей своим детям, даже в случае полного принятия детьми транслируемой нормы неполная реализация потребности в детях, на которую оказывают непосредственное влияние условия жизни [Антонов, Сорокин, 2000], приведет к еще большему снижению фактической детности в третьем поколении.

¹ Рассчитано по: Всероссийская перепись населения 2020 года. Т. 9: Рождаемость. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom9_Rozhdaemost (дата обращения: 12.10.2023).

Таким образом, тенденция снижения среднего числа детей в семье сохранится, в связи с чем важно тщательным образом изучить факторы, влияющие на привлекательность семейно-детного образа жизни, в частности многодетного.

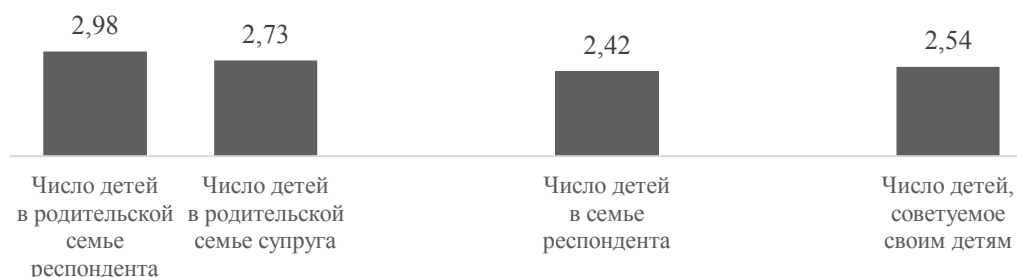

Рис. 1. Внутрисемейная межпоколенная динамика среднего числа детей [Карпова, 2019: 130]

Методы исследования

Результаты, представленные в данной статье, опираются на ряд исследований, реализованных в последние годы коллективом кафедры социологии семьи и демографии (КССиД) МГУ им. М. В. Ломоносова. В 2019 г. КССиД провела исследование ценностей семейно-детного образа жизни (СеДОЖ-2019)². Было опрошено 1,2 тыс. пар, подавляющее большинство из которых находились в официально зарегистрированном браке. Как правило, муж и жена опрашивались одновременно двумя интервьюерами, чтобы ни один из супругов не знал ответов другого и не оказывал давления на его мнение [И вместе, и врозь... , 2022].

В 2023 г. для изучения особенностей формирования многодетных семей было начато двухэтапное социологическое исследование «Социальное конструирование жизненных стратегий семей с разным числом детей», первым этапом которого стала серия биографических интервью. Всего было проведено около 50 интервью, в частности 30 интервью с представителями многодетных семей, в которых было рождено от 3 до 11 детей. При обозначении цитат применялись следующие коды: Н/Н, О/Н, Н/О, О/О, указывающие на наличие (Н) или отсутствие (О) опыта многодетности в родительской семье респондентки (1-я буква) и ее супруга (2-я буква).

Статистический анализ данных включал в себя анализ таблиц сопряженности, для которых проверка статистической значимости проводилась при помощи критерия Хи-квадрат, а в случае сравнения более двух категорий использовался z-критерий с поправкой Бонферрони на множественные сравнения. Для изучения влияния факторов на вероятность создания многодетной семьи были построены логистические регрессионные модели. Вся статистическая обработка данных проводилась с использованием SPSS 26.

² Ценности семейно-детного образа жизни (СеДОЖ-2019): аналитический отчет по результатам межрегионального социолого-демографического исследования / А. И. Антонов, В. М. Карпова, С. В. Ляликова и др.; под ред. А. И. Антонова. М.: МАКС Пресс, 2020. 486 с. URL: http://socio.msu.ru/documents/20200127_otchet.pdf (дата обращения: 15.10.2023).

Результаты исследования

Результаты исследования показали, что вероятность стать многодетными родителями у выходцев из многодетных семей выше, чем у тех, кто вырос в семьях с одним или двумя детьми. Так, среди мужчин, которые были воспитаны в малодетных родительских семьях, лишь 9 % стали многодетными отцами, а среди тех, чьи родители были многодетными, — 25 %, т. е. почти в три раза больше. Статистическая значимость наблюдаемых отличий подтверждается анализом критерия Хи-квадрат ($\chi^2(1) = 55,29$, $p < 0,001$). Различие между двумя группами составляет 16 п. п., а его статистическая значимость бесспорна ($p < 0,001$). Среди женщин, детство которых прошло в малодетных семьях, многодетными матерями стали 12 %, а среди женщин, выросших в многодетных семьях, — 18 % ($\chi^2(1) = 6,896$, $p = 0,009$). Различие также значимо (z-тест, $p = 0,01$), но составляет лишь 6 п. п., что почти в три раза меньше соответствующего различия у мужчин. Удивление вызывает то, что эта вполне естественная закономерность среди мужчин проявилась сильнее, чем среди женщин (рис. 2).

Рис. 2. Доля многодетных среди мужчин и женщин в зависимости от числа детей в родительских семьях (по данным СеДОЖ-2019), %

Этот «парадокс» подтверждается при изучении зависимости доли многодетных среди мужчин от числа детей не только у их родителей, но и у родителей их жен. На рисунке 3 все супружеские пары разделены на четыре группы. В группе № 1 оба супруга выросли в малодетных семьях. В группе № 2 мужья воспитывались в многодетных семьях, а жены — в малодетных. В группе № 3, напротив, родители жены были многодетными, а родители мужа малодетными. В группе № 4 оба супруга были воспитаны в многодетных семьях. Наиболее контрастные различия между крайними группами. В группе № 1 лишь 9 % мужчин являются многодетными отцами, а в группе № 4 — 31 %. Разница между этими группами составляет 22 п. п.

В группе № 2, где мужья происходят из многодетных семей, а жены — из малодетных, доля многодетных отцов составляет 21 %. Это на 12 п. п. больше, чем в группе № 1, в которой мужчины воспитывались в малодетных семьях и женаты на женщинах из таких же семей. Различие статистически значимо ($\chi^2(1) = 22,524$, $p < 0,001$). Однако в группе № 3 среди мужчин, которые выросли в малодетных семьях, но женились на женщинах из многодетных семей, доля многодетных оказалась в точности такой же, как среди мужчин, которые, как и их жены, были воспитаны в малодетных семьях (9 %). То есть можно сформулировать гипотезу, что вероятность стать многодетным отцом зависит только от многодетности собственных родителей, но не родителей жены?

Рис. 3. Доля многодетных среди мужчин и женщин в зависимости от числа детей в родительских семьях (по данным СеДОЖ-2019), %

Для ответа на этот вопрос надо обратить внимание на долю многодетных среди женщин (рис. 3). В группе № 1, т. е. среди женщин, которые выросли в малолетних семьях и состоят в браке с мужчинами из таких же семей, только 11 % являются многодетными матерями. В противоположной группе № 4, в которой оба супруга происходят из многодетных семей, доля многодетных матерей составляет 25 %. Разница между этими крайними группами женщин довольно значительна (14 п. п.), но все же меньше различия между соответствующими группами мужчин (22 п. п.).

Основной интерес представляют промежуточные группы — № 2 и № 3. В группе № 2, т. е. среди женщин, воспитанных в малолетних семьях, но состоящих в браке с мужчинами из многодетных семей, доля многодетных матерей равна 18 %. Это на 7 п. п. больше, чем в группе № 1. Различие статистически значимо ($\chi^2(1) = 6,078$, $p = 0,014$). Можно сделать вывод, что для женщин из малолетних семей браки с мужчинами из многодетных семей повышают шансы стать многодетными матерями по сравнению с ситуацией, когда их мужья тоже выросли в малолетних семьях.

В группе № 3, где жены происходят из многодетных семей, а мужья — из малолетних, доля женщин, которые стали многодетными матерями, составляет 13 %. Это только на 2 п. п. больше, чем в группе № 1 (11 %). Различие очень мало и не является значимым ($\chi^2(1) = 0,521$, $p = 0,47$). Из этого следует, что многодетность родителей жены почти не влияет на ее шансы стать многодетной матерью, если ее муж вырос в малолетней семье. Таким образом, можно сформулировать гипотезу, что влияние многодетности родительской семьи на вероятность рождения трех и более детей в семье респондента неодинаково для мужчин и женщин.

Факторы создания многодетных семей — регрессионный анализ

Для более глубокого анализа взаимосвязи вероятности образования многодетной семьи и числа детей в родительской семье был построен ряд регрессионных моделей. Использовались многофакторные логистические регрессионные модели, которые прогнозировали вероятность образования семьи с тремя и более детьми в зависимости от числа детей в родительской семье. При анализе были отобраны те факторы, которые, с одной стороны, показывают взаимосвязь с вероятностью образования многодетной семьи (например, очевидно, что с возрастом эта вероятность растет), но при этом не могут сами являться следствием роста числа детей в семье (например, уровень дохода семьи).

Перед построением моделей при помощи критерия Хи-квадрат были отобраны параметры, которые могли оказать значимое влияние на рождение в семье трех и более детей. Среди них возраст респондента, размер населенного пункта, уровень образования, степень религиозности и репродуктивные установки, выраженные в ответе на вопрос о желаемом числе детей. Как показал анализ, в данном исследовании в связи с небольшой долей многодетных семей статистически значимая взаимосвязь с уровнем образования, размером населенного пункта и даже уровнем религиозности респондента не прослеживается. Возможно, это связано еще и с тем, что указанные параметры могут меняться в течение жизни респондента. Например, уровень религиозности, выраженный в частоте посещения религиозных учреждений, увеличивается с возрастом³. В итоге для регрессионных моделей были оставлены следующие независимые переменные: пол, возраст респондента, размер родительской семьи респондента и супруга, желаемое число детей (табл. 1).

Таблица 1

Логистическая регрессионная модель формирования собственной многодетной семьи в зависимости от размера родительской семьи

Независимые переменные	Отношение шансов	p
Женский пол ^а	1,746	0,002
Многодетная семья ^б респондента	2,518	< 0,001
Женский пол* многодетная семья респондента	0,421	0,001
Многодетная семья ^б супруга	1,300	0,056
Сильные многодетные РУ (ЖЧД = 4+) ^в	14,489	< 0,001
Умеренные многодетные РУ (ЖЧД = 3) ^в	5,093	< 0,001
Возраст респондента	1,048	< 0,001
Константа	0,002	< 0,001

Примечания. ^а — референтное значение «мужской пол»; ^б — референтное значение «малодетная семья (1—2 ребенка)»; ^в — референтное значение «малодетные репродуктивные установки (ЖЧД < 3)»; ЖЧД — желаемое число детей, РУ — репродуктивные установки.

³ Комплексное наблюдение условий жизни населения, 2020 / Росстат. 2020. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/GKS_KOUZH-2020/index.html (дата обращения: 20.02.2023).

Как показывают результаты, представленные в таблице 1, все переменные оказывают статистически значимое влияние на шансы формирования многодетной семьи. Наиболее серьезный вклад вносит фактор репродуктивных установок респондента, измеренных посредством желаемого числа детей: так, по сравнению с малодетными семейными ориентациями желаемое число детей, равное 3, в 5 раз увеличивает шансы создания многодетной семьи, а в случае желаемого числа детей, превосходящего 3, шансы на создание многодетной семьи становятся почти в 14,5 раза выше.

Очевидным фактором, который был учтен для общей корректности модели, является возраст респондента. Он показывает увеличение шансов на 4,8 % с каждым годом. Происхождение супруга из многодетной семьи менее значимо для формирования в будущем многодетной семьи у респондента: шансы увеличиваются только на треть и рост статистически значим лишь на 90 %-м доверительном интервале.

Отдельного рассмотрения требуют переменные «пол» и «происхождение респондента из многодетной семьи». Анализ простых распределений, приведенный выше, показал различия во взаимосвязи данных переменных. Изначально, согласно значению критерия Хи-квадрат, непосредственной взаимосвязи размера семьи респондента и пола обнаружено не было ($\chi^2(1) = 0,002$, $p = 0,966$), однако более подробный анализ, который включал в себя рассмотрение взаимодействия переменных «пол» и «число детей в родительской семье», позволил прояснить ситуацию. В регрессионной модели был учтен фактор, отражающий взаимодействие переменных, и в результате на основе данных таблицы 1 был произведен расчет отношения шансов формирования многодетной семьи для мужчин и женщин в зависимости от размера родительской семьи (табл. 2) при условии постоянства остальных переменных модели (возраст, размер родительской семьи супруга, желаемое число детей).

Таблица 2

**Отношения шансов формирования многодетной семьи
в зависимости от пола и размера родительской семьи респондента**

	Мужчины	Женщины
Малодетная родительская семья	1,000	1,746
Многодетная родительская семья	2,518	$1,746 * 2,518 * 0,421 = 1,851$

Влияние размера родительской семьи различается в зависимости от пола респондента: для мужчин происхождение из многодетной семьи увеличивает шансы формирования собственной многодетной семьи в 2,52 раза, в то время как для женщин увеличение практически незначимо (в 1,06 раза). У женщин по сравнению с мужчинами выше шансы создать многодетную семью, если они сами происходят из малодетной (в 1,75 раза), однако происхождение из многодетной семьи меняет закономерность: в этом случае шансы выше у мужчин (в 1,36 раза).

Если речь идет о третьих и последующих рожденьях, т. е. о формировании многодетной семьи, то принятие соответствующего решения уже в большей степени зависит от отцов:

Очень много зависит от мужчины, потому что, когда мне первый муж сказал: «Нет, все, дальше только аборт!» — я поняла, что с таким человеком невозможно построить семью... А когда я встретила мужчину, для которого семья ценна так же, как и для меня... я осознала, что на этого человека можно положиться, можно рожать и растить детей (женщина, 39 лет, 4 детей, О/О).

Из супругов, выросших в многодетных семьях, мужа чаще создают такие же семьи, чем жены. В период репродуктивного выбора женщина нуждается в поддержке со стороны своего супруга и ближайшего окружения [Немировская, 2007], вероятно, столкнувшись с многодетным образом жизни в родительской семье, мужчина может более осознанно подойти к выбору данной стратегии развития собственной семьи и взять на себя определенную ответственность за обеспечение необходимых условий жизни для жены и детей, особенно в период, когда женщина выпадает из карьерной гонки или решает посвятить себя материнству:

Наш путь к многодетности начался с мужа, я не была к этому готова, у меня не было таких мыслей. Все из-за его желаний и поддержки, он старался повлиять на меня в этом плане, направлять мои мысли в сторону многодетности... После я познакомилась с его друзьями — многочисленными, многодетными семьями, и я увидела, что в реальности это действительно может быть здорово (женщина, 42 года, 4 детей, О/Н);

Если бы мой муж не был таким, какой он есть, я бы не родила столько детей. Я понимала, что он будет рядом и возьмет на себя ответственность... что он не будет спокойно приходить с работы и ложиться на диван, а будет вовлекаться (в семейные дела) наравне со мной, и это меня очень мотивировало и поддерживало. Когда он говорит: «Мы справимся!» — он действительно имеет в виду «мы» (женщина, 35 лет, 6 детей, О/О).

Дополнительно к модели, описанной выше, были построены регрессионные модели, учитывающие взаимосвязь переменных «пол» и «желаемое число детей», а также «пол» и «размер родительской семьи супруга». Однако ни одно из взаимодействий не показало статистически значимого влияния на зависимую переменную. Это позволяет сделать вывод, что репродуктивные установки и размер родительской семьи супруга одинаково влияют на вероятность создания многодетной семьи у мужчин и женщин.

В исследовании СеДОЖ-2019 принимали участие супружеские пары, что делает возможным проведение анализа не только на индивидуальном, но и на общесемейном уровне. Использовался тот же подход, что и при оценке индивидуальных закономерностей: были отобраны характеристики семьи как целого, которые достаточно постоянны на протяжении всего ее жизненного цикла, и простой анализ таблиц сопряженности показал их статистически значимую взаимосвязь с размером семьи ($p < 0,001$). Среди таких переменных оказались: характеристика возраста супругов (средний возраст супругов в паре), показатель общесемейных репродуктивных установок, составленный на основе сочетаний

числа детей, желаемого мужем и женой, и совокупная характеристика родительских семей респондентов (рис. 4).

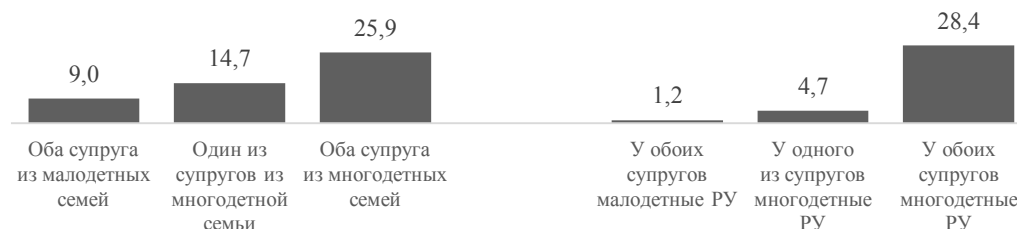

Рис. 4. Доля многодетных семей в зависимости от происхождения супругов и их репродуктивных установок (РУ), %

Как показано на рисунке, доля многодетных семей статистически значимо растет уже в группах, где хотя бы один из родителей происходит из многодетной семьи (6 п. п.) и где хотя бы у одного из супругов желаемое число детей превышает нормы малолетности (на 3 п. п.). Еще более значительный прирост наблюдается, когда оба родителя ориентированы на создание многодетной семьи и/или происходят из многодетных семей. Данная взаимосвязь является статистически значимой как для характеристики родительских семей ($\chi^2(2) = 28,328$, $p < 0,001$), так и для уровня общесемейных репродуктивных установок ($\chi^2(2) = 144,479$, $p < 0,001$). Серия попарных сравнений долей многодетных семей среди семей, различающихся по типу родительской семьи и/или уровню репродуктивных установок, показала статистически значимые отличия во всех парах ($p < 0,05$).

Таблица 3

Логистическая регрессионная модель формирования собственной многодетной семьи в зависимости от размера родительской семьи (общесемейный уровень)

Независимые переменные	Отношение шансов	p
Репродуктивные установки:		
многодетные ^a у обоих супругов	24,751	< 0,001
многодетные ^a у одного из супругов	2,804	0,068
Размер родительской семьи:		
оба супруга из многодетных семей ^b	2,331	0,002
хотя бы один из супругов из многодетной семьи ^b	1,221	0,408
Средний возраст супругов	1,048	< 0,001
Константа	0,001	< 0,001

Примечания. ^a — референтное значение «малолетные РУ»; ^b — референтное значение «из малолетней семьи».

Результаты анализа взаимосвязи размера родительской семьи и вероятности создания собственной многодетной семьи уточняют первичный анализ, проведенный на основе таблиц сопряженности (табл. 3). Выявлено, что статистически значимый рост вероятности создания многодетной семьи происходит в семьях, где оба супруга воспитывались в многодетных семьях (рост по сравнению с семьями,

где оба супруга из малодетных семей, в 2,33 раза), однако опыта воспитания в многодетной семье только одного из супругов недостаточно (отношение шансов статистически незначимо). Влияние репродуктивных установок супругов еще более сильное: в случае если оба супруга ориентированы на создание многодетной семьи, их шансы преуспеть в 24,5 раза больше по сравнению с парой, где ни один из супругов не хочет стать многодетным родителем. Многодетные репродуктивные ориентации только одного из супругов повышают шансы в 2,8 раза, причем данный рост подтверждается лишь в рамках 90 %-го доверительного интервала, в связи с чем требует проверки в дальнейших исследованиях.

Стимулы к рождению детей

Согласно материалам ВЦИОМ, почти 40 % россиянок репродуктивного возраста (от 18 до 45 лет) хотели бы стать многодетными матерями, причем с возрастом желание обзавестись четырьмя и более детьми возрастает (от 2 % среди женщин младшей возрастной группы (до 24 лет включительно) до 13 % среди женщин старше 35 лет)⁴. Для того чтобы решиться стать многодетными родителями, т. е. не такими, как подавляющее большинство окружающих, что нередко вызывает негативную реакцию с их стороны [Смолева, 2019], надо иметь сильные стимулы. Одним из них может быть стремление воспроизвести модель родительской семьи:

Знаете, каждый берет пример со своей семьи... Я всегда хотела большую семью, благо пример перед глазами... я девятая из двенадцати. У моей мамы, у братьев и сестер много детей, и для меня это естественно! Я не могла представить, что у меня будет только один ребенок (женщина, 36 лет, 4 детей, Н/О).

Но такое желание может возникнуть, если опыт жизни в этой семье расценивается как положительный. Не исключено, что мужчины из многодетных семей воспринимают этот опыт более позитивно, чем женщины, которым приходилось много заботиться о братьях и сестрах, особенно если они были старшими среди детей. Иногда это даже может привести к решению вообще не иметь детей⁵:

Третья мне говорит: «Спасибо, мама, я выросла в многодетной семье, я знаю, что это такое!» Хотя ей все условия были предоставлены... Я еще поговариваю с ней на эту тему, может быть, она еще маленькая... подростковый максимализм. Я считаю, что больше всех страдали двое старших, их все время заставляли с младшими сидеть, гулять и т. п. (женщина, 52 года, 6 детей, О/О).

Кроме того, в большинстве многодетных семей жены либо полностью посвящают себя семье и детям и соответственно не имеют желания или возможности работать, либо отдают предпочтение неполной занятости, что нередко сопровождается ограниченным уровнем дохода, либо начинают работать

⁴ Женское счастье: российская версия // ВЦИОМ. 2022. 21 апреля. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/zhenskoe-schaste-rossiiskaja-versija?ysclid=lo1bb2dhq0251690383> (дата обращения: 21.09.2023).

⁵ Исупова О. «Чайлдфри», или добровольная бездетность // Демоскоп Weekly. 2010. № 427—428. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2010/0427/gender03.php> (дата обращения: 08.10.2023).

удаленно, выбирая удобный для себя график и посильную нагрузку, в связи с чем готовность супруга взять на себя дополнительную ответственность оказывается еще более существенной. Согласно опросу фонда «Общественное мнение», каждый пятый россиянин убежден в том, что если есть такая возможность, то женщине лучше не работать, а заниматься семьей и детьми (18 %), примерно столько же разделяют мнение о том, что в наше время женщине лучше сначала родить ребенка, а после заняться построением карьеры (22 %) ⁶. Подобный подход усиливает позицию мужей в принятии важных семейных решений как основных либо вообще единственных кормильцев, а материальный фактор нередко звучит среди ключевых барьеров, препятствующих рождению детей ⁷:

У нас основной добытчик в семье — муж... Я немного поработала по образованию, а дальше только продлевала отпуска по уходу за ребенком. После третьего ребенка, когда... отпуск закончился, я все равно в школу не вернулась... Дети-то никуда не делись (женщина, 42 года, 4 детей, Н/О);

В текущей ситуации мне просто времени не хватает на что-то другое, я бы рада чем-нибудь заняться, я попробовала поискать побольше работы по своему профилю, но поняла, что я просто не потяну либо ночами придется сидеть вместо сна... Это просто невозможно, особенно когда кто-то болеет (женщина, 29 лет, 3 детей, О/О);

У меня получается гораздо лучше зарабатывать дома дистанционно. Я всегда с детьми, всегда свободна, я могу посвящать время семье. Мне комфортно. Пока я официально трудоустроена, но когда ребенку исполнится три года, надо будет что-то решать: либо выходить на работу, либо увольняться... Я говорю мужу: «Давай родим еще малыша?» (женщина, 28 лет, 3 детей, О/О);

Муж работает один, и периодически у нас всплывают разговоры о том, не выйти ли мне на работу. Дело в том, что в объеме наших расходов на дом и троих детей моя зарплата будет просто ни о чем, а уходить я буду на весь день. Муж мне говорит, что это не имеет смысла, тем более что видаться мы будем только вечером, и дети будут сами по себе (женщина, 38 лет, 3 детей, О/О).

Следует иметь в виду также и то, что причиной многодетности в семьях, (как собственных, так и родительских) нередко бывают повторные для одного или обоих супругов браки. Поэтому в каждой из четырех групп доли многодетных среди мужчин и женщин неодинаковы. В анкете исследования СеДОЖ-2019 есть вопросы о числе детей в родительской семье респондента и его супруга, но не уточняется, все ли эти дети были родными для обоих родителей. Влияние распада семей и повторных браков на рождаемость следует рассматривать отдельно [Захаров и др., 2016; Синельников, 2022: 173—191].

⁶ К вопросу о рождаемости в современной России // ФОМ. 2023. 18 августа. URL: <https://fom.ru/Rabota-i-dom/14911> (дата обращения: 21.09.2023).

⁷ Женское счастье: российская версия // ВЦИОМ. 2022. 21 апреля. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/zhenskoe-schaste-rossiiskaja-versija?ysclid=lo1bb2dhq0251690383> (дата обращения: 21.09.2023).

Заключение

Данные исследований показывают, что традиции многодетности во многих семьях передаются по наследству от родителей к детям, причем чаще по мужской линии, чем по женской. Однако даже среди тех, кто вырос в многодетных семьях, подавляющее большинство мужчин (75 %) и женщин (82 %) не стали многодетными родителями. Межпоколенная преемственность имеет значение, но не является ведущим фактором, способствующим формированию многодетных семей. Создание многодетной семьи возможно при ориентации обоих супругов не только на многодетность саму по себе, но и на семейно-детный образ жизни в целом. Большое значение имеет ориентация отцов не только на материальное обеспечение семьи, но и на свое участие в домашних делах, в уходе за детьми и их воспитании. Очень важна готовность матерей на длительное время либо полностью посвятить себя домашним делам, либо работать и зарабатывать деньги таким образом, чтобы это не мешало заботиться о семье и детях.

Значительное повышение рождаемости в России невозможно без существенного увеличения числа многодетных семей. Однако льготы, пособия, отпуска и другие меры семейно-демографической политики ориентированы в основном на помощь матерям с детьми. Распоряжаться материнским капиталом может только мать. Обычно считается, что стимулы к рождению нескольких детей должны воздействовать прежде всего на женщин. Но формирование многодетных семей зависит от мужей не меньше, чем от жен. Следует найти такие стимулы, которые могут повлиять на мужчин. Если супруги не разведены, то следует дать им право распоряжаться материнским капиталом наряду с женами, чтобы повысить авторитет мужей и отцов в семьях, а мужчин — в обществе [Синельников, 2022: 363—365]. Еще важнее предоставить мужчинам возможность больше зарабатывать и тем самым лучше обеспечивать свои семьи, а не рассчитывать только на материальную помощь от государства. Видится разумной поддержка матерей с детьми со стороны работодателей, которые могут назначить квоту на принятие на работу матерей несовершеннолетних детей, предоставляя им возможность дистанционной работы или частичной занятости, что благоприятным образом скажется на имидже семей с детьми и сделает бизнес социально ответственным, подобное неперенным образом должно найти соответствующую поддержку со стороны государства и общества.

Список источников

- Антонов А. И., Сорокин С. А. Судьба семьи в России XXI века: размышления о семейной политике, о возможности противодействия упадку семьи и депопуляции. М.: Грааль, 2000. 414 с.
- Борисов В. А. Перспективы рождаемости. М.: Статистика, 1976. 248 с.
- Захаров С. В., Чурилова Е. В., Агаджанян В. С. Рождаемость в повторных союзах в России: позволяет ли вступление в новый супружеский союз достичь идеала двухдетной семьи? // Демографическое обозрение. 2016. Т. 3, № 1. С. 35—51.

- И вместе, и врозь: социология взаимных представлений супругов: (по результатам социологических исследований) / отв. ред. А. И. Антонов. М.: У Никитских ворот, 2022. 350 с.
- Карпова В. М. Особенности межпоколенной трансляции семейных ценностей // Вестник Московского университета. Сер. 18, Социология и политология. 2019. № 3. С. 117—139.
- Немировская Ю. В. Влияние фактора социальной поддержки на репродуктивное поведение женщины // Вестник Костромского государственного университета. 2007. № 1. С. 76—79.
- Синельников А. Б. Браки и разводы в современном обществе: социологический анализ: учебное пособие. М.: Перо, 2022. 392 с.
- Синельников А. Б. Трансформация брака и рождаемость в России // Народонаселение. 2019. № 2. С. 26—39.
- Смолева Е. О. Многодетные семьи в регионе: механизмы эксклюзии и стереотипы // Социологический журнал. 2019. Т. 25, № 2. С. 116—137.

References

- Antonov, A. I. (ed.) (2022) *I vmeste, i vroz': sotsiologiia vzaimnykh predstavlenii suprugov: (Po rezul'tatam sotsiologicheskikh issledovaniï)* [Both together and apart: sociology of mutual representations of spouses: (According to the results of sociological research)], Moscow: U Nikitskikh vorot.
- Antonov, A. I., Sorokin, S. A. (2000) *Sud'ba sem'i v Rossii XXI veka: Razmyshleniia o semeinoi politike, o vozmozhnosti protivodeistviia upadku sem'i i depopulatsii* [The fate of the family in Russia of the XXI century: Reflections on family policy, on the possibility of countering the decline of the family and depopulation], Moscow: Graal'.
- Borisov, V. A. (1976) *Perspektivy rozhdaemosti* [Fertility prospects], Moscow: Statistika.
- Karpova, V. M. (2019) *Osobennosti mezhpokolenoï transliatsii semeinykh tsennostei* [Features of the intergenerational transmission of family values], *Vestnik Moskovskogo universiteta*, seriia 18, Sotsiologiia i politologiia, no. 3, pp. 117—139.
- Nemirovskaya, Yu. V. (2007) *Vliianie faktora sotsial'noi podderzhki na reproduktivnoe povedenie zhenshchiny* [The influence of the social support factor on a woman's reproductive behavior], *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 1, pp. 76—79.
- Sinel'nikov, A. B. (2019) *Transformatsiia braka i rozhdaemost' v Rossii* [Transformation of marriage and fertility in Russia], *Narodonaselenie*, no. 2, pp. 26—39.
- Sinel'nikov, A. B. (2022) *Braki i razvody v sovremennom obshchestve: sotsiologicheskii analiz: Uchebnoe posobie* [Marriages and divorces in modern society: a sociological analysis: Training manual], Moscow: Pero.
- Smoleva, E. O. (2019) *Mnogodetnye sem'i v regione: mekhanizmy èkskliuzii i stereotipy* [Large families in regions: mechanisms of exclusion and stereotypes], *Sotsiologicheskii zhurnal*, vol. 25, no. 2, pp. 116—137.
- Zakharov, S. V., Churilova, E. V., Agadjanian, V. S. (2016) *Rozhdaemost' v povtornykh soiuzakh v Rossii: pozvoliaet li vstuplenie v novyi supruzheskii soiuz dostich' ideala dvukhdetnoï sem'i?* [Fertility in higher-order marital unions in Russia: does a new partnership allow for the realization of the two-child ideal?], *Demograficheskoe obozrenie*, vol. 3, no. 1, pp. 35—51.

Статья поступила в редакцию 17.10.2023; одобрена после рецензирования 20.10.2023; принята к публикации 23.10.2023.

The article was submitted 17.10.2023; approved after reviewing 20.10.2023; accepted for publication 23.10.2023.

Информация об авторах / Information about the authors

Синельников Александр Борисович — доктор социологических наук, профессор кафедры социологии семьи и демографии, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия, sinalexander@yandex.ru (Dr. Sc. (Sociology), Professor at the Department of Family Sociology and Demography, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation).

Карпова Вера Михайловна — кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры социологии семьи и демографии, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия, wmkarпова@yandex.ru (Cand. Sc. (Sociology), Senior Lecturer at the Department of Family Sociology and Demography, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation).

Ляликова Софья Викторовна — научный сотрудник лаборатории исследования здоровья населения и системы здравоохранения, Институт социально-экономических проблем народонаселения им. Н. М. Римашевской — обособленное подразделение Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, г. Москва, Россия, lyalikova@socio.msu.ru (Researcher at the Laboratory for Population Health and Health System Research, Institute of Socio-Economic Studies of Population named after N. M. Rimashevskaya — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation).

Антонов Анатолий Иванович — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социологии семьи и демографии, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия, antonov_ai@mail.ru (Dr. Sc. (Philosophy), Professor, Head of the Department of Family Sociology and Demography, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation).

Женщина в российском обществе. 2023. № 4. С. 86—95.

Woman in Russian Society. 2023. No. 4. P. 86—95.

Научная статья

УДК 316.356.2

DOI: 10.21064/WinRS.2023.4.7

**МНОГОПОКОЛЕННАЯ СЕМЬЯ
В ФОКУСЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
(Опыт нижегородских социологов)**

*Зарэтхан Хаджи-Мурзаевна Саралиева,
Сергей Александрович Судьин*

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н. И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия, zara@fsn.unn.ru

Аннотация. Анализируется опыт участия ученых кафедры общей социологии и социальной работы Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского в исследованиях межпоколенных отношений в семье. Выделяются этапы исследовательской активности и факторы ее интенсификации. На первом этапе исследования носили преимущественно кросс-культурный характер в силу включенности кафедры в международные научные и образовательные проекты. Среди таковых выделяются «Ценность детей и межпоколенные отношения» и Панельное исследование интимных отношений и семейной динамики, проведенные совместно с Техническим университетом Хемница и Университетом Констанца (Германия). Второй этап ознаменовался активизацией государственной поддержки научных исследований. Это позволило реализовать масштабные проекты в сфере межпоколенного взаимодействия, в том числе в контексте функционирования других социальных институтов. Наконец, на современном этапе основными акторами интенсификации исследовательской активности стали некоммерческие организации, конструирующие социальные проблемы и формирующие новые технологии социальной защиты, а также органы местной власти, заинтересованные в получении более глубокой информации для решения демографических проблем региона.

Ключевые слова: социология семьи, межпоколенные отношения в семье, кросс-культурные социологические исследования, демографические структуры и процессы, социокультурный контекст

Для цитирования: Саралиева З. Х.-М., Судьин С. А. Многопоколенная семья в фокусе социологических исследований: (опыт нижегородских социологов) // Женщина в российском обществе. 2023. № 4. С. 86—95.

Original article

MULTIGENERATIONAL FAMILY IN THE FOCUS OF SOCIOLOGICAL RESEARCH (Experience of sociologists from Nizhny Novgorod)

Zaretkhan Kh.-M. Saralievа, Sergey A. Sudin

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod,
Nizhny Novgorod, Russian Federation, zara@fsn.unn.ru

Abstract. The experience of participation of the Department of General Sociology and Social Work sociologists of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod in studies of intergenerational relations in the family is analyzed. The stages of research activity and factors of its intensification are identified. At the first stage, the research was predominantly cross-cultural in nature due to the department's involvement in international scientific and educational projects. Among these, the "Value of Children and Intergenerational Relationships" and the Panel Analysis of Intimate Relationships and Family Dynamics, conducted jointly with Chemnitz University of Technology and the University of Konstanz (Germany), stand out. The second stage was marked by increased government support for scientific research. This made it possible to implement large-scale projects related to intergenerational interaction, including the impact of other social institutions functioning. Finally, at the present stage, the main actors in the intensification of research activity have become non-profit organizations that construct social problems and form new technologies for social protection, as well as local authorities interested in obtaining more in-depth information to solve the demographic problems of the region.

Key words: sociology of the family, intergenerational relationships in families, cross-cultural sociological research, demographic structures and processes, sociocultural context

For citation: Saralievа, Z. Kh.-M., Sudin, S. A. (2023) *Mnogopokolennaia sem'ia v fokuse sotsiologicheskikh issledovaniĭ: (Opyt nizhegorodskikh sotsiologov)* [Multigenerational family in the focus of sociological research: (Experience of sociologists from Nizhny Novgorod)], *Zhenshchina v rossiĭskom obshchestve*, no. 4, pp. 86—95.

Роль семьи в системе социальных отношений навсегда закрепила за ней статус наиболее изучаемой социологами темы. Текущее состояние, динамика, факторы внешней и внутренней среды, сложная субинституциональная структура, межпоколенные отношения, а также включенность в различные формы семейных отношений абсолютного большинства населения Земли — все это формирует неисчерпаемый источник научного интереса.

Адекватная содержательная оценка процессов, происходящих в современной семье и с современной семьей, возможна лишь с помощью регулярных исследований, в том числе кросс-культурных. Использование одинакового инструментария (за исключением деталей, подвергающихся адаптации в ходе подготовительного этапа) позволяет измерять и интерпретировать в сравнительном ключе значения конкретных параметров, составляющих тот или иной исследовательский сюжет.

Изучение многопоколенных семей — давняя традиция сравнительных исследований за рубежом. Включенность России в мировое научное пространство обеспечила ей широкую интеграцию в исследовательские проекты, посвященные таким аспектам, как пути формирования семейной солидарности, приоритет отношений родства или свойства, ценность детей и межпоколенная поддержка. Очевидно, что различия в значениях и характеристиках перечисленных переменных имеют глубокую культурно-историческую обусловленность, формирующую особую картину матримониального и репродуктивного поведения в конкретной стране. Сравнительная характеристика позиции России в сфере семейно-брачных отношений, оценка перспектив и формирование возможных мер социальной, семейной и демографической политики — конечная цель участия в подобных исследованиях.

Не остались в стороне и социологи Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского. Участие в международных исследовательских проектах значительно обогатило тематический портфель семейной проблематики и дало новый импульс нашим исследованиям. В 2006—2008 гг. коллектив кафедры общей социологии и социальной работы под руководством профессора З. Х.-М. Саралиевой включился в масштабный социологический проект «Value of Children and Intergenerational Relationships» (VoC), посвященный изучению и кросс-культурному анализу ценности детей и межпоколенных отношений [Tamm et al., 2017; Саралиева, Балабанов, 2009; Балабанов, 2009]. Концептуальной основой для исследования стал подход Ч. Катчибаши, выделившей три основных аспекта ценности детей, актуальных для конкретных обществ и в макросоциологической перспективе определяющих репродуктивные стратегии их членов [Kagitcibasi, 1982]. Предполагается, что преобладание того или иного аспекта ценности детей в конкретном обществе имеет культурную и экономическую детерминацию, носит устойчивый характер и не подвержено заметным колебаниям на протяжении десятилетий. Смена преобладающего аспекта ценности детей свидетельствует о происходящих в обществе глубинных институциональных трансформациях, затрагивающих фундаментальные основы его функционирования.

С учетом актуальности демографической повестки в современной России и при явном недостатке теоретических моделей для объяснения происходящих в этой сфере процессов считаем необходимым дать краткую характеристику содержательной части указанного исследования.

Согласно подходу Ч. Катчибаши, современные общества можно разделить на три группы в зависимости от преобладающего в них аспекта ценности детей. В первой группе, в которую входят общества с высокой долей натурального хозяйства в структуре экономики и неразвитой государственной системой социальной защиты, преобладает утилитарный аспект. В таких обществах каждый новый член семьи рассматривается как фактор экономического усиления домохозяйства или субъект социальной поддержки стареющих родителей. Естественно, рождаемость в этих обществах наиболее высока; при этом отмечается приоритет мальчиков над девочками из-за большей физической силы, а также низкого социального статуса женщины, чьи функции, по сути, ограничены деторождением.

Во второй группе, в которую входят экономически развитые постиндустриальные общества, преобладает социально-психологический аспект ценности детей, выражающийся в переживании положительных эмоций, которые дарит родительство. Очевидно, для удовлетворения социально-психологической потребности достаточно одного ребенка, максимум двоих детей; в этом случае отсутствует приоритет мальчиков, а социальный статус женщины очень высок. Вынашивание, рождение и воспитание детей требуют от женщин отказа от выполнения других социальных ролей, что в условиях постиндустриального общества является немалой жертвой и риском для будущей карьеры.

Для третьей группы, объединяющей страны с консервативным политическим режимом и низкими возможностями вертикальной социальной мобильности, характерен социально-нормативный аспект ценности. В этих странах семья является едва ли не единственной сферой самореализации граждан, а дети становятся символом успеха и индикаторами социальной «нормальности» родителей.

Организаторами исследования выступили Технический университет Хемница (исследовательская группа под руководством профессора Б. Наука) [Nauck, 2001] и Университет Констанца (исследовательская группа под руководством профессора Г. Троммсдорфф) [Kindheit und Jugend... , 1995]. Россия в момент его проведения стала пятнадцатой страной-участницей; в настоящее время число партнеров исследования приблизилось к пятидесяти. Среди них США, Германия, Китай, Франция, Израиль, Индия, ЮАР, Индонезия, Палестина, Гана.

В рамках исследования были опрошены в общей сложности 1100 респондентов: матери подростков 15—17 лет, матери детей в возрасте до трех лет, а также бабушки по материнской линии, проживающие под одной крышей со своими дочерьми и внуками. Результаты этого исследования нашли широкое отражение в научных публикациях [Ценность детей... , 2008; Курамшев и др., 2017].

Другой масштабный социологический проект — Panel Analysis of Intimate Relationships and Family Dynamics (PAIRFAM), т. е. Панельное исследование близких отношений и семейной динамики, тоже был реализован консорциумом немецких вузов и направлен на изучение исключительно современной немецкой семьи. Как и исследование ценности детей и межпоколенных отношений, он финансировался Немецким исследовательским обществом и предполагал сбор эмпирических данных в ходе 13 этапов, или волн. Завершение исследования планировалось на 2022 г.

Исследование PAIRFAM охватывает основные темы динамики партнерства и его распада, отношения к рождаемости, а также репродуктивное поведение, воспитание и развитие детей, отношения между поколениями. Главной целью проекта является предоставление собранных данных на безвозмездной основе международному исследовательскому сообществу.

PAIRFAM — это ежегодное исследование, в котором принимают участие около 12 тыс. случайно выбранных респондентов, 1991—1993, 1981—1983 и 1971—1973 гг. рождения. Таким образом, в начале первой волны авторы имели три возрастные группы: 15—17 лет, 25—27 лет и 35—37 лет. Включение этих трех возрастных групп позволило получить информацию о решающих фазах жизненного пути. В среднем младшая когорта находится в процессе обретения

самостоятельности по отношению к своим родителям и начала первых партнерских отношений. Средняя когорта, как предполагалось, задумывается о стабильных партнерских отношениях и создании семьи. В самой старшей когорте авторы ожидали увидеть наибольшее количество разрывов долгосрочных партнерских отношений. В 2011 г. коллективом кафедры общей социологии и социальной работы было проведено исследование по инструментарию первой волны PAIRFAM с полным воспроизведением всех процедурных параметров. Консультантом при реализации работ тоже выступил профессор Технического университета Хемница Б. Наук.

Большой вклад в интенсификацию исследовательской активности сотрудников кафедры внесла федеральная целевая программа «Научные и научно-педагогические кадры новой России», реализовывавшаяся в 2009—2013 гг. Кафедра получила возможность осуществить три масштабных проекта, посвященных проблематике межпоколенного взаимодействия. В рамках проекта «Межпоколенные отношения в современной российской семье», помимо всего прочего, предполагавшего активизацию межвузовского исследовательского сотрудничества, было проведено сравнительное исследование аспектов ценности детей в десяти различных регионах России. Его оригинальность, по сравнению с изначальным исследованием «Value of Children and Intergenerational Relationships», заключалась в более дифференцированном подходе к специфике нашей страны, особенностям ее социально-экономического и этнокультурного развития.

Наиболее масштабным проектом, широко охватившим проблематику межпоколенных отношений, стало исследование «Школа: обыденность насилия. Анализ социокультурных корней в современной российской школе». Исследование предполагало опрос не только непосредственно учащихся, но и руководителей организаций среднего образования, школьных психологов и социальных педагогов, родителей и региональных уполномоченных по правам ребенка. Очевидно, что сфера школьного образования оказывается сосредоточением интересов и конфликтов всех групп вовлеченных акторов, формируя такие диады, как ученик — ученик, ученик — учитель, ученик — родитель, родитель — родитель, учитель — родитель, учитель — учитель, учитель — директор. Каждая из этих диад представляет собой неисчерпаемый источник всевозможных коллизий, разворачивающихся не только в горизонтальном измерении школьного взаимодействия, но и в вертикальном контексте межпоколенной коммуникации, интеракции и перцепции.

Для фиксации межпоколенной проблематики школьного насилия нами была предложена анкета для родителей, содержащая параметры, направленные на изучение особенностей восприятия школьного насилия, оценки актуальности этой проблемы, степени родительской осведомленности в данных вопросах, а также возможностей и практик контроля складывающейся ситуации. Одним из исследованных параметров стала субъективно оцениваемая родителями степень эмоциональной близости с ребенком, во многом определяющая возможность адекватной оценки происходящих событий. Основные результаты оказались весьма неутешительными. Прежде всего родители продемонстрировали крайне низкую осведомленность относительно признаков и проявлений школьного

насилия. Подобно ученикам, родители не склонны идентифицировать школьное насилие как проблему, принимая ее за традиционные формы девиаций, имманентно присущие данному социальному институту. В самом деле, как любая организация, предполагающая конкурентный характер взаимодействий и битву за место под солнцем, школа не может не отражать проблем, присущих обществу в целом, а ее социализирующий характер делает эти проблемы едва ли не обязательным пунктом образовательной программы. Поведенческие модели, формируемые в школьном возрасте, нередко закрепляются на долгие годы и продолжают доминировать и на других этапах жизненного цикла [Саралиева и др., 2013].

Важно отметить, что родители склонны к абсолютизации собственного опыта переживания школьного насилия без критической рефлексии произошедших изменений. Так, ими совершенно игнорируется незнакомый, в силу возраста, феномен кибернасилия, которое не прекращается с окончанием уроков и становится постоянным фоном всех остальных видов активности. Родители не представляют степени проникновения цифровых технологий в жизнь их детей, не могут отслеживать содержание потребляемого контента, не профилактируют вовлечение в деструктивные культы и тоталитарные секты. Практики разрешения школьных конфликтов, приемлемые в «родительских» возрастах, оказываются абсолютно контрпродуктивными в поколении детей в силу совершенно иного уровня обид, проблем и сопутствующих отягощений [Судьин, 2013]. Все это способствует усилению межпоколенного разрыва, проявляющегося не только во внутрисемейной сфере, но и в сфере личностной самореализации.

Несмотря на то что родительский авторитет в вопросах разрешения конфликтов в сфере школьного взаимодействия перестал быть определяющим (а когда-то было иначе?), родители в большинстве случаев остаются главными субъектами помощи в ситуациях, требующих экстренного вмешательства. Это обстоятельство вселяет определенный оптимизм при оценке перспектив интенсификации межпоколенного взаимодействия и поиска оптимальных путей решения проблем подрастающего поколения.

Еще одним важным обстоятельством, обеспечившим внимание к вопросам межпоколенного взаимодействия, стала работа с многочисленными некоммерческими организациями, занимающимися конструированием социальных и социально-психологических технологий работы с различными типами семей. Для НКО эти проекты явились способом формирования ценностных предложений, подходящих для подачи заявок в Фонд президентских грантов (ФПГ), Президентский фонд культурных инициатив (ПФКИ). Для кафедры, в свою очередь, это стало новым способом конструирования социальных проблем, инициированных институтами гражданского общества. К их чести необходимо отметить фундаментальность подхода к разработке социальных технологий, касающихся наиболее уязвимых социальных групп: в основу работы большинства НКО положены результаты инициативных социологических исследований, к проведению которых на протяжении ряда лет привлекается кафедра общей социологии и социальной работы.

Наиболее тесное сотрудничество, положившее начало целому ряду исследовательских направлений, сложилось с Нижегородскими областными

общественными организациями «Семейный центр “Лада”» и «Нижегородский женский кризисный центр», а также Нижегородским региональным отделением ОООИ «Новые возможности» — первой российской организацией, занимающейся проблемами родственников пациентов психиатрических больниц. Межпоколенный контекст в решаемых ими вопросах прослеживается однозначно.

Наиболее крупными исследовательскими проектами, проведенными в сотрудничестве с вышеперечисленными НКО за последние три года, были проекты «Образ семьи в глазах современного студенчества», «Семейное насилие и семейные субинституты», «Проблемы семей, имеющих ребенка с паллиативным статусом», «Переселенцы с новых территорий: от стратегий адаптации к сценариям будущего». Результаты исследований не только стали информационной базой для формирования социальных технологий, развиваемых в рамках проектов, поддержанных ФПГ, ПФКИ или иными фондами, но также были интегрированы в научные работы различного уровня и учебные курсы по социологии семьи, демографии, миграции, социологии здоровья, личности и безопасности.

Наконец, что представляется наиболее важным обстоятельством, очередным импульсом для активизации исследований межпоколенного взаимодействия явилось сотрудничество кафедры общей социологии и социальной работы с областными и муниципальными органами власти. Интерес региональных властей к результатам исследований семьи, с одной стороны, отражает озабоченность актуальным состоянием процессов воспроизводства населения, а с другой — формирует запрос на комплексный анализ демографической ситуации с целью ее прогнозирования и коррекции. В 2020 г. по заказу регионального Министерства социальной политики коллективом кафедры общей социологии и социальной работы было проведено исследование «Построение пофакторной модели рождаемости в Нижегородской области». В рамках этого исследования были опрошены 2500 женщин репродуктивного возраста в Нижнем Новгороде и муниципальных образованиях области, а также параллельно проведен анализ актуальных статистических данных, касающихся вопросов воспроизводства и движения населения за период 2000—2020 гг. Основными темами исследования стали: репродуктивные установки и реализация репродуктивного потенциала в различных возрастных группах; наличие и доступность внутрисемейных ресурсов воспитательной поддержки; факторы формирования матримониального и репродуктивного поведения; оценка вклада тех или иных мер социальной политики в стимулирование рождаемости.

Коллектив кафедры общей социологии и социальной работы является постоянным соавтором Национального демографического доклада, ежегодно издаваемого Институтом демографических исследований ФНИСЦ РАН [Демографическое самочувствие... , 2021, 2022; Судьин и др., 2021]. Основной ценностью данной работы, на наш взгляд, является обогащение чисто статистического подхода к анализу демографической информации результатами актуальных социологических исследований семьи и межпоколенных отношений, трансляция представлений о важности комплексного подхода к демографическому прогнозированию и рассмотрение человека в широком контексте его социального окружения и множества взаимодействий.

Список источников

- Балабанов С. С., Наук Б., Саралиева З. Х. Типология мотивов иметь или не иметь детей // Социологические исследования. 2009. № 3. С. 129—135.
- Демографическое самочувствие регионов России: национальный демографический доклад — 2020 / отв. ред. Т. К. Ростовская, А. А. Шабунова. М.: Перспектива, 2021. 214 с.
- Демографическое самочувствие регионов России: национальный демографический доклад — 2022 / отв. ред. Т. К. Ростовская, А. А. Шабунова. М.: Перспектива, 2022. 220 с.
- Курамшев А. В., Кутявина Е. Е., Судьин С. А. Бабушка в системе внутрисемейных отношений: социологический анализ // Женщина в российском обществе. 2017. № 3. С. 70—79.
- Саралиева З. Х., Балабанов С. С. Дети как жизненная ценность россиян // Россия реформирующаяся: ежегодник / отв. ред. М. К. Горшков. М.: Ин-т социол. РАН, 2009. Вып. 8. С. 390—403.
- Саралиева З. Х., Егорова Н. Ю., Судьин С. А. Насилие в школе: позиции школы и родителей // Актуальные проблемы родительства в России. М.: Ин-т социол. РАН, 2013. С. 119—138.
- Судьин С. А. Родительская перцепция феномена школьного насилия // Социология. 2013. № 4. С. 154—165.
- Судьин С. А., Егорова Н. Ю., Курамшев А. В. Перспективы роста рождаемости: анализ демографической ситуации Нижегородского региона // III Всероссийский демографический форум с международным участием: материалы форума, Москва, 3—4 декабря 2021 г. / отв. ред. Т. К. Ростовская. М.: ФНИСЦ РАН, 2021. С. 105—109.
- Ценность детей и межпоколенные отношения: сборник научных статей Международного научного семинара, Хемниц (Германия), 1—14 октября 2007 г. / под ред. З. Х. Саралиевой. Н. Новгород: Науч.-исслед. социол. центр, 2008. 179 с.
- Kagiticibasi C. The Changing Value of Children in Turkey. Honolulu: East-West Center. 1982. 100 p. (Papers of the East-West Population Institute; № 60-E).
- Kindheit und Jugend in verschiedenen Kulturen: Entwicklung und Sozialisation in kulturvergleichender Sicht / Hrsg. G. Trommsdorff. Weinheim: Juventa, 1995. 332 S.
- Nauck B. Der Wert von Kindern für ihre Eltern. «Value of Children» als spezielle Handlungstheorie des generativen Verhaltens und von Generationenbeziehungen im interkulturellen Vergleich // Koelner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie. 2001. Bd. 53. S. 407—435.
- Tamm A., Kasearu K., Tulviste T., Trommsdorff G., Saraliev Z. Kh.-M. Helping parents with chores or going out with friends: cultural differences in adolescents' responses to potentially conflicting expectations of parents and peers // Journal of Adolescent Research. 2017. Vol. 32, № 4. P. 456—478.

References

- Balabanov, S. S., Nauk, B., Saraliev, Z. Kh. (2009) Tipologija motivov imet' ili ne imet' detej [Typology of motives to have or not to have children], *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 3, pp. 129—135.
- Kagiticibasi, C. (1982) *The Changing Value of Children in Turkey*, Honolulu: East-West Center, ser.: Papers of the East-West Population Institute, no. 60-E.
- Kuramshev, A. V., Kutyavina, E. E., Sudin, S. A. (2017) Babushka v sisteme vnutrisemeinykh otnoshenii: sotsiologicheskii analiz [Grandmother in the system of intergenerational

- relations in the family: sociological analysis], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3, pp. 70—79.
- Nauck, B. (2001) Der Wert von Kindern für ihre Eltern. “Value of Children” als spezielle Handlungstheorie des generativen Verhaltens und von Generationenbeziehungen im interkulturellen Vergleich, *Koelner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie*, Bd. 53, S. 407—435.
- Rostovskaya, T. K., Shabunova, A. A. (eds) (2021) *Demograficheskoe samochuvstvie regionov Rossii: Natsional’nyĭ demograficheskii doklad — 2020* [Demographic well-being of Russian regions: National demographic report — 2020], Moscow: Perspektiva.
- Rostovskaya, T. K., Shabunova, A. A. (eds) (2022) *Demograficheskoe samochuvstvie regionov Rossii: Natsional’nyĭ demograficheskii doklad — 2022* [Demographic health of Russian regions: National demographic report — 2022], Moscow: Perspektiva.
- Saraliev, Z. Kh. (ed.) (2008) *Tsennost’ detei i mezhpokolennye otnosheniia*: Sbornik nauchnykh stateĭ Mezhdunarodnogo nauchnogo seminar, Hemnits (Germanii), 1—14 oktiabria 2007 g. [The value of children and intergenerational relations: Collection of scientific articles of the International Scientific Seminar, Chemnitz (Germany), 1—14 October 2007], Nizhny Novgorod: Nauchno-issledovatel’skii sotsiologicheskii tsentr.
- Saraliev, Z. Kh., Balabanov, S. S. (2009) Deti kak zhiznennaia tsennost’ rossiian [Children as a vital value of Russians], in: Gorshkov, M. K. (ed.), *Rossia reformiruiushchiasia*: Ezhegodnik, iss. 8, Moscow: Institut sotsiologii Rossiiskoi akademii nauk, pp. 390—403.
- Saraliev, Z. Kh., Egorova, N. Yu., Sudin, S. A. (2013) Nasilie v shkole: pozitsii shkoly i roditelei [Violence at school: positions of school and parents], in: *Aktual’nye problemy roditel’stva v Rossii*, Moscow: Institut sotsiologii Rossiiskoi akademii nauk, pp. 119—138.
- Sudin, S. A. (2013) Roditel’skaia pertsepsiia fenomena shkol’nogo nasiliia [Parental perception of the phenomenon of school violence], *Sotsiologiya*, no. 4, pp. 154—165.
- Sudin, S. A., Egorova, N. Yu., Kuramshev, A. V. (2021) Perspektivy rosta rozhdamosti: analiz demograficheskoi situatsii Nizhegorodskogo regiona [Prospects for fertility growth: analysis of the demographic situation of the Nizhny Novgorod region], in: *III Vserossiiskii demograficheskii forum s mezhdunarodnym uchastiem*: Materialy foruma, Moskva, 3—4 dekabria 2021 g., Moscow: Federal’nyi nauchno-issledovatel’skii sotsiologicheskii tsentr Rossiiskoi akademii nauk, pp. 105—109.
- Tamm, A., Kasearu, K., Tulviste, T., Trommsdorff, G., Saraliev, Z. Kh.-M. (2017) Helping parents with chores or going out with friends: cultural differences in adolescents’ responses to potentially conflicting expectations of parents and peers, *Journal of Adolescent Research*, vol. 32, no. 4, pp. 456—478.
- Trommsdorff, G. (Hrsg.) (1995) *Kindheit und Jugend in verschiedenen Kulturen: Entwicklung und Sozialisation in kulturvergleichender Sicht*, Weinheim: Juventa.

Статья поступила в редакцию 05.10.2023; одобрена после рецензирования 10.10.2023; принята к публикации 16.10.2023.

The article was submitted 05.10.2023; approved after reviewing 10.10.2023; accepted for publication 16.10.2023.

Информация об авторах / Information about the authors

Саралиева Зарэтхан Хаджи-Мурзаевна — доктор исторических наук, профессор кафедры общей социологии и социальной работы, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия, zara@fsn.unn.ru (Dr. Sc. (History), Professor at the Department of General Sociology and Social Work, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation).

Судьин Сергей Александрович — доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей социологии и социальной работы, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия, sudjin@mail.ru (Dr. Sc. (Sociology), Professor, Head of the Department of General Sociology and Social Work, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation).

Женщина в российском обществе. 2023. № 4. С. 96—112.

Woman in Russian Society. 2023. No. 4. P. 96—112.

Научная статья

УДК 316.356.2-056.24

DOI: 10.21064/WinRS.2023.4.8

ОТСУТСТВУЮЩЕЕ ОТЦОВСТВО В МОЛОДЫХ РОССИЙСКИХ СЕМЬЯХ, ВОСПИТЫВАЮЩИХ ДЕТЕЙ С ИНВАЛИДНОСТЬЮ

Ольга Николаевна Безрукова, Валентина Алексеевна Самойлова

Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург, Россия, o.bezrukova@spbu.ru

Аннотация. Анализируется специфика отсутствующего отцовства в восприятии молодых матерей, в семьях которых воспитываются дети с инвалидностью. Отсутствующий отец — это отец, которого нет в жизни ребенка де-факто — физически и психологически (не живет в семье, не заботится о ребенке и не общается с ним, неизвестен матери и ребенку) и де-юре — юридически, по формальным признакам (не устанавливает отцовство, не выплачивает алименты, не воспитывает детей после развода / разрыва партнерских отношений). Выделены две группы отсутствующих в ситуации инвалидности ребенка отцов — «сбежавшие» и «отстраненные». В основе отчуждения отцов от заботы о детях с инвалидностью лежит дефицит чувства отцовского долга, ответственности, обязательств. Отцовская идентичность у этих отцов не сформирована, у части отцов — негативная или инфантильная. Их ключевые индивидуально-личностные характеристики — личностная незрелость, эгоцентризм, эмоциональная черствость, дефицит ответственности, жизнестойкости, навыков самостоятельного решения жизненных проблем. Характер гендерных установок у отсутствующих отцов традиционный, вместе с тем отмечается нежелание выполнять традиционные роли — добытчика, кормильца, защитника. Для них характерно «обедненное» отцовство, объектное отношение к ребенку. Сделан вывод о том, что в семейных отношениях отсутствующие отцы транслируют опыт проблемного воспитания в родительской семье. Показано, что молодые отцы и семьи, в которых воспитываются дети с инвалидностью, нуждаются в профессиональной поддержке, ориентированной на изменение отношения к ребенку, отцовской роли, на формирование отцовской идентичности, усиление родительской мотивации отцов, активизацию родительского потенциала.

Ключевые слова: отцовство, маскулинность, вовлеченное отцовство, отсутствующий отец, отцы детей с инвалидностью, дети-инвалиды, устойчивость семьи, социальная поддержка

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00770 «Потенциал вовлеченного отцовства в молодых российских семьях: механизмы формирования, практики реализации, факторы активизации», <https://rscf.ru/project/23-18-00770/>.

Для цитирования: Безрукова О. Н., Самойлова В. А. Отсутствующее отцовство в молодых российских семьях, воспитывающих детей с инвалидностью // Женщина в российском обществе. 2023. № 4. С. 96—112.

Original article

FATHER ABSENCE IN YOUNG RUSSIAN FAMILIES RAISING CHILDREN WITH DISABILITIES

Olga N. Bezrukova, Valentina A. Samoylova

St. Petersburg State University, St. Petersburg,
Russian Federation, o.bezrukova@spbu.ru

Abstract. The article analyzes the specifics of father absence in young mothers' perception whose families raise children with disabilities. The absent person is a father missing in the life of a child *de facto*, i. e. physically and psychologically (a father who does not live in the family, does not care for and does not communicate with the child, is unknown to the mother and the child) and *de jure*, i.e. legally and on formal grounds (a father who does not establish paternity links, does not pay alimony, does not raise children after a divorce / breakup of partnership). The group of absent fathers with disabled children splits into “runaway” and “disengaged” ones. The background of alienation on the part of fathers from childcare in case of disabled children is the unwillingness to take care, the lack of a sense of paternal duty, lack of responsibility and rejection of obligations. The paternal identity of these fathers has not developed, with some of them behaving negative or being infantile. It is typical for them to lack responsibility, resilience, and skills for solving life issues independently. The key individual characteristics of absent fathers are personal immaturity, egocentrism, infantilism, and emotional callousness. The fathers' attitudes limit their participation and concern for the child's issues. It reflects in the practices of avoidance, escape, ignoring, and rejection. The nature of gender attitudes of absent fathers is traditional. At the same time, the authors noted the reluctance to fulfill the traditional roles of the breadwinner, wage earner, and protector. They are likely to express “impoverished” paternity, an objective attitude towards the child. The authors concluded that in their marital relations the absent fathers transfer their own experience of problematic upbringing from the parental family. The article shows that young fathers and families with disabled children require professional support that should focus on changing attitudes towards the child, the father's role, the development of paternal identity, strengthening parental motivation of fathers, and activating parental potential.

Key words: fatherhood, masculinity, involved fatherhood, absent father, fathers of children with disabilities, children with disabilities, family resilience, social support

Acknowledgements: this work was supported by the Russian Science Foundation under grant № 23-18-00770 “The potential of involved fatherhood in young Russian families: formation mechanisms, implementation practices, and factors of promotion”, <https://rscf.ru/project/23-18-00770/>.

For citation: Bezrukova, O. N., Samoylova, V. A. (2023) Otsutstvuiushchee otsovstvo v molodykh rossiiskikh sem'iakh, vospityvaiushchikh detei s invalidnost'iu [Father absence in young Russian families raising children with disabilities], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 4, pp. 96—112.

Введение

В Российской Федерации в 2022 году проживало 728 988 детей с инвалидностью, при этом в последние 3 года их численность возросла на 12 %. Несмотря на то что условия жизни семей, имеющих детей с инвалидностью, улучшаются — развивается доступная среда, расширяются возможности получения образования, увеличены размеры пособий, распространяются инклюзивные практики, остается множество нерешенных проблем*. Помимо очевидных трудностей, существует острая проблема, которая пока не стала предметом исследований, — это дефицитное отцовство в семьях особых детей, проявляющееся в нежелании части отцов выполнять родительские обязанности, эмоциональной безучастности, отчуждении от заботы о детях. Как показали результаты опроса родителей, имеющих несовершеннолетних детей, воспитание ребенка-инвалида, по сравнению, например, с приемным ребенком, воспринимается как значительно более трудное. Считают, что растить ребенка с инвалидностью им не под силу, более трети опрошенных (35,6 %), четвертая часть затруднились с ответом, а полагают, что справятся, также более трети (38,4 %). Доля отцов, согласных с утверждением «растить ребенка-инвалида — это непосильный труд для меня», приближается к половине (40,8 %) против трети в группе матерей (28,5 %) [Безрукова, Самойлова, 2022а: 99—101].

По данным зарубежных исследователей, острая эмоциональная реакция на ситуацию ограничивает способность отца признать или понять болезнь ребенка и заботиться о нем, приводит к иррациональным решениям «исправить это», к выбору стратегий ухода от проблемы, отчуждению и неучастию (см., напр.: [Falk et al., 2014; Rankin et al., 2019]). Негативные стереотипы общества об отцовской безответственности, нежелании нести трудную ношу в ситуации инвалидности ребенка также не способствуют поддержанию жизненных сил, веры в себя, укреплению родительского потенциала отцов. Все вместе это приводит к тому, что отцы не справляются с трудностями и бременем забот о больном ребенке и уходят из семей. По данным Е. В. Гребенниковой с соавторами, доля монородительских семей, воспитывающих детей-инвалидов, достигает 45 %, причем большая часть таких семей — 38 % — распались после рождения больного ребенка [Гребенникова и др., 2015].

Таким образом, тема отсутствующего отцовства в семьях, имеющих детей с инвалидностью, является чрезвычайно актуальной, не изученными остаются вопросы родительской мотивации отцов, покинувших семьи сразу после рождения ребенка или в первые годы жизни, причины их отчуждения, специфика семейного и жизненного опыта, личностных характеристик, супружеских и межпоколенных взаимодействий, повлиявших на уход из семьи.

* Доклад о деятельности Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по правам ребенка в 2022 году. URL: <http://www.deti.gov.ru/detigray/upload/documents/July2023/7JkHUTqLIsZL45JDp4X1.pdf> (дата обращения: 07.08.2023).

Методология исследования

Вслед за работой Д. Бланкенхорна «Безотцовская Америка», где обращается внимание на кризисные социальные проблемы общества, детерминантой которых считается отсутствие отцов в семье [Blankenhorn, 1996], тема отсутствующего отцовства стала предметом многих исследований и научных дискуссий (см., напр.: [Гурко, 2003; Рореное, 2009; Кон, 2009; Клещина, 2009; Lamb, 2017]). Основными причинами дефицита отцовства, ослабления и неэффективности отцовских практик в семьях исследователями признаются разводы и внебрачная рождаемость, пребывание в местах лишения свободы, высокая смертность мужчин в связи с рискованным образом жизни, алкоголизмом, травмами, инвалидностью, суицидами, военными действиями и др. [Blankenhorn, 1996; Secret, 2012; Хитрук, 2017; Хабриев и др., 2019; Oliveira, Vaines, 2020; Новоселова, 2020; Безрукова, Самойлова, 2022b]. Немалую долю в формирование латентной (скрытой) безотцовщины вносят трудовая и образовательная миграция, отъезд мужчин на заработки в регионы с высоким уровнем финансовых возможностей, эмиграция в страны ближнего и дальнего зарубежья [Kalmijn, 2015; Гурко, 2022; Саралиева и др., 2023]. Отцы отвергаются матерями после развода вследствие родительского конфликта, негативного восприятия отцовской компетентности, невыплаты алиментов, практик гейткипинга, ограничения и (или) лишения отца родительских прав [Trinder, 2008; Fagan, Palkovitz, 2011; Безрукова, Самойлова, 2020, Ростовская и др., 2023]. Отцы покидают семьи и вследствие тяжелых нарушений здоровья детей. Помимо инвалидности ребенка, критически важное значение в таких семьях имеют качество супружеского и семейного взаимодействия, функциональность семьи, ее способность адаптироваться к трудностям, при этом неспособность совладать с родительским стрессом и депрессией во многих случаях приводит к снижению экономической устойчивости семьи с особыми детьми, ставит под угрозу качество жизни и целостность семейной системы [Neely-Barnes, Dia, 2008; Salom et al., 2023].

Мы опирались на концептуальные подходы к пониманию «кризиса отцовства», раскрывающегося, по мнению И. С. Кона, во взаимосвязанных процессах кризиса семьи (нестабильность брака, разводы, появление нетрадиционных форм брачных отношений, проблематичность распределения супружеских обязанностей и др.), кризиса маскулинности (ослабление мужской власти и традиционных представлений о мужественности, появление новых отцовских практик и связанных с ними психологических проблем), кризиса власти (ослабление мужского доминирования и лидерства, мужской ответственности, дисциплинарных и контролирующих мужских функций в семье) [Кон, 2009: 305—306].

В объяснении того, как отцы строят свою идентичность в ситуации рождения ребенка с тяжелыми нарушениями здоровья, мы основываемся на том, что маскулинность представляет собой «культурно предписанный сценарий, от реализации которого зависит относительная социальная успешность индивида, его самооценка и восприятие его окружающими» [Тартаковская, 2002: 113]. Мужчинам часто приходится прилагать значительные усилия, чтобы избежать «срыва сценария» успешной мужественности, противостоять угрозе провала, сползания к проявлениям «несостоявшейся маскулинности» (failed masculinity) как

синониму жизненного краха [Pleck, 1976; Тартаковская, 2002], усилению, как писал И. С. Кон, «депрессивных настроений, социальной апатии, склонности к суициду, выработке стратегии “выученной беспомощности” (отказ от активной борьбы с трудностями и использование своей беспомощности в качестве средства эксплуатации других)» [Кон, 2008: 8]. Именно в этом заключается «кризис маскулинности», который рассматривается как «проблематизация мужского опыта» [Здравомыслова, Темкина, 2018: 52], предполагающий «диагностику проблем мужского бытия в контексте издержек мужской гегемонии, непредвиденных и явных последствий жестко определяемой доминирующей роли и отвержения всех и всего, что с ней не согласуется» [там же: 63]. Во многом стремление соответствовать нормам традиционной маскулинности, избежать неудачи, страх не справиться с «трудным отцовством» в кризисной ситуации рождения ребенка с инвалидностью и объясняет проявления специфического феномена «выхода» из ситуации — отстранения (акоголизм, эмоциональное отчуждение, отказ от решения проблем и др.) и бегства из семьи.

Реализуемые в исследовании подходы основываются на концепте «*отсутствующее отцовство*», которое чаще всего определяют как «физическое отсутствие отца в семье, незначительность и бедность отцовских контактов по сравнению с материнскими, педагогическая некомпетентность отцов, их незаинтересованность и неспособность осуществлять воспитательные функции» [Кон, 2009: 302]. Отсутствующий отец — это «отец, который практически не включен в повседневную жизнь своего ребенка (детей) либо утратил контакт с детьми вследствие развода; другими словами, отсутствующий отец — это мужчина, не имеющий психологического или физического контакта со своими детьми» [Клецина, 2009: 38], он «отстранен от своих детей, не имеет эмоционального контакта с ними (рациональность), он оценивает внешнюю самореализацию значительно выше внутрисемейной (трансцендентность)» [Хитрук, 2016: 103].

Полагаем, что при определении понятия «*отсутствующее отцовство*» необходимо рассматривать всю многообразную палитру отцовских образов, моделей и практик, проявляющихся в дефицитарных и негативных образцах: от «*формально отсутствующего*» — отвергающего, бегущего от отцовства до «*вынужденно отсутствующего*» — дистантного и «*психологически и эмоционально отсутствующего*» — отстраненного, неучаствующего, равнодушного. Вместе с тем важно обозначить дифференцирующие признаки, характеризующие смысловые значения и критерии выделения разных групп отцов.

Отсутствующий отец — это отец, которого нет в жизни ребенка де-факто — физически и психологически (не живет в семье, не заботится о детях и не общается с ними, неизвестен матери и ребенку) и де-юре — юридически, по формальным признакам (не устанавливает отцовство, не выплачивает алименты, не воспитывает детей после развода / разрыва партнерских отношений). В разработанной нами ранее типологии отцов это, по сути, «*активно отвергающие*» отцы (объективные критерии выделения: отказ от регистрации брака и установления отцовства, невыплата алиментов, отсутствие финансовой и эмоциональной поддержки детей, раздельное проживание, практики избегания, игнорирования, отвержения, уход отца из семьи; субъективные критерии: негативное отношение к матери и ребенку, отрицательная мотивация отцовства,

внесемейные ценности, отчужденные отношения с матерью, безответственность / передача ответственности за рождение и воспитание детей матери) [Безрукова, 2013: 126].

Вместе с тем отсутствующими отцами бывают и те, кто вынужденно, часто не по своей воле (по причинам удаленной профессиональной занятости, участия в военных действиях и др.) оказываются недоступны для своих детей. Назовем их «*вынужденно отсутствующие*» отцы. Кроме того, довольно распространенная категория отцов — это «*психологически, эмоционально отсутствующие*» отцы, совпадающая с выделенными нами ранее «*пассивно отвергающими*» и «*пассивно принимающими*» отцами [там же: 123—124].

При рассмотрении феномена отсутствующего отцовства, возникающего в ситуации болезни ребенка, мы основываемся на положениях концепции устойчивости семьи Ф. Уолш — ключевых процессах, включающих системы убеждений, организационные процессы, процессы общения / решения проблем [Walsh, 2016]. Анализ результатов исследования взаимодействий в семьях, имеющих детей с инвалидностью, показал, что роль семейных отношений, удовлетворенность браком, качество коммуникаций с матерью тесно взаимосвязаны с вовлеченностью отца в заботу о ребенке [Безрукова, Самойлова, 2022b: 133—136]. Вместе с тем влияние качества межпоколенческих и супружеских отношений, а также персональных (индивидуально-личностных) характеристик отца, его психологического здоровья на реализацию практик избегания, игнорирования, отвержения, включая уход из семьи, в российском научном дискурсе пока практически не рассматривалось.

Цель статьи состоит в изучении феномена отсутствующего отцовства в восприятии матерей, в семьях которых воспитываются дети с инвалидностью. Основные исследовательские задачи включают изучение социального портрета и специфики индивидуально-личностных характеристик отсутствующих отцов, особенностей их родительской мотивации, характера гендерных установок, распределения семейных обязанностей, качества межпоколенческих и супружеских отношений и их влияния на реализацию практик отцовства.

Эмпирическая основа исследования — материалы двух фокус-групп с 18 матерями, в семьях которых воспитываются дети со стойкими нарушениями здоровья. Критерии отбора матерей: наличие детей до 18 лет с проблемным здоровьем (инвалидность или ОВЗ), нежелание отца воспитывать ребенка-инвалида или уход из семьи, возраст до 35 лет. Респондентки подбирались через центры социальной реабилитации инвалидов и детей-инвалидов. Возраст матерей 24—35 лет, высшее образование имеют 9 человек, среднее специальное — 9 человек. Разведены 10 человек, в зарегистрированном браке состоят 7, вдова 1. Одного ребенка имеют 5 семей, двое детей у 9 семей, трое детей в 3 семьях, пять детей в 1 семье. По характеру нарушений здоровья детей выборка неоднородная, имеет место разнообразие нозологий. Это сахарный диабет первого типа, расстройства аутистического спектра с синдромом Аспергера, задержка психического развития, болезни органов дыхания, эндокринной системы, расстройства питания и нарушения обмена веществ, психические расстройства непсихотического характера, спинномозговая грыжа, гидроцефалия, эпилепсия, осложненный астигматизм, синдром Дауна и др.

**Специфика отсутствующего отцовства в ситуации
инвалидности ребенка: «сбежавшие» и «отстраненные» отцы**

Отсутствующие отцы в данной жизненной ситуации — это чаще всего «сбежавшие» отцы, те, кто покинул свои семьи сразу после рождения ребенка или в первые годы его жизни после постановки диагноза. Возникшие трудности (психологические, материальные и др.) усугублялись реакцией специалистов медицинских учреждений и социальных служб, стигматизирующих семью с ребенком-инвалидом как «несправляющуюся» и «низкоресурсную».

«Вы средняя семья, вы не в состоянии поднять этого ребенка на ноги, мужчины таких детей не принимают вообще, поэтому ваша семья распадется». То есть это было как прогноз. Да, через два года он уехал от нас (35 лет).

Рождение ребенка с нарушениями в здоровье заставляет отца изменить привычный образ и ритм жизни, в том числе трудовую занятость, проведение досуга, качество жизни. Требуется больше финансовых средств, а в связи с необходимостью ухаживать за ребенком часть матерей бывают вынуждены оставить работу, что приводит к необходимости для отца перестроиться — найти дополнительный заработок. Приходится отказываться от встреч с друзьями, заботы о себе, от свободного времени, сексуальных отношений. Многие из этих изменений оказываются для отцов стрессующими, запредельными по нагрузкам, эмоционально перегруженными, невыносимыми.

Все время повторял мне: «Не хочу так жить, зачем мне все это, для чего такая несчастная жизнь? Почему именно мне все это...» (31 год).

«Сбежавшие» в определенный момент испытывают усталость, невозможность справиться с бедностью, нелегкой работой, напряженной семейной ситуацией, что приводит к желанию «сойти с дистанции», «пожалеть себя и забыться».

Он просто устал от всей этой бесконечной жизни, недоедание, работа тяжелая, и он запил. Запил так капитально, что просто жуть (35 лет).

С мужем мы развелись после того, как ребенок у меня заболел, через год. Не выдержал он всего этого... (32 года).

Если матери испытывают состояние удрученности и горе, примирившись с рождением ребенка с нарушениями здоровья, отцы чаще проявляют агрессию, испытывают гнев, злость, ожесточение, обвиняют матерей в неспособности родить здорового ребенка или в увлечении самореализацией — работой, учебой в ущерб семье и ребенку. Ответственность за рождение больного малыша переносится на мать, при этом отцы стремятся полностью выйти из зоны солидарной ответственности родителей, отрицают свой возможный генетический вклад, тем самым отказываясь поддерживать мать и ребенка.

Его слова: «Сама виновата, сама и расхлебывай!» (25 лет).

Он говорил: «Виновата во всем ты, что ребенок такой родился. Думать нужно было, чем заниматься: здоровьем или учебой своей...» (31 год).

Родительская мотивация «сбежавших» отцов в целом не сформирована, отцовская идентичность негативная.

Хотела ребенка я, а не он, обвинял меня: «Не хотел, не хочу и не буду хотеть ребенка такого, говорил тебе раньше и сейчас, и вот результат» (28 лет).

Таким образом, «сбежавшие» отцы чувствовали свое нежелание заботиться о ребенке с проблемами здоровья, поддерживать супругу и свою семью, проявляли эмоциональную черствость и эгоизм, инфантильную позицию, стремление избавиться от матери с ребенком, отказывались от отцовской и супружеской ролей.

«Мне такой ребенок не нужен! Мы так не договаривались» (29 лет).

Их отличает отрицательная мотивация отцовства, неприемлемость дополнительной финансовой нагрузки, непереносимость психологических трудностей, бессонных ночей, временных затрат, нетерпимость к вниманию жены к ребенку.

Слышу его слова: «Хватит с меня, разбирайтесь сами!» (32 года).

Ценности ответственного родительства/отцовства у таких отцов не сформированы; «сбежавшие» отцы напоминают «отца-подростка» — капризного, эгоистичного, избалованного, который так и не повзрослел.

Он еще был, наверное, психологически все-таки незрелый (30 лет).

Такой отец после рождения особого ребенка продолжает жить прежней жизнью «по привычке», встречается с друзьями, пропадает на несколько дней, «забывает» приносить зарплату.

Только недавно стал понимать, что у него вообще есть ребенок. Никакой помощи не было, и голодали, и чего только не было. Он не мог понять, что он вообще отец, может, и не хотел, и не понимал (32 года).

Как итог, такие отцы разрывают отношения с матерью ребенка-инвалида, требуют официального развода, не устанавливают отцовство после разрыва отношений в партнерских союзах, не поддерживают финансовую и эмоциональную заботу о детях, не занимаются воспитанием детей и общением с ними, избегают платить алименты.

Просто прекратил все контакты, исчез, как будто его и не было, алиментов тоже нет (27 лет).

Другой тип отсутствующих отцов детей с инвалидностью — в крайней степени невовлеченные отцы, или «**отстраненные**». Для них типично неучастие в воспитании ребенка в силу разных причин при их физическом присутствии. Они склонны перекладывать ответственность на матерей, бабушек, специалистов из-за неприятия болезни ребенка и самого ребенка. Более психологически комфортный вариант — сведение к минимуму семейного общения под предлогом высокой трудовой занятости, поскольку мужчина часто остается единственным кормильцем в семье. То есть отцы в семье присутствуют, но личностно не включены в насущные проблемы, обусловленные нездоровьем детей. В этих семьях происходит инверсия родительских ролей, мать занимает доминирующую позицию, полностью принимая на себя ответственность за уход, воспитание, обучение ребенка, а потенциал отцовства остается неиспользованным.

Для таких отцов характерна неспособность к солидарным действиям с супругой ради ребенка, проявляется эгоцентризм, неготовность жертвовать своими интересами, мужчина думает прежде всего о себе и своем здоровье.

Он не считал, что нарушения какие-то у сына могут быть серьезнее, чем у него после травмы. И поэтому любые попытки, что нужно ребенку развивающее что-то, как-то стимулировать его для дальнейшей жизни, не то чтобы пресекались, но он объяснял, что ребенок хотя бы пару слов говорит, а он вообще не может (24 года).

Для «отстраненных» отцов типичен специфический симптомокомплекс качеств, противоположных жизнестойкости, способности к мобилизации личностных ресурсов для преодоления неблагоприятных обстоятельств жизни. Образ «отстраненных» отцов в представлениях матерей выглядит достаточно негативно: для них характерны равнодушие и безучастность к детям и матери, неприспособленность и несамостоятельность, неспособность справляться с трудностями. Их отличает страх за себя и свое будущее, растерянность, слабость воли, апатия.

У этих отцов не сформирована ответственность как личностная черта, они не стремятся учиться, приобретать навыки решения проблем.

Ему нужно научиться не бояться ответственности, думает только о себе и старается не брать на себя ответственность ни за что. Ни за ребенка, родителей, ни на работе. Не хочет ни подо что подстраиваться (32 года).

В критических ситуациях, когда необходимо действовать, принимать решение, они предпочитали отстраняться и «ничего не делать».

Он лежал на диване совершенно спокойно, как бы не волнуясь при этом, так было всегда, пусть само рассосется (35 лет).

Ответственность за материальное благополучие семьи перекладывается на мать, родителей, социальные службы.

Он просто не работал, нам, в принципе, хватало средств к существованию, общественные организации помогали, а сейчас... он тоже не собирается работать. То есть: «Тебе надо — ты иди, работай!» (33 года).

Но если они приносят в семью даже небольшой, а иногда просто «символический» заработок, это становится основанием для проявления своей власти, контроля и доминирования над женой и детьми.

Ему казалось, что он нас обеспечивает, и соответственно «раз я тебя обеспечиваю» (на самом деле нет), «то я могу диктовать тебе свои условия, как ты будешь жить» (34 года).

Если такой отец покидает семью, то не стремится внести свой вклад в финансовую заботу о ребенке, не выполняет обязательства по его содержанию, выплачивает минимальную строго фиксированную сумму алиментов или «забывает» о ней.

Бывший муж платит алименты на ребенка, но это составляет 5000 в месяц, все. Больше, как говорит, не может. То есть лезть и докапываться у него в плане денег я не буду, потому что мое здоровье мне дороже (35 лет).

Он отказывается воспринимать проблемы, которые требуют решения, не замечает обращений матери к нему за помощью.

Он не хочет слушать, когда рассказываю о трудностях, он не хочет слышать, что есть какие-то проблемы. Он не хочет, чтобы что-то плохо было с его ребенком единственным. Ну, это слабость такая его. Слушать ему тяжело, он не может. У него начинает болеть сердце сразу. Он встречается с ребенком и звонит ему раз в месяц, алименты перечисляет регулярно. Но я попросила съездить в пансионат с ребенком, потому что у меня на работе сложности, он сказал: «Что я там буду делать?» То есть не то что здесь ребенку будет хорошо и что ты должен ребенку (29 лет).

Равнодушие и безучастность к детям основывается на отрицательной или неопределенной мотивации отцовства, эмоциональной холодности.

Сам он не горел диким желанием иметь этого ребенка. Он говорил: «У меня уже есть ребенок, зачем мне еще» (31 год).

«Отстраненные» отцы обычно равнодушны к детям, ребенок с нарушениями здоровья представляется им непривлекательным и уродливым, вызывает у них неприязнь и негативные чувства.

Он сказал: «Я боюсь к нему прикасаться, мне неприятно, стыдно, противно» (30 лет).

Такие отцы, как правило, не осознают важности формирования ранней привязанности к детям, влияния отцовского вклада на когнитивное и эмоциональное развитие ребенка. Они не хотят и не умеют заниматься и играть с детьми, не желают учиться, не испытывают теплых чувств.

Развелись в итоге. А ребенка он, в принципе, любит, но вот ни нормально позаниматься с ним, ни поиграть. Почему так? Наверное, просто не может, просто не умеет (32 года).

Эти отцы часто не способны создавать радостные моменты жизни, которые так необходимы детям. В этом проявляется невнимание к желаниям ребенка, они не чувствуют потребности помогать, заботиться, доставлять детям радость.

Папа... говорит: «Ну, не фигу себе! Зачем я это ему буду покупать? Он что будет встречать — меня или конфету?» (33 года).

Одна из особенностей «отстраненных» отцов — игнорирование симптомов болезни, нечувствительность к потребностям ребенка, отстранение от проблемы, нежелание тратить свои силы на поиски ресурсов, в том числе материальных, для лечения и реабилитации детей.

Его позиция как была, так остается и сейчас, что это я сама все выдумала, он [ребенок] бы все равно когда-нибудь сам заговорил, что это мне было

надо, вот это лечение: «Господи, да что ты на это деньги тратишь и дурью маешься?» Такое примерно у него и сейчас отношение (34 года).

Для них характерно стремление получать внешнюю поддержку от родителей, государства, использовать пособия на ребенка на свои нужды.

Особенно ему нравится, что сейчас государство оказывает очень большую поддержку, и он стал лучше одеваться, больше питаться сам (26 лет).

Родительская семья и супружеские отношения в семьях «сбежавших» и «отстраненных» отцов

Родительская семья может влиять на формирование как сильного характера человека, так и его беспомощности и уязвимости. Для семей отцов, покинувших своих детей, характерны авторитарная культура воспитания, диктат и контроль, конфликтность супружеских и межпоколенческих отношений. Такая семья чаще представлена одинокой матерью, обожающей единственного сына, диктующей ему свои представления о правилах жизни.

Свекровь стремилась сделать его счастливым, считала, он не будет счастлив со мной и с больным ребенком. Он нас бросил с 7-месячным больным ребенком, сказал: «Я боюсь его на руки брать и вообще я вижу, что ты его любишь больше, чем меня... мне нужна любовь 100 %-я, и чтобы никто этому не мешал» (30 лет).

Другой вариант — доминирующие родители, которые имеют власть над сыном.

Они все сделали для того, чтобы помочь нам развестись. У него своей головы на тот момент не было, ему было 25 лет. <...> Маму и папу слушал, и проблемы начались, еще когда я беременная была; он уже уезжал на юг с девушками и тому подобное (32 года).

Еще один вариант — конфликтующие между собой родители. Родители, как правило, создают дополнительные источники угроз и разлада в молодой семье.

Когда был вопрос о том, где ребенка прописывать, когда только родился, все переругались. Они моему мужу на тот момент заявили: «Если ты пропишешь ребенка к нам, то мы тебя из квартиры вышлем» (33 года).

В семьях чаще всего нарушенные коммуникации, нет постоянных взаимодействий.

У них семья такая: родители сами по себе, сын сам по себе, дочь сама по себе. Нет близких отношений и никогда не было (30 лет).

Таким образом, родительские семьи «сбежавших» и «отстраненных» отцов представляют собой нестабильные и враждующие группы, в которых существует дефицит теплых и близких отношений, конструктивных взаимодействий, что создает предпосылки для трансляции разрушительных процессов и проблемных паттернов в функционирование семей своих взрослых детей.

Процессы устойчивости семьи, включающие три основные группы — системы убеждений, организационные вопросы и способы коммуникаций, выглядят в семьях отцов, покинувших своих детей-инвалидов или отстранившихся от них, хаотичными, напряженными, проблематичными.

Так, процессы общения характеризуются конфликтностью, семья не объединяется для общей цели — заботы о ребенке-инвалиде.

Муж не умеет поддерживать отношения с людьми, он умудрился за годы нашей совместной жизни переругаться с мамой вдребезги, и поэтому мы не поддерживаем отношения, не потому что они плохо относятся ко мне или к ребенку, а потому что муж этого не хочет (30 лет).

В отдельных случаях деструктивные отношения сопровождаются жестокостью и насилием по отношению к женщине и детям.

Живем с бывшим мужем в одной квартире, и у нас практически ежемесячно до рукоприкладства доходит, ребенок-инвалид ему во всем виноват (34 года).

Решение организационных вопросов и проблем в такой семье запаздывает, а порою отсутствует вовсе. Отсутствует и общая система ценностей, взаимная поддержка, сотрудничество, совместная работа, приверженность общим целям.

...Наша проблема была не только в ребенке, у нас была проблема семьи, мы ничего не могли сделать вместе (35 лет).

В семьях преобладает доминирование материнской ответственности за функционирование семейной системы, мужская роль осуществляется по принципу «что хочу, то и делаю».

«Вот это я буду делать, это я не буду делать; если не нравится, я тогда вообще уйду» (31 год).

Заключение

В основе специфики проявлений моделей отсутствующего отцовства в ситуации рождения ребенка с нарушениями в здоровье — «сбежавших» и «отстраненных» — лежит нежелание отцов заботиться о ребенке (мотивация «не хочу»), им также свойственны дефицит чувства отцовского долга, ответственности, отсутствие обязательств (мотивация «не надо»). Они находятся под влиянием установок, ограничивающих сопричастность к ситуации с ребенком и переживания за него, что выражается в практиках избегания, ухода, игнорирования, отвержения (мотивация «не могу»). Отцовская идентичность у этих отцов не сформирована, у части их она негативная или инфантильная. Ключевые индивидуально-личностные характеристики отсутствующих отцов — личностная незрелость, инфантильность, эгоцентризм, эмоциональная черствость. Их отличает дефицит ответственности, навыков самостоятельного решения жизненных проблем, жизнестойкости. Характер гендерных установок, как правило, традиционный, вместе с тем проявляется нежелание выполнять и традиционные роли — добытчика, кормильца, защитника. Они не готовы брать на себя дополнительную рабочую нагрузку, чтобы финансово поддержать семью, не считают нужным

тратить время на помощь жене в домашних делах, проявляют нетерпимость к ее повышенной заботе о ребенке, не хотят замечать, а тем более разделять возникшие физические и психологические трудности, связанные с болезнью ребенка. Для них характерно «обедненное» отцовство, скорее объектное отношение к ребенку. По сути, эти отцы не смогли стать отцами своим детям — заботливыми, вовлеченными, несущими ответственность за их благополучие и развитие.

Истоки несостоявшегося отцовства обнаруживаются в родительских семьях «сбежавших» и «отстраненных» отцов, для которых часто характерны атмосфера конфликтности, дефицита теплых и близких отношений, конструктивных взаимодействий, авторитарный стиль воспитания, а если семья неполная, то обычно — гиперопека со стороны обожающей сына матери. Все это создает предпосылки для трансляции проблемных паттернов в функционирование семей взрослых детей. Вместе с тем сценарий собственного отцовства у этих отцов вполне может стать иным в результате осознания проблемы, работы над собой, развития родительских навыков и потребности выполнять родительские обязанности.

Несмотря на устойчивость трансляции опыта воспитания в родительской семье, критическое его переосмысление возможно, и желание его не повторять, стать другими — наполненными заботой и теплотой к детям — присуще молодым поколениям отцов, о чем свидетельствуют данные исследований [Безрукова, Самойлова, 2022а, 2022б; Uribe-Morales et al., 2022]; в то же время многим отцам необходима поддержка со стороны специалистов. В настоящее время активно развивается практика раннего вмешательства для оказания помощи семье в заботе, лечении, развитии ребенка с проблемным здоровьем. Представляется, что в рамках этих программ следует усилить компонент ранней помощи именно родителям, особенно отцам. Начальным этапом такой работы должна быть полноценная, всеохватывающая, предоставляемая в обязательном, а не только в заявительном порядке информационная поддержка, чтобы родители смогли с самого начала делать конкретные практические шаги, а не переживать состояние острой растерянности, беспомощности, а в случае инфантильных, незрелых отцов — не испытывали желания убежать от проблемы. Молодые отцы нуждаются в профессиональной поддержке, ориентированной на изменение их отношения к ребенку, выработку отцовской роли, способствующей осознанию своих возможностей и ресурсов, личностному взрослению и росту. В связи с этим перед профессиональным сообществом встают новые актуальные задачи по созданию и реализации программ для целевых групп отцов.

Список источников

- Безрукова О. Н. Отцовство в трансформирующемся обществе: ожидания матерей и практики отцов // Социологические исследования. 2013. № 11. С. 118—130.
- Безрукова О. Н., Самойлова В. А. Материнский гейткипинг в России: молодые отцы о матерях и барьерах доступности детей после развода // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3. С. 463—498.
- Безрукова О. Н., Самойлова В. А. Отцовство в современной России: смыслы, ценности, практики и межпоколенческая трансляция // Социологические исследования. 2022а. № 2. С. 94—106.

- Безрукова О. Н., Самойлова В. А. «Продиктовано любовью...»: вовлеченное отцовство в российских семьях, воспитывающих детей с инвалидностью // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022b. № 5. С. 122—148.
- Безрукова О. Н., Самойлова В. А., Мальков Н. Р. Отцовство осужденных молодых мужчин в условиях заключения // Социологические исследования. 2022. № 10. С. 117—127.
- Гребенникова Е. В., Шелехов И. Л., Берестнева О. Г. Психолого-педагогическая компетентность родителей, воспитывающих детей-инвалидов // Наукоедение. 2015. Т. 7, № 2. URL: <http://naukovedenie.ru/PDF/18PVN215.pdf> (дата обращения: 06.08.2023).
- Гурко Т. А. Родительство: социологические аспекты. М.: Ин-т социол. РАН, 2003. 164 с.
- Гурко Т. А. Применение понятий теории семейного стресса в зарубежных исследованиях // Социологический журнал. 2022. Т. 28, № 3. С. 166—183.
- Здравомыслова Е. А., Темкина А. А. Что такое «маскулинность»? Понятийные отмычки критических исследований мужчин и маскулинностей // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2018. № 6. С. 48—73.
- Клецина И. С. Отцовство в аналитических подходах к изучению маскулинности // Женщина в российском обществе. 2009. № 3. С. 29—41.
- Кон И. С. Гегемонная маскулинность как фактор мужского (не)здоровья // Социология: теория, методы, маркетинг. 2008. № 4. С. 5—16.
- Кон И. С. Мужчина в меняющемся мире. М.: Время, 2009. 496 с.
- Новоселова Е. Н. К проблеме чрезмерного потребления алкоголя в российских семьях // Вестник Московского университета. Сер. 18, Социология и политология. 2020. № 26. С. 142—160.
- Ростовская Т. К., Хасбулатова О. А., Смирнова И. Н. Одинокие матери в российском обществе: штрихи к социальному портрету // Женщина в российском обществе. 2023. № 1. С. 32—42.
- Саралиева З. Х., Янак А. Л., Рябинская Е. С. Берегите мужчин! Стратегии сбережения мужчин в российских семьях // Социальное пространство. 2023. Т. 9, № 1. URL: <http://socialagea-journal.ru/article/29563> (дата обращения: 06.08.2023).
- Тартаковская И. Мужчины на рынке труда // Социологический журнал. 2002. № 3. С. 112—125.
- Хабриев Р. У., Кулакова С. В., Пертли Л. Ф., Спасенников Б. А. Смертность от внешних причин у лиц группы риска // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2019. № 27. С. 4—8.
- Хитрук Е. Б. Визуализация «отцовской революции» в контексте смены философских парадигм // ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2016. Т. 3, № 2. С. 97—107.
- Хитрук Е. Б. Социально-психологическая поддержка мужчин в контексте «мужских проблем» // Социологические исследования. 2017. № 11. С. 122—128.
- Blankenhorn D. Fatherless America: confronting our most urgent social problem. New York (NY): Harper Collins, 1996. 336 p.
- Fagan J., Palkovitz R. Co-parenting and relationship quality effects on father engagement: variations by residence, romance // Journal of Marriage and Family. 2011. № 73. P. 637—653.
- Falk N. H., Norris K., Quinn M. G. The factors predicting stress, anxiety and depression in the parents of children with autism // Journal of Autism and Developmental Disorders. 2014. Vol. 44, № 12. P. 3185—3203.
- Kalmijn M. Father-child relations after divorce in four European countries: patterns and determinants // Comparative Population Studies. 2015. Vol. 40, № 3. P. 251—276.

- Lamb G. E. Fatherlessness: implications for God's word, church, and world // *Christian Education Journal*. 2017. № 14. P. 99—108.
- Neely-Barnes S. L., Dia D. A. Families of children with disabilities: a review of literature and recommendations for interventions // *Journal of Early and Intensive Behavior Intervention*. 2008. Vol. 5, № 3. P. 93—107.
- Oliveira C., Baines E. Children "born of war": a role for fathers? // *International Affairs*. 2020. № 96. P. 439—455.
- Pleck J. The male sex role: definitions, problems, and sources of change // *Journal of Social Issues*. 1976. Vol. 32. P. 155—164.
- Popenoe D. *Families without Fathers: Fathers, Marriage, and Children in American Society*. New Brunswick (NJ): Transaction, 2009. 288 p.
- Rankin J. A., Paisley C. A., Tomeny T. S., Eldred S. W. Fathers of youth with autism spectrum disorder: a systematic review of the impact of fathers' involvement on youth, families, and intervention // *Clinical Child and Family Psychology Review*. 2019. Vol. 22, № 4. P. 458—477.
- Salom R., Aras L. M., Piñero J., Duñabeitia J. A. Dataset on the psychosocial impact in families with children with developmental and epileptic encephalopathies // *Scientific Data*. 2023. № 10. <https://doi.org/10.1038/s41597-023-02441-3>.
- Secret M. Incarcerated fathers: exploring the dimensions and prevalence of parenting capacity of non-violent offenders // *Fathering*. 2012. Vol. 10, № 2. P. 159—177.
- Trinder L. Maternal gate closing and gate opening in postdivorce families // *Journal of Family Issues*. 2008. Vol. 29, № 10. P. 1298—1324.
- Uribe-Morales B. M., Cantero-Garlito P. A., Cipriano-Crespo C. Fathers in the care of children with disabilities: an exploratory qualitative study // *Healthcare*. 2022. Vol. 10, № 1. <https://doi.org/10.3390/healthcare10010014>.
- Walsh F. Family resilience: a developmental systems framework // *European Journal of Developmental Psychology*. 2016. Vol. 13, № 3. P. 313—324.

References

- Bezrukova, O. N. (2013) Otsovstvo v transformiruiushchemsia obshchestve: ozhidaniia materĕi i praktiki otsov [Fatherhood in the transforming society: mothers' expectations and fathers' practices], *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 11, pp. 118—130.
- Bezrukova, O. N., Samoĭlova, V. A. (2020) Materinskiĭ geĭtkiping v Rossii: molodye ottsy o materiakh i bar'erakh dostupnosti detĕi posle razvoda [Maternal gatekeeping in Russia: young fathers about mothers and the barriers to access children after divorce], *Monitoring obshchestvennogo mneniia: ĕkonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, no. 3, pp. 463—498.
- Bezrukova, O. N., Samoĭlova, V. A. (2022a) Otsovstvo v sovremennoi Rossii: smysly, tsennosti, praktiki i mezhpokolencheskaia transliatsiia [Fatherhood in modern Russia: meanings, values, practices and intergenerational translation], *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 2, pp. 94—106.
- Bezrukova, O. N., Samoĭlova, V. A. (2022b) "Proditkovano liubov'iu...": vovleĕhennoe otsovstvo v rossiiskikh sem'iakh, vospityvaiushchikh detĕi s invalidnost'iu ["Driven by love...": involved fatherhood in Russian families raising children with disabilities], *Monitoring obshchestvennogo mneniia: ĕkonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, no. 5, pp. 122—148.
- Bezrukova, O. N., Samoĭlova, V. A., Mal'kov, N. R. (2022) Otsovstvo osuzhdennykh molodykh muzhchin v usloviakh zakliucheniia [Paternity of young convicted fathers going through imprisonment], *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 10, pp. 117—127.
- Blankenhorn, D. (1996) *Fatherless America: Confronting our most urgent social problem*, New York, NY: Harper Collins.

- Fagan, J., Palkovitz, R. (2011) Co-parenting and relationship quality effects on father engagement: variations by residence, romance, *Journal of Marriage and Family*, no. 73, pp. 637—653.
- Falk, N. H., Norris, K., Quinn, M. G. (2014) The factors predicting stress, anxiety and depression in the parents of children with autism, *Journal of Autism and Developmental Disorders*, vol. 44, no. 12, pp. 3185—3203.
- Grebennikova, E. V., Shelekhov, I. L., Berestneva, O. G. (2015) Psikhologo-pedagogicheskaia kompetentnost' roditel'ei, vospityvaiushchikh detei-invalidov [Psycho-pedagogical competence of parents of disabled children], *Naukovedenie*, vol. 7, no. 2, available from <http://naukovedenie.ru/PDF/18PVN215.pdf> (accessed 06.08.2023).
- Gurko, T. A. (2003) *Roditel'stvo: sotsiologicheskie aspekty* [Parenting: sociological aspects], Moscow: Institut sotsiologii Rossiiskoi akademii nauk.
- Gurko, T. A. (2022) Primenenie poniatii teorii semeinogo stressa v zarubezhnykh issledovaniakh [The application of ideas of family stress theory in foreign research], *Sotsiologicheskii zhurnal*, vol. 28, no. 3, pp. 166—183.
- Kalmijn, M. (2015) Father-child relations after divorce in four European countries: patterns and determinants, *Comparative Population Studies*, vol. 40, no. 3, pp. 251—276.
- Khabriev, R. U., Kulakova, S. V., Pertli, L. F., Spasennikov, B. A. (2019) Smertnost' ot vneshnikh prichin u lits gruppy riska [The mortality from external causes in individuals of risk group], *Problemy sotsial'noi gigieny, zdravookhraneniia i istorii meditsiny*, no. 27, pp. 4—8.
- Khitruk, E. B. (2016) Vizualizatsiia "otsovskoi revoliutsii" v kontekste smeny filosofskikh paradig [Visualizing the "father's revolution" in the context of philosophy paradigms change], *ИПАЭХМА. Problemy vizual'noi semiotiki*, vol. 3, no. 2, pp. 97—107.
- Khitruk, E. B. (2017) Sotsial'no-psikhologicheskaia podderzhka muzhchin v kontekste "muzhskikh problem" [Psychosocial support of men in the context of "male problems"], *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 11, pp. 122—128.
- Kletsina, I. S. (2009) Otsovstvo v analiticheskikh podkhodakh k izucheniiu maskulinnosti [Fatherhood in analytical approaches to the study of masculinity], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3, pp. 29—41.
- Kon, I. S. (2008) Gegemonnaia maskulinnost' kak faktor muzhskogo (ne)zdorov'ia [Hegemonic masculinity as a factor in male (un)health], *Sotsiologiya: teoriia, metody, marketing*, no. 4, pp. 5—16.
- Kon, I. S. (2009) *Muzhchina v meniaiushchemsya mire* [Man in a changing world], Moscow: Vremia.
- Lamb, G. E. (2017) Fatherlessness: implication for God's Word, church, and world, *Christian Education Journal*, no. 14, pp. 99—108.
- Neely-Barnes, S. L., Dia, D. A. (2008) Families of children with disabilities: A review of literature and recommendations for interventions, *Journal of Early and Intensive Behavior Intervention*, vol. 5, no. 3, pp. 93—107.
- Novoselova, E. N. (2020) K probleme chrezmernogo potrebleniia alkogolia v rossiiskikh sem'akh [To the problem of excessive alcohol consumption in Russian families], *Vestnik Moskovskogo universiteta*, seriia 18, Sotsiologiya i politologiya, no. 26, pp. 142—160.
- Oliveira, C., Baines, E. (2020) Children "born of war": a role for fathers?, *International Affairs*, no. 96, pp. 439—455.
- Pleck, J. (1976) The male sex role: definitions, problems, and sources of change, *Journal of Social Issues*, vol. 32, pp. 155—164.
- Popenoe, D. (2009) *Families without Fathers: Fathers, Marriage, and Children in American Society*, New Brunswick, NJ: Transaction.
- Rankin, J. A., Paisley, C. A., Tomeny, T. S., Eldred, S. W. (2019) Fathers of youth with autism spectrum disorder: a systematic review of the impact of fathers' involvement on youth,

- families, and intervention, *Clinical Child and Family Psychology Review*, vol. 22, no. 4, pp. 458—477.
- Rostovskaia, T. K., Khasbulatova, O. A., Smirnova, I. N. (2023) Odinochie materi v rossiiskom obshchestve: shtrikhi k sotsial'nomu portretu [Single mothers in Russian society: strokes to a social portrait], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1, pp. 32—42.
- Salom, R., Aras, L. M., Piñero, J., Duñabeitia, J. A. (2023) Dataset on the psychosocial impact in families with children with developmental and epileptic encephalopathies, *Scientific Data*, no. 10, <https://doi.org/10.1038/s41597-023-02441-3>.
- Saralieva, Z. Kh., Ianak, A. L., Riabinskaia, E. S. (2023) Bereгите mužhchin! Strategii sberezeniia mužhchin v rossiiskikh sem'iakh [Save the men! Strategies for saving men in Russian families], *Sotsial'noe prostranstvo*, vol. 9, no. 1, available from http://socialarea-journal.ru/article/29563?_lang=en (accessed 06.08.2023).
- Secret, M. (2012) Incarcerated fathers: exploring the dimensions and prevalence of parenting capacity of non-violent offenders, *Fathering*, vol. 10, no. 2, pp. 159—177.
- Tartakovskaia, I. (2002) Mužhchiny na rynke truda [Men in the labor market], *Sotsiologicheskii zhurnal*, no. 3, pp. 112—125.
- Trinder, L. (2008) Maternal gate closing and gate opening in postdivorce families, *Journal of Family Issues*, vol. 29, no. 10, pp. 1298—1324.
- Uribe-Morales, B. M., Cantero-Garrito, P. A., Cipriano-Crespo, C. (2022) Fathers in the care of children with disabilities: an exploratory qualitative study, *Healthcare*, vol. 10, no. 1, <https://doi.org/10.3390/healthcare10010014>.
- Walsh, F. (2016) Family resilience: a developmental systems framework, *European Journal of Developmental Psychology*, vol. 13, no. 3, pp. 313—324.
- Zdravomyslova, E. A., Temkina, A. A. (2018) Chto takoe “maskulinnost’”? Poniatiinye otmychki kriticheskikh issledovaniĭ mužhchin i maskulinnostei [What is “masculinity”? Conceptual keys to critical studies in men and masculinities], *Monitoring obshchestvennogo mneniia: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, no. 6, pp. 48—73.

Статья поступила в редакцию 08.08.2023; одобрена после рецензирования 30.08.2023; принята к публикации 07.09.2023.

The article was submitted 08.08.2023; approved after reviewing 30.08.2023; accepted for publication 07.09.2023.

Информация об авторах / Information about the authors

Безрукова Ольга Николаевна — кандидат социологических наук, доцент, и. о. ведущей кафедры социологии молодежи и молодежной политики, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия, o.bezrukova@spbu.ru (Cand. Sc. (Sociology), Associate Professor, Acting Head of the Department of Sociology of Youth and Youth Policy, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation).

Самойлова Валентина Алексеевна — кандидат психологических наук, доцент кафедры теории и практики социальной работы, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия, v.samojlova@spbu.ru (Cand. Sc. (Psychology), Associate Professor at the Department of Theory and Practice of Social Work, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation).

Женщина в российском обществе. 2023. № 4. С. 113—122.

Woman in Russian Society. 2023. No. 4. P. 113—122.

Научная статья

УДК 316.7

DOI: 10.21064/WinRS.2023.4.9

**САМОСОХРАНИТЕЛЬНЫЕ И РЕПРОДУКТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ
СОВРЕМЕННОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ:
МЕДИКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ**

*Анна Ивановна Мальшикина¹, Марина Викторовна Кулигина¹,
Ирина Александровна Панова¹, Наталья Сергеевна Рычихина²*

¹ Ивановский научно-исследовательский институт материнства
и детства им. В. Н. Городкова, Министерство здравоохранения РФ,
г. Иваново, Россия, ivniimid@ivnet.ru

² Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия

Аннотация. Представлены результаты социологического опроса женской студенческой молодежи с целью определения ее жизненных стратегий, уровня репродуктивного здоровья и самосохранительного поведения. Исследование показало, что большинство студенток, наряду с получением знаний, включают в систему жизненных ценностей репродуктивное и самосохранительное поведение, создание семьи и воспитание детей. Среди условий реализации планов женской молодежи выделены формирование ценности здоровья, повышение качества жизни молодых семей, совершенствование государственной демографической политики.

Ключевые слова: студенческая молодежь, жизненные стратегии, самосохранительное поведение, репродуктивные стратегии, репродуктивное здоровье, государственная социально-демографическая политика

Для цитирования: Мальшикина А. И., Кулигина М. В., Панова И. А., Рычихина Н. С. Самосохранительные и репродуктивные стратегии современной студенческой молодежи: медико-социологический анализ // *Женщина в российском обществе. 2023. № 4. С. 113—122.*

Original article

**SELF-PRESERVATION AND REPRODUCTIVE STRATEGIES
OF MODERN STUDENTS:
A MEDICAL AND SOCIOLOGICAL ANALYSIS**

*Anna I. Malyshkina*¹, *Marina V. Kuligina*¹,
*Irina A. Panova*¹, *Natalya S. Rychikhina*²

¹ Ivanovo Research Institute of Motherhood and Childhood
named after V. N. Gorodkov, Ministry of Health of Russian Federation,
Ivanovo, Russian Federation, ivniimid@ivnet.ru

² Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation

Abstract. The article presents the results of a sociological survey of female students in order to determine their life strategies, level of reproductive health and self-preservation behavior. The study showed that the majority of female students, along with acquiring knowledge, include reproductive and self-preservation behavior, creating a family and raising children in their system of life values. Among the conditions for the implementation of plans of young women, the formation of the value of health, improving the quality of life of young families, and improving state demographic policy are highlighted.

Key words: student youth, life strategies, self-preservation behavior, reproductive strategies, reproductive health, state socio-demographic policy

For citation: Malyshkina, A. I., Kuligina, M. V., Panova, I. A., Rychikhina, N. S. (2023) Samosokhranitel'nye i reproductivnye strategii sovremennoï studencheskoï molodëzhi: mediko-sotsiologicheskii analiz [Self-preservation and reproductive strategies of modern students: a medical and sociological analysis], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 4, pp. 113—122.

Введение

Самосохранительное поведение, жизненные стратегии и репродуктивные установки современной молодежи имеют важное значение для экономического и социального развития страны. Ученые справедливо отмечают, что жизненные стратегии молодых женщин играют особую роль в достижении этой цели, потому что они являются объектом воздействия государственной политики по обеспечению двух важных задач: женской занятости и повышения рождаемости [Ребрей и др., 2023]. Предметом научных исследований выступают мотивационная и ценностная составляющие создания семьи в представлениях студенческой молодежи [Ростовская, Шабунова и др., 2023]. Ученые обращают внимание на проблему роста в российском обществе количества семей с одним родителем — матерью [Ростовская, Хасбулатова и др., 2023]. Исследования показывают, что когорта населения с высшим профессиональным образованием отличается от других социальных групп нацеленностью на высокое качество жизни, значимостью здоровья в системе жизненных ценностей, меньшей рассогласованностью между ценностью

здоровья и практическими действиями по его достижению [Юрова, Федорова, 2014]. В этой связи научный интерес представляют проблемы формирования самосохранительного поведения, взаимозависимости жизненных планов и репродуктивных установок современной студенческой молодежи, а также степень влияния на эти процессы современной социально-демографической политики в России.

Качество жизни студенческой молодежи обеспечивается рядом факторов: высокой мотивированностью в получении высшего профессионального образования, необходимостью сочетания репродуктивных и профессиональных стратегий в контексте жизненного планирования [Братухин, Магазева, 2016]. Однако следует учитывать, что у студенческой молодежи в краткосрочной перспективе стоит достижение профессиональных целей, поэтому возможность реализации репродуктивных стратегий обеспечивается в долгосрочной перспективе. Самосохранительное поведение в этот период позитивно ориентировано на обеспечение возможности достижения поставленных жизненных целей. Поскольку основу формирования жизненных, репродуктивных стратегий составляют мотивы, установки, ценности, состояние здоровья, *целями* исследования являются изучение жизненных ценностей и репродуктивных установок девушек-студенток, определение детерминантов их реализации, а также степени участия в этом процессе государственной социально-демографической политики.

Материалы и методы

В статье представлены результаты одномоментного исследования с применением анонимной самозаполняемой анкеты, созданной на сервисе Yandex Forms и содержащей вопросы закрытого типа, с целью сбора информации о самосохранительных, репродуктивных установках, образе жизни, здоровье, медицинской информированности, жизненных стратегиях студенток. Респондентками стали 1803 студентки в возрасте 16—27 лет, обучающиеся по медицинским, естественным, гуманитарным и техническим специальностям в высших учебных заведениях г. Иваново.

Накопление, корректировка, систематизация исходной информации, визуализация и статистический анализ данных осуществлялись в электронных таблицах Microsoft Office Excel 2016. При статистической обработке результатов социологического опроса использован метод описательной статистики — расчет относительных (интенсивных и экстенсивных) величин. В ходе исследования оценивались не только внутренние детерминанты формирования жизненных стратегий и самосохранительного поведения женской студенческой молодежи, но и внешние факторы (социально-демографическая политика государства, сложившаяся в обществе система разделения семейных ролей, противоречия между карьерными устремлениями и семейными обязанностями женщин).

Результаты исследования

Здоровье выступает необходимым условием успешного функционирования в современном обществе, об этом свидетельствует его приоритетность в системе ценностных ориентаций студенток — 4,7 балла. Материальный достаток занимает 2-е ранговое место — 4,6 балла, удовлетворение от работы на 3-м месте — 4,5 балла. В иерархии жизненных ценностей девушек, находящихся

на стадии приобретения профессиональных компетенций, семья и дети закономерно занимают последние места. При этом ценность семьи максимально приближена к лидирующим позициям — 4,4 балла, а ценность детей имеет минимальное значение — 3,5 балла.

Формирование самосохранительного поведения диктуется необходимостью поддержания имеющегося уровня здоровья, поэтому 56,5 % девушек возраста начальной зрелости и 43,5 % девушек юношеского возраста оценили свое здоровье как хорошее, почти половина опрошенных — 49,6 % — считают его удовлетворительным, 5,8 % — плохим. Самооценка здоровья зависит от наличия хронических заболеваний, распространенность которых составила 0,5 заболевания на 100 девушек. В их структуре первые места занимают заболевания желудочно-кишечного тракта — 19,1 %, мочевыводящих путей — 13,2 % и сердечно-сосудистой системы — 11,5 %.

Ученые отмечают, что девушки, имеющие хронические заболевания, оценивали свое здоровье на основании не только личного самочувствия, но и мнения специалистов [Миронова, 2016: 49]. В нашем исследовании такие девушки, по сравнению со здоровыми, значительно реже оценивали собственное здоровье как хорошее — 23,0 против 55,5 %, чаще как удовлетворительное — 64,8 против 41,9 % и как плохое — 12,2 против 2,5 %.

Одним из компонентов самосохранительной стратегии и ее реализации в образе жизни является медицинская активность, которую можно оценить при ответе на вопрос о поводах обращения за медицинской помощью. Исследование показало рассогласованность между ценностью здоровья и медицинской активностью студенток: наиболее часто — 41,4 % — они обращаются за медицинской помощью лишь при развитии серьезных симптомов заболевания, реже — 35,7 % — при ухудшении самочувствия, 13,4 % не обращаются к врачу даже при развитии симптомов заболевания. Среди студенток лишь одна из десяти — 9,4 % — обращается за профилактической медицинской помощью.

Отношение к врачебным рекомендациям также характеризует медицинскую активность: полностью выполняют назначения 64,6 % студенток, частично — 34,5 %, не выполняют — 0,9 %. Обращает на себя внимание тот факт, что наличие пациентского опыта оказывает негативное влияние на медицинскую активность: девушки, имеющие хронические заболевания, по сравнению со здоровыми, реже выполняют врачебные рекомендации полностью — 58,6 против 67,7 %, выполняют частично — 40,6 против 31,4 %.

Преобладающим источником информации о необходимых мерах по сохранению здоровья для студенток выступают медицинские работники — 79,9 %, на 2-м месте интернет-ресурсы — 65,8 %, на 3-м медицинская литература — 48,9 %, на 4-м родственники, знакомые — 46,2 %, на 5-м месте радио, телевидение — 7,3 %. Иерархия источников информации совпадает с данными ранее проведенных исследований [там же]. Поскольку масса тела является одним из условий сохранения соматического и репродуктивного здоровья, следует отметить, что у девушек доля лиц с нормальной массой тела составила 70,3 %, с недостаточной — 16,5 %, с избыточной — 13,1 %.

При исследовании жизнесохранительного поведения молодежи особое внимание было уделено изучению репродуктивных стратегий, основу которых

составляют экономические, социальные, психологические мотивы, формирующие установки, реализуемые через поведение. Ученые справедливо отмечают, что репродуктивные установки образуют платформу для формирования стратегий как плана действий субъекта по достижению цели, состоящей в рождении и воспитании детей [Ревякин, 2006: 79; Братухин, Магазева, 2016; Кочепасова, 2020: 105]. При анализе наиболее важного компонента репродуктивных установок — установок детности — получены следующие результаты: более половины студенток — 60,8 % — считают идеальным наличие двоих детей в семье. Доля девушек, ориентирующихся на однодетную семью, составила 14,5 %, на многодетную семью — 21,2 %. Семью без детей в качестве идеальной модели видят 3,4 % респонденток.

Желаемое число детей в семье — это количество детей, которые могут быть рождены при создании всех необходимых условий. Согласно ответам девушек, 51,7 % хотели бы иметь 2 детей, 25,6 % — 3 и более детей, 16,1 % — 1 ребенка, 6,7 % предпочли бы бездетность. Мнение о планируемом числе детей является отправной точкой для формирования индивидуальной репродуктивной стратегии. Закономерно, что у студенток, не относящих рождение детей к числу первоочередных задач, еще нет сформировавшихся представлений о планируемом числе детей в собственной семье: 19,7 % не задумывались об этом, 7,8 % предпочли бы бездетность, 15,6 % хотели бы иметь 1 ребенка, 41,2 % — 2 детей и 15,6 % — 3 и более.

В качестве индикатора формирования репродуктивной стратегии можно расценивать такой компонент репродуктивной установки, как оптимальный протогенетический интервал (временной период от начала совместной жизни до рождения первенца). В большинстве случаев — 58,0 % — девушки планируют рождение ребенка через 3—5 лет после начала совместной жизни, реже — 29,6 % — в первые 2 года семейной жизни. 12,4 % девушек планируют рождение ребенка через 6—10 лет после заключения брака.

Еще одним показателем индивидуальных репродуктивных стратегий является интергенетический интервал (временной промежуток между последовательными родами). Большинство девушек — 93,9 % — имеют правильное представление об оптимальном интергенетическом интервале, который должен составлять 2—4 года, 6,1 % считают безопасным для здоровья матери и ребенка временной промежуток между рождениями детей продолжительностью в 1 год.

Информированность о содержании прегравидарной подготовки выступает индикатором формирующихся самосохранительных и репродуктивных стратегий. При планировании беременности девушки считают необходимым посещение таких врачей-специалистов, как акушер-гинеколог — 93,1 %, генетик — 68,5 %, терапевт — 61,1 %, психиатр — 54,5 %, андролог — 52,9 %, а также проведение лабораторных исследований на инфекции, передающиеся половым путем, в том числе ВИЧ, — 86,1 %. Модификация образа жизни тоже является непременным условием профилактики нарушений здоровья матери и ребенка. Большинство студенток считают необходимым отказ от курения — 91,2 %, употребления алкоголя — 91,0 %, нормализацию массы тела — 66,2 %. И лишь 7,5 % девушек не задумывались о подготовке к рождению ребенка.

Половая жизнь и поведение в условиях репродуктивного выбора — это интегративные характеристики и самосохранительных, и репродуктивных стратегий. По мнению девушек, для начала половой жизни оптимален возраст до 20 лет.

На момент проведения исследования большинство девушек — 61,1 % — имели сексуального партнера, 38,9 % не состояли в отношениях. Контрацептивное поведение также выступает индикатором и самосохранительных, и репродуктивных стратегий. Поскольку рождение детей не входит в ближайшие жизненные планы, девушки и их партнеры используют противозачаточные средства.

В случае наступления беременности и необходимости принятия решения в ситуации репродуктивного выбора установлены различия в ответах студенток в зависимости от наличия/отсутствия партнера. Так, сохранить беременность планируют 43,6 % студенток, имеющих сексуального партнера, и 38,1 % девушек, не состоящих в сексуальных отношениях.

Наряду с мотивами, определяющими значимость рождения детей в семье, при изучении репродуктивной установки принято оценивать наличие факторов — ограничителей деторождения. Девушки продемонстрировали недостаточно высокую активность по сохранению собственного репродуктивного здоровья: 81,9 % задумываются о возможных нарушениях репродуктивного здоровья, в то же время только 47,3 % ежегодно обращаются к врачам с профилактической целью. Состояние здоровья также ограничивает возможность реализации репродуктивных планов: наличие бесплодия у женщины — так считают 78,1 % девушек, наличие бесплодия у мужчины — 76,2 %, хроническое заболевание одного из супругов — 59,2 %. К факторам — ограничителям деторождения отнесены нежелание прерывать работу в связи с рождением ребенка — 59,5 %, отсутствие юридической регистрации брака — 25,8 %.

Выводы

Результаты социологического опроса позволяют сделать вывод об определенной нацеленности студенток на формирование позитивно ориентированного самосохранительного и репродуктивного поведения. Система жизненных ценностей и репродуктивных намерений соответствует этапу получения профессионального образования, когда ближайшими целями являются приобретение знаний и получение диплома о высшем образовании. Однако анализ их текущих задач и жизненных планов свидетельствует о рассогласованности между поставленными целями и реальным поведением.

На основе полученных данных авторы пришли к следующим выводам.

Формирование самосохранительного поведения женской молодежи должно носить системный характер и объединять информационное воздействие разъяснительного, образовательного характера; повышение уровня медицинской информированности и медицинской активности; коррекцию репродуктивных установок через убеждение, что дети положительно влияют на самосохранительное поведение родителей. С точки зрения формирования самосохранительных стратегий значимым моментом является информирование молодежи о взаимовлиянии детей и витального поведения родителей.

Полагаем, что субъектами формирования у молодежи самосохранительного поведения, установок на создание семьи и воспитание детей должны выступать органы здравоохранения, семья и система образования. Исследование показало, что каждая вторая респондентка считает свое здоровье удовлетворительным или плохим, однако не проявляет активности, чтобы получить полезную информацию от специалистов. Между тем получение девушками информации о своем репродуктивном здоровье от медицинских работников, которым они доверяют, может оказать положительное влияние на их репродуктивные установки и самосохранительное поведение. Об этом свидетельствует многолетний положительный опыт просветительской деятельности Ивановского НИИ материнства и детства им. В. Н. Городкова Министерства здравоохранения России. Важную роль в медицинском просвещении молодежи призваны сыграть женские консультации, центры охраны репродуктивного здоровья подростков. Их задача — корректировать репродуктивные установки девушек, вести разъяснительную работу о средствах контрацепции, о рисках и индикаторах нарушения репродуктивного здоровья.

Планируемая бездетность в студенческие годы, скорее всего, носит временный характер. Важным направлением просветительской работы должны стать беседы с девушками о том, что материнские установки меняются на протяжении жизни, формирование в их сознании положительного образа семьи с ребенком. Считаем, что решить эту задачу только силами медицинских учреждений не представляется возможным. Более того, исследование выявило ряд других факторов, которые препятствуют созданию у молодежи репродуктивных установок. Рассмотрим их более подробно.

Опыт свидетельствует, что формирование у молодежи установок на создание семьи и рождение детей во многом зависит от влияния родителей. Именно в семье формируются установки на здоровый образ жизни и внимание к своему здоровью. Однако с целью профилактики здоровья в медицинские учреждения обращается только каждая 10-я студентка, а каждая 3-я девушка отметила, что не выполняет рекомендаций врачей. Практика показывает, что ценностные ориентиры на формирование у молодежи культуры заботы о собственном здоровье не являются приоритетом у семьи и образовательных учреждений. Неслучайно семья как источник информации о важности здоровья занимает у молодежи только 4-е место. По данным исследования «Репродуктивное здоровье населения России», 77,4 % молодых женщин, которые планируют иметь ребенка, уже сталкиваются с различными проблемами со здоровьем [Почему мы вымираем... , 2023]. Полагаем, что в сложившихся условиях целесообразно возложить на образовательные учреждения всех уровней функцию просвещения молодежи с целью формирования у нее культуры заботы о своем здоровье, стремления к здоровому образу жизни. Семья и детские дошкольные учреждения также не должны стоять в стороне от решения этой важной задачи. Информационные телепорталы о правильном отношении к своему репродуктивному здоровью могли бы оказать им поддержку.

Еще один вывод, который можно сделать по итогам исследования, — это высокая степень зависимости отсроченного желания девушек иметь детей от государственной политики по повышению качества жизни семей. По мнению

студенток, участвовавших в опросе, наиболее значимым фактором, определяющим количество детей в семье, является уровень доходов — 87,0 % опрошенных. В качестве препятствий к рождению желаемого числа детей 80,4 % девушек назвали неудовлетворительные жилищные условия, 80,3 % — отсутствие собственного жилья. 18,1 % студенток обратили внимание на недостаточное количество мест в детских дошкольных учреждениях.

Таким образом, можно сделать вывод, что готовность девушек, получающих высшее образование, к рождению определенного числа детей обусловлена рядом социально-экономических факторов: материальным благосостоянием, качеством жизни, возрастающими расходами на воспитание детей, противоречием между карьерой и желанием стать матерью. Обозначенная проблема носит государственный характер. В настоящее время государственная поддержка семей с детьми позволяет им иметь доходы на каждого члена семьи не ниже уровня прожиточного минимума. Данный подход сдерживает желание девушек, имеющих высшее образование, рожать ребенка в первые годы своей карьеры. Полагаем, что в перспективе размер пособия на детей в российских семьях должен соответствовать стандартам достойного уровня жизни, обеспечивающим баланс между работой и личной жизнью.

В целом результаты исследования обозначили комплекс проблем, в решении которых призваны принять участие органы государственного управления, семья и молодое поколение.

Список источников

- Братухин А. Г., Магазева Е. А.* Осознанность как характеристика индивидуальной репродуктивной стратегии // *Современные проблемы науки и образования*. 2016. № 2. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=24177> (дата обращения: 07.07.2023).
- Кочepasова А. Ю.* Репродуктивные стратегии и формы семьи: к вопросу методологии социологических исследований // *Медицина. Социология. Философия: прикладные исследования*. 2020. № 4. С. 104—107.
- Миронова Ю. Г.* Особенности самосохранительного поведения студенческой молодежи // *Теория и практика общественного развития*. 2016. № 6. С. 48—51.
- Почему мы вымираем: женщины не хотят иметь детей или не от кого. 2023. URL: <https://www.mk.ru/social/2023/03/09/pochemu-my-vymiraem-zhenshiny-ne-khotyat-imet-detey-ili-ne-ot-kogo.html> (дата обращения: 03.09.2023).
- Ребрей С. М., Комиссарова Ж. Н., Киселева И. В., Пастухова Д. Р.* Стимулирование рождаемости на фоне расширения прав и возможностей женщин: актуальные инструменты семейной и трудовой политики // *Женщина в российском обществе*. 2023. № 2. С. 80—93.
- Ревякин Е. С.* Самосохранительное поведение: понятие и сущность // *Вестник Ивановского государственного энергетического университета*. 2006. Вып. 1. С. 79—82.
- Ростовская Т. К., Хасбулатова О. А., Смирнова И. Н.* Одинокие матери в российском обществе: штрихи к социальному портрету // *Женщина в российском обществе*. 2023. № 1. С. 32—42.

- Ростовская Т. К., Шабунова А. А., Калачикова О. Н. Брачно-семейные представления студенческой молодежи: по результатам авторского исследования // *Женщина в российском обществе*. 2023. № 3. С. 31—42.
- Юрова И. Ю., Федорова Л. М. Влияние ценностных установок жителей сельской местности на формирование самосохранительного поведения: (обзор) // *Саратовский научно-медицинский журнал*. 2014. Т. 10, № 3. С. 465—468.

References

- Bratukhin, A. G., Magazeva, E. A. (2016) Osoznannost' kak kharakteristika individual'noĭ reproduktivnoĭ strategii [Awareness as a feature of individual reproductive strategy], *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniia*, no. 2, available from <https://science-education.ru/ru/article/view?id=24177> (accessed 07.07.2023).
- Iurova, I. Iu., Fedorova, L. M. (2014) Vliianie tsennostnykh ustanovok zhitelei sel'skoĭ mestnosti na formirovanie samosokhranitel'nogo povedeniia: (Obzor) [Influence of value orientations of rural population on formation of self-preserving behavior: (Review)], *Saratovskii nauchno-meditsinskii zhurnal*, vol. 10, no. 3, pp. 465—468.
- Kochepasova, A. Iu. (2020) Reproductivnye strategii i formy sem'i: k voprosu metodologii sotsiologicheskikh issledovaniĭ [Reproductive strategies and family forms: to the methodology issue in sociological research], *Meditsina. Sotsiologiya. Filosofiya. Prikladnye issledovaniia*, no. 4, pp. 104—107.
- Mironova, Iu. G. (2016) Osobennosti samosokhranitel'nogo povedeniia studencheskoĭ molodĕzhi [The features of self-preservation behaviour of modern students], *Teoriia i praktika obshchestvennogo razvitiia*, no. 6, pp. 48—51.
- Pochemu my vymiraem: zhenshchiny ne khotiat imet' detei ili ne ot kogo (2023) [Why are we dying out: women don't want to have children or have no one to father them with], available from <https://www.mk.ru/social/2023/03/09/pochemu-my-vymiraem-zhenshhiny-ne-khotyat-imet-detey-ili-ne-ot-kogo.html> (accessed 03.09.2023).
- Rebreĭ, S. M., Komissarova, Zh. N., Kiseleva, I. V., Pastukhova, D. R. (2023) Stimulirovanie rozhdaemosti na fone rasshireniia prav i vozmozhnostei zhenshchin: aktual'nye instrumenty semeĭnoĭ i trudovoĭ politiki [Stimulation of birth rate amid women's empowerment: relevant family and labor policy instruments], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 2, pp. 80—93.
- Reviakin, E. S. (2006) Samosokhranitel'noe povedenie: poniatie i sushchnost' [Self-preservation behavior: concept and essence], *Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo energeticheskogo universiteta*, no. 1, pp. 79—82.
- Rostovskaia, T. K., Khasbulatova, O. A., Smirnova, I. N. (2023) Odinkie materi v rossiiskom obshchestve: shtriki k sotsial'nomu portretu [Single mothers in Russian society: strokes to a social portrait], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1, pp. 32—42.
- Rostovskaia, T. K., Shabunova, A. A., Kalachikova, O. N. (2023) Brachno-semeĭnye predstavleniia studencheskoĭ molodĕzhi: po rezul'tatam avtorskogo issledovaniia [Marriage and family conceptions of student youth: according to the results of the author's study], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3, pp. 31—42.

Статья поступила в редакцию 04.09.2023; одобрена после рецензирования 18.09.2023; принята к публикации 25.09.2023.

The article was submitted 04.09.2023; approved after reviewing 18.09.2023; accepted for publication 25.09.2023.

Информация об авторах / Information about the authors

Малышкина Анна Ивановна — доктор медицинских наук, профессор, директор Ивановского научно-исследовательского института материнства и детства им. В. Н. Городкова Министерства здравоохранения РФ, г. Иваново, Россия, ivniimid@inbox.ru (Dr. Sc. (Medicine), Professor, Director of the Ivanovo Research Institute of Motherhood and Childhood named after V. N. Gorodkov of the Ministry of Health of the Russian Federation, Ivanovo, Russian Federation).

Кулигина Марина Викторовна — доктор медицинских наук, ведущий научный сотрудник, Ивановский научно-исследовательский институт материнства и детства им. В. Н. Городкова Министерства здравоохранения РФ, г. Иваново, Россия, kuliginamv@mail.ru (Dr. Sc. (Medicine), Leading Researcher, Ivanovo Research Institute of Motherhood and Childhood named after V. N. Gorodkov of the Ministry of Health of the Russian Federation, Ivanovo, Russian Federation).

Панова Ирина Александровна — доктор медицинских наук, профессор, заведующая кафедрой акушерства и гинекологии, неонатологии, анестезиологии и реаниматологии, Ивановский научно-исследовательский институт материнства и детства им. В. Н. Городкова Министерства здравоохранения РФ, г. Иваново, Россия, ia_panova@mail.ru (Dr. Sc. (Medicine), Professor, Head of the Department of Obstetrics, Gynecology, Neonatology, Anesthesiology and Resuscitation, Ivanovo Research Institute of Motherhood and Childhood named after V. N. Gorodkov of the Ministry of Health of the Russian Federation, Ivanovo, Russian Federation).

Рычихина Наталья Сергеевна — кандидат экономических наук, доцент кафедры социологии, социальной работы и управления персоналом, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, richihina@mail.ru (Cand. Sc. (Econ.), Associate Professor at the Department of Sociology, Social Work and Personnel Management, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation).

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ HISTORICAL SCIENCES

Женщина в российском обществе. 2023. № 4. С. 123—135.

Woman in Russian Society. 2023. No. 4. P. 123—135.

Научная статья

УДК 316.32(091)(470+571)

DOI: 10.21064/WinRS.2023.4.10

ОБЩЕСТВЕННАЯ АКТИВНОСТЬ В СТРУКТУРЕ СВОБОДНОГО ВРЕМЕНИ НЕСТОЛИЧНОЙ СОВЕТСКОЙ ГОРОЖАНКИ В 1950—1960-х гг.

Наталья Львовна Пушкарева¹, Ирина Владимировна Богдашина^{1,2}

¹ Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая,
Российская академия наук, г. Москва, Россия, pushkarev@mail.ru

² Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Аннотация. В статье анализируется уровень вовлеченности жительниц Сталинграда/Волгограда в общественную деятельность в годы хрущевской оттепели (1950—1960-е гг.). Используя сравнительно-исторический и биографический методы, эмпатически вникая в содержание источников личного происхождения, в том числе устно-исторических, авторы сопоставили ожидаемое и реальное в сфере женской общественной занятости, выявили мотивационно-эмоциональную составляющую повседневного досуга нестоличных горожанок в рассматриваемое время. Генерализована информация о социально-политическом контексте создания женских комитетов, о лишениях и трудностях, с которыми пришлось столкнуться активисткам на пути самореализации вне стен дома. Был сделан вывод о том, что в силу высокой домашней загруженности для большинства женщин общественная деятельность, связанная, как правило, с производственной и партийной работой, представлялась трудноосуществимой, но узкая прослойка особенно неравнодушных к социальной перспективе, обрисованной идеологами того периода, находила время и силы для занятий общественной неоплачиваемой работой. Эта работа могла бы быть сферой социальной политики и сферой ответственности администрации региона, однако решение массы бытовых вопросов было переложено на активисток-общественниц, которые выполняли свою работу, жертвуя часами досуга и отдыха. Спустя годы об этих женщинах респондентки вспоминали с благодарностью.

Ключевые слова: общественная работа, СССР в 1950—1960-х гг., Сталинград/Волгоград, общественницы, женские комитеты

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-01428 «Женская история как основа российского социального оптимизма (нестоличная городская повседневность середины XX века)».

Для цитирования: Пушкарева Н. Л., Богдашина И. В. Общественная активность в структуре свободного времени нестоличной советской горожанки в 1950—1960-х гг. // *Женщина в российском обществе. 2023. № 4. С. 123—135.*

Original article

PUBLIC ACTIVITY IN THE STRUCTURE OF FREE TIME OF NON-CAPITAL SOVIET FEMALE CITIZENS IN THE 1950—1960s

*Natalia L. Pushkareva*¹, *Irina V. Bogdashina*^{1,2}

¹ N. N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, pushkarev@mail.ru

² Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. The article analyzes the level of involvement of female residents of Stalingrad/Volgograd in public activities during the Khrushchev Thaw of the 1950—1960s. Using comparative historical and biographical methods, empathically delving into the content of sources of personal origin, including oral history, the authors compared expected and actual factors of women's participation in public activities, and also identified the motivational and emotional component of the everyday leisure of non-capital female citizens at the time in question. The article generalizes information about the social and political context of the creation of women's committees and the hardships and difficulties that activists had to face on the path of self-realization. It is concluded that, due to the heavy domestic workload, for most women, social activities normally associated with production and party work seemed difficult to implement, but a narrow stratum of those especially not indifferent to the social perspective outlined by the ideologists of that time found the time and energy for unpaid public work. This work could be the area of social policy and the area of responsibility of the regional administration, but a lot of everyday issues were solved by social activists who did their work, sacrificing hours of leisure and recreation. Years later, respondents remembered these women with gratitude.

Key words: social activities, USSR in the 1950—1960s, Stalingrad/Volgograd, social female activists, women's committees

Acknowledgments: this work was supported by the Russian Science Foundation under grant № 22-28-01428 “Women's history as the basis of Russian social optimism (non-capital urban everyday life of the middle of the 20th century)”.

For citation: Pushkareva, N. L., Bogdashina, I. V. (2023) *Obshchestvennaia aktivnost' v strukture svobodnogo vremeni nestolichnoi sovetskoi gorozhanki v 1950—1960-kh gg. [Public activity in the structure of free time of non-capital Soviet female citizens in the 1950—1960s]*, *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 4, pp. 123—135.

Женский быт и советская женская повседневность в годы самых солнечных надежд второго и начала третьего послевоенного десятилетия — тема, до поры до времени мало интересовавшая российских историков. Она получала освещение скорее в зарубежной историографии, но выводы зарубежных коллег о жизни советских женщин в годы хрущевской оттепели — ввиду закрытости части отечественных архивов и сложностей посещения регионов иностранцами — часто отличались заданностью, концентрированностью на негативных чертах и отталкивающих характеристиках деталей и мелочей советской жизни. Ангажированные атмосферой холодной войны, советологи и русисты за рубежом часто делали не выводы, а предположения, основанные на сравнении обыденности женщин в своих странах и советской. При этом любые проявления социального романтизма и энтузиазма представлялись ими как следствие идеологической обработки неокрепших молодых умов [Пушкарева, Жидченко, 2021].

Важность изучения бытового контекста значительных социально-экономических и политических преобразований, красной нитью отметивших вторую половину 1950-х — начало 1960-х гг., была осознана нашими учеными не сразу. Триггером такого осознания стал антропологический поворот рубежа XX—XXI вв., который «очеловечил» исследования профессиональных гуманитариев. Он заставил внимательно присмотреться к жизни поколения, рожденного в годы войны и сразу после нее, чье оптимистичное отношение к жизни сохранили «оттепельный» кинематограф и художественная литература 1950—1960-х гг.

Специальное изучение женского быта востребовано запросом настоящего времени, важностью осознания факторов единства и консолидации российской нации, не менее половины которой всегда составляли женщины. Именно поэтому мы уже не раз обращались к истории повседневной жизни советских женщин во второе послевоенное десятилетие [Пушкарева, Богдашина, 2021; Пушкарева, Жидченко, 2022], но впервые предлагаем обратить внимание на тему их свободного времени — и не столько на привычные и знакомые нам по фильмам и художественной литературе формы тогдашних развлечений и досуга (туризм, художественная самодеятельность, увлечение бардовской песней и т. д.) [Богдашина, 2021], сколько на характерную черту обыденности при социализме — привлечение женщин к общественно полезной работе. Нас интересовало личное отношение женщин к этому факту индивидуальных биографий и оценка ими самими спустя годы тех минут, спрессованных в дни и месяцы, которые были отданы такой работе в их свободное время. В рамках лонгитюдного проекта о женской социальной памяти о «великом десятилетии оттепели» мы уже несколько лет собираем интервью в нестоличных городах России, как промышленных (Салават, Ангарск), так и, например, образованных интеллектуальной элитой (Дубна, Жуковский). Продолжая начатое и применяя историко-антропологические методы реконструкции женской повседневной жизни, мы предлагаем с вышеописанного ракурса рассмотреть особенности женского быта в крупном индустриальном городе — послевоенном Сталинграде (с 1961 г. — Волгоград).

Мало кто из наших предшественников среди российских ученых затрагивал эту тему применительно именно к женской истории. Отчасти рассмотрела ее в своей диссертации Л. Е. Васильева, построившая исследование на материалах Саратовской области конца 1940-х — 1960-х гг. [Васильева, 2004]. Нормативной стороны

дела касалась в своих публикациях Ф. А. Такташева, изучавшая вовлечение женщин в профсоюзную работу, но в центре ее внимания было первое послевоенное десятилетие, 1940-е — начало 1950-х гг. [Такташева, 2012а, 2012б, 2015] — она не затрагивала период «оттепели». Аналогично не касались интересующего нас времени и другие коллеги, избравшие темой своего анализа общественно-политическое участие женщин в жизни Советского государства [Имангалиева, 2013; Минеева, 2020]. Продолжая наработки предшественниц и обращаясь к неизученному хрущевскому десятилетию, важно выявить, каковы были реальные возможности советских нестоличных горожанок в сфере общественной активности, какие трудности они испытывали, как их переживали, пытаясь совмещать несколько социальных и семейных ролей, как учились соответствовать транслировавшемуся тогда идеалу современной женщины. Обращаясь к периоду 1950—1960-х гг., мы ставим целью выяснить, насколько массовым было вовлечение нестоличных горожанок в общественно полезную работу, являлась ли она для самих женщин путем самореализации или же скорее обременением в сложных условиях восстановления города после разрушительной войны.

Общественная мобилизация женщин в послевоенном Поволжье — веление времени

Едва в крупнейшем индустриальном регионе, коим оставалось и после войны Поволжье, встал вопрос о восстановлении разрушенного хозяйства, тут же партийное руководство пришло к выводу, что без привлечения женской части населения к общественной работе не обойтись. Идея не просто возвращения к былому уровню жизни, но именно строительства счастливого будущего оставалась стержневой и подразумевала необходимость формирования нового человека, готового отдавать себя — свое свободное время, свои силы — людям. Вынося первые резолюции областного партактива о том, что «женщины слабо привлекаются к общественной работе», болеющие за дело администраторы пеклись не столько о выдвижении женщин на руководящую работу, сколько о решении поставленных перед ними задач, используя при этом женскую отзывчивость, готовность соучаствовать и помогать, наводя порядок в детских учреждениях, школах, больницах, консультациях, во всех общественных институтах воспитания, образования и здравоохранения [ЦДНВРО, ф. 113, оп. 30, д. 11, л. 319—320].

Задача по вовлечению работниц и матерей во внерабочую и внедомашнюю неоплачиваемую деятельность социальной направленности — так называемую *общественную работу* — была возложена на первичные партийные организации предприятий региона. Горкомы и райкомы обязали организовать женские комитеты (женкомы) при всех предприятиях, фабриках, строительных организациях, чтобы делегировать им ответственность и подвигнуть раззяснять значимость такой бесплатной трудовой деятельности [там же, л. 320—321]. Назначенным секретарям женских комитетов поручалось вникнуть в трактовку задач и характера будущей работы с женским активом, осенью 1949 г. с ними было проведено совещание, на котором обсуждались полномочия и функции новых органов. Ключевым для женских активов было обозначено направление, связанное с работой детских учреждений, вопросами быта, жилищными проблемами, вопросами общественного питания и значимости развития соцсоревнования среди работниц. Несколько меньше

или совсем не говорилось о необходимости защиты женских трудовых прав. Сами женщины — председательницы женкомов разных предприятий, если судить по скупым строчкам отчетов, сразу поняли, «что работа будет очень большая», и надеялись на помощь профсоюзных активов [там же, ф. 71, оп. 10, д. 54, л. 153—162].

Опрошенные женщины неоднозначно оценили роль этих профактивов в жизни своих семей; для одних профсоюз оказал неоценимую помощь, а для других — являлся лишь обязательным ежемесячным взносом: *Профсоюз помогал; мама с папой пользовались путевками от химзавода. Дрова, уголь, детские подарки, даже какие-то продукты — все давали тогда бесплатно. Можно было и пожаловаться, недовольные всегда в профсоюз писали* (прил., А. И., 1948). *Общественная работа была бесплатной — но формы поощрения активисток все же существовали, и о них сейчас те, кто был молод в 1950-х гг., вспоминают ностальгически: Мы получили квартиру двухкомнатную при участии профкома... и путевки были на санаторно-курортное лечение, и в лагерь нас отправляли* (прил., Л. И., 1939).

Обращение к нормативным документам 1950—1960-х гг. заставляет сделать вывод о том, что общественная деятельность работниц не являлась инициативой снизу, но напрямую была связана с партийным и государственным руководством и контролем. Женщинам в их внепрофессиональной деятельности поручалось то, что было продолжением их домашних, бытовых забот, будь то питание в столовой или устройство ребенка в детский сад [там же, л. 161—162, 166], то, что легче было решить действуя сообща. Чтение распоряжений создает впечатление о неинформированности женщин как объектов государственной и партийной заботы о содержании и целях социальной политики в целом, ее финансировании как в региональном, так и тем более в общегосударственном масштабе. Женщины в их воспоминаниях предстали совершенно не интересовавшимися размерами выделяемого на город и область финансирования, но точно знавшими, что за общественную активность — в том же профсоюзе или женском комитете — им «полагалось» что-то бесплатное — от путевок до квартир. Что касается партийного руководства женщинами, то оно предстало в воспоминаниях и документах желавшим не столько разделить, сколько явно переложить свои функции на женщин, как это было и за 30 лет до того, при создании в России первых женсоветов [Каменева, 2014].

Осуществление задачи женской общественной мобилизации развернулось на территории Сталинграда так быстро, что уже к осени 1950 г. в городе действовало 86 женских комитетов, большинство (56) — при парткомах предприятий. Численность женкомов варьировалась; на Сталинградском тракторном заводе женский актив состоял из 160 человек и решал вопросы охраны труда, улучшения торговли и санитарного состояния магазинов, снабжавших рабочих. Женком лесокombината МПС Кировского района города наскоро навел порядок в общежитиях, столовой, организовал курсы кройки и шитья, предоставление помощи малоимущим семьям [ЦДНВ, ф. 113, оп. 33, д. 215, л. 1—3]. Активистки жаловались, что все им приходилось брать на себя, быть инициативными, финансирование же организованных ими мер поддержки малоимущих и предоставления им материальной помощи оставалось мизерным [там же, л. 7]. Иные деятельницы обивали пороги обкома ВКП(б), жалуясь, что, «по существу, забыли об их существовании» [там же, д. 216, л. 6], что им приходится постоянно

«вести работу», собирать женщин на лекции, доклады, беседы, на которых разъяснялась необходимость общественного участия¹.

Понимая, что защита женских интересов и удовлетворение потребностей переданы в руки женских комитетов, активистки старались для других, как для самих себя: добивались большей доступности детских садов, большей содержательности культмассовой работы, помощи в сфере охраны труда [там же, л. 7]. Но похоже, объекты такой заботы — трудящиеся женщины — не чувствовали реальной отдачи от усилий, описанных в отчетах, и полагали, что все это общественное мельтешение не более чем формальность [там же, л. 11].

Работали в активах женкомов (коих в одном городском районе могло быть до полутора десятков и даже больше), а тем более возглавляли их в основном женщины старше 35 лет. Это были главным образом замужние матери повзрослевших детей, добившиеся определенных успехов в карьере (начальницы отделов и цехов) [там же, л. 16—17]. Обычные молодые женщины не видели в них реальных помощниц, до конца понимавших сложности быта незамужних, но воспитывавших в одиночку детей, мало зарабатывавших, обремененных заботами.

**«Несли массу общественных нагрузок»:
женский активизм 1950—1960-х гг. в женской памяти,
материалах местной печати и отчетах партактива**

И все же активистки женских комитетов не были формальными исполнительницами чужой воли. Они были работницами, женами, матерями — но при этом не могли жить, замкнувшись в своих квартирах. В условиях осторожного обновления системы коммунально-бытового обслуживания и медленной переориентации внутренней политики на проблемы индивидуальных бытовых запросов вне рабочее время трудящихся женщин являло собой сложную констелляцию забот по дому (доставание продуктов, готовка, уборка, обеспечение одеждой родных и детей), удовлетворения потребностей в культурном досуге (чтение, кино), поддержания здоровья и заботы о нем (от соблюдения гигиены и посещения врачей до спортивных увлечений) и массы иных обыденных хлопот. И были женщины, которые в недолгие часы своего свободного времени вписывали-таки общественную активность, в частности работу в женских комитетах.

На одной из местных партийных конференций 1954 г. выступающие прямо признавались, что немногие работницы могли похвастаться наличием лишних часов на успешную общественную работу [там же, л. 29—30]. Первые социологические опросы начала 1960-х гг. показали, что в целом (по стране) опрошенные женщины реже и меньше мужчин занимались общественной работой: вообще ею пренебрегали 27 % (против 16,2 % мужчин), политучебу игнорировали 61,7 % (против 51 % мужчин), зато несколько больше женщин понимали нужность и ценность самообразования: 62 % (против 54 % опрошенных мужчин) [Грушин, 2001: 451].

Кто мог отдаваться общественной работе в рассматриваемые десятилетия? Прежде всего более образованные и организованные, умевшие вписать другой вид деятельности в бюджет своего времени. Обращение к эго-документам эпохи, сохраненным местным архивом, выявило, например, сталинградского/волгоградского

¹ Партийная конференция Красноармейского района // Сталинградская правда. 1954. 16 января (№ 13).

хирурга Зинаиду Сергеевну Седельникову. Молодая (1920 года рождения), бездетная, имевшая мужа и домашнюю помощницу, она вполне могла нести, помимо рабочей, еще и общественную нагрузку. Не без удовольствия она подробно описывала ее в дневнике, в том числе с особой радостью рассказывала о том, как вместе со студентами отправлялась ежегодно в колхоз для помощи в сборе урожая [ГАВО, ф. Р-6880, оп. 6, д. 22, л. 13]. Понимая, что общественная активность в молодости может быть монетизирована при получении пенсии, она не забывала упоминать в дальнейшем об этих эпизодах в своей автобиографии, прямо так и писала, что ранее «несла массу общественных нагрузок», «кроме врачебной работы, операций, дежурств, лекций и практических занятий» [там же, д. 71, л. 34]. Возможно, именно бездетность позволила ей не только успешно защитить кандидатскую диссертацию, работать оперирующим хирургом и преподавателем, но и быть народным заседателем областного суда, председателем медицинской секции общества «Знание», лектором-пропагандистом, заполнять свободное время посещением театров, музеев [там же, д. 142, л. 1].

Воспитывать детей, но при этом играть активную роль в общественной деятельности удавалось волгоградской партработнице Полине Андреевне Дубицкой (1925 года рождения) — одной из участниц областного слета женщин Волгограда и области 1967 г. [ЦДНИВО, ф. 914, оп. 1, д. 50, л. 14—15]. Женщины зрелого возраста, очевидно, чаще могли уделять время и отдавать силы общественной работе, когда забота о детях уходила на второй план. Так, мать (1932 года рождения) одной из наших респонденток начала заниматься общественной деятельностью лишь к началу 1980-х гг., став депутатом городского Совета и сопредседателем товарищеского суда (прил., Т. А., 1954). Другая наша респондентка (1942 года рождения), несмотря на то, что и в юности принимала активное участие в общественной деятельности, наиболее полно смогла раскрыть себя в качестве общественницы/активистки лишь с взрослением детей — начиная с 1970-х гг., о чем и рассказала: *На керамический завод я перешла уже в 1970-м, руководила общежитием, 17 лет проработала. Проводили огоньки и слеты, а для матерей — медицинские лектории, встречи с местными писателями Окуневым, Мавродиевым, с участниками войны* (прил., Н. А., 1942).

С огромным уважением о своей матери (1924 года рождения) и с ненаносным оптимизмом о периоде «оттепели» рассказала одна из волгоградок: *Моя мама участвовала в общественной жизни медсанчасти, где была секретарем парторганизации. Мама отстаивала права сестер, санитарок, пыталась для них что-то выбить. Помню маму ведущей партийное собрание, она вечно составляла протоколы, без нее не обходились уборка территории, ремонт и благоустройство... Работала одна на полторы ставки (родители разошлись), научила нас с сестрой быть самостоятельными, отвечать за свои поступки и принимать решения, она бурлила своей жизнью, такой у нее был характер. Это были 1960-е, годы надежд, тогда казалось, что должно что-то прийти — очень светлое и хорошее* (прил., Г. Ю., 1951). Показательные истории женщин с таким социальным настроем рада была публиковать местная печать, образ жизни этих горожанок ставился в пример другим². Региональные газеты

² Секретарь комитета комсомола // Молодой ленинец. 1953. 24 января (№ 17); Одна из лучших сверловщиц // Сталинградская правда. 1959. 18 марта (№ 64); Комсомолка Нина Карнаухова // Молодой ленинец. 1965. 10 сентября (№ 133).

и радиопередачи постоянно рассказывали не только о лучших производственницах³, но именно об общественных активистках⁴. Бесхитростными рассказами о тех «все успевавших женщинах», у которых находилось время для посещения «кружка художественной самодеятельности», где обучали «организовывать массовые игры», и которые были готовы работать «счетчиком на выборах», пестрели страницы газет [ГАВО, ф. Р-6174, оп. 2, д. 297, л. 147—148, 258]. В депутаты местных Советов старались выдвигать активных молодых незамужних особ, имеющих возможность и желание отдавать свободное время общественной работе [там же, д. 451, л. 87]. Бурной общественной активностью могли похвастаться далеко не все их ровесницы — замужние работницы-матери и матери-одиночки, которые с трудом успевали работать и вести домашнее хозяйство, воспитывать детей.

Показательна в этом смысле статья «Вышла замуж — уважительная причина?» в газете «Молодой ленинец» (1960. 15 января), где прямо говорилось: «Часто случается, что юноши и девушки, обзаведясь семьей, постепенно прекращают заниматься общественной работой». Действительно, большинству оказывалось не под силу нести бремя домашних дел и при этом сохранять общественные нагрузки. Газета приводила в пример некую Таю, обремененную семьей и домашним хозяйством, но благодаря помощи матери и мужа в воспитании ребенка прекрасно справлявшуюся «с обязанностями и дома, и в магазине, и в общественной жизни», и советовала всем остальным брать с нее пример. Однако читательницы таких очерков искренне недоумевали, как это возможно и откуда взять время для несемейной активности?

У многих из них — не занятых интеллектуальным трудом, а стоявших у станков — не хватало сил ни на какой внедомашний активизм. Работницы Центральной экспериментальной исследовательской швейной лаборатории Советского района Волгограда сообщали: *Политические информации проводить надо, (ведь. — Н. П., И. Б.) у нас большинство женщин очень заняты и не всегда смогут регулярно читать газеты, а проведение политических информации поможет держать наших работниц в курсе всех событий, происшедших за неделю как в нашей стране, так и за рубежом* [ЦДНИВО, ф. 12917, оп. 1, д. 1, л. 23—24]. Работницы женкомов на предприятиях жаловались на низкую посещаемость политических занятий, если они проводились после работы: *Нам, женщинам, очень трудно заниматься. Я живу за Волгой, дочь в первый класс пошла, не знаю, что и делать, то ли с дочерью заниматься, то ли самой* [там же, ф. 1405, оп. 1, д. 42, л. 86—95]. Бывало и так, что бывшие активистки, выйдя замуж, сокращали прежнюю вовлеченность в общественные занятия, и понимания со стороны идеологических структур это не встречало. Например, на одном из закрытых партийных собраний обсуждался вопрос о вступлении в партию некой А. Ф., которая до ухода в декрет принимала активное участие

³ По две сменные нормы выполняет... // Молодой ленинец. 1956. 12 февраля (№ 31); Она отлично работает // Там же. 1961. 17 марта (№ 54); Одной из лучших лаборанток // Волгоградская правда. 1965. 29 апреля (№ 100).

⁴ Бригада Екатерины Конновой // Сталинградская правда. 1952. 17 апреля (№ 92); Девушка с характером // Молодой ленинец. 1958. 4 января (№ 4); Машинист, новатор, депутат // Волгоградская правда. 1963. 8 марта (№ 57); Незамужние ткачихи составляют большинство // Молодой ленинец. 1967. 8 марта (№ 29).

в парторганизации, но с рождением ребенка работу забросила (выход из ситуации руководство увидело в необходимости воздействовать на мужа, чтобы он «не препятствовал» деятельности активистки) [там же, д. 20, л. 69—70].

Типичные для «оттепельного» СССР женские комитеты создавались и функционировали главным образом на предприятиях, где большинство работников составляли женщины. В протоколах партсобраний можно вычитать, какие вопросы волновали тогда активисток. Так, на швейной фабрике им. Крупской несколько собраний было посвящено вопросам ликвидации городского хулиганства среди учащихся [там же, ф. 340, оп. 1, д. 11, л. 5], но чаще участницы обсуждений поднимали вопрос о сокращении рабочего дня: *Женщина от домашней работы не освобождена. И жена, придя домой на час-два позже, должна также готовить обед, стирать и заниматься другими домашними делами* [там же, д. 12, л. 5—6]. Часто звучали жалобы на то, что «очень трудно провести после работы какое-либо мероприятие»: *...каждая женщина спешит быстрее к семье. Ведь у всех есть дети* [там же, д. 14, л. 55—56]. Отметим, что одна из опрошенных нами респонденток (1935 года рождения) охарактеризовала участие в общественной работе как вмененную обязанность: *Я работала мастером в ремонтно-строительной конторе, считалась ударницей коммунистического труда... На собраниях приходилось выступать, читка политинформации была каждую неделю, я должна была сама ходить и своих рабочих приводить. У меня на это было время, а у кого были дети — сбегали раньше домой, а мне слезть надо было, чтобы они присутствовали* (прил., Н. А., 1935).

Низкий уровень бытового обслуживания в нестоличных городах угнетал и расстраивал работниц. Они вынуждены были ставить на партсобраниях вопросы обеспеченности местами в детских садах, работы столовых и предприятий социально-бытового обслуживания населения, которые в начале 1960-х гг. в Волгограде еще только начинали распространяться.

Улучшение жилищно-бытовых условий, чему способствовало и массовое строительство жилья, и разветвление сети домов быта, стало возможным лишь во второй половине 1960-х гг., когда женские организации вышли за пределы отдельных предприятий и начали объединяться в общерайонные, а те — в общегородские. Понятное дело, что такие объединения происходили не стихийно. В октябре 1967 г. в Доме офицеров прошел 2-й съезд женщин Центрального района, на нем выступали секретари райкома, делегатки съезда, председатели женсоветов отдельных предприятий⁵. Немного позднее был проведен слет женщин металлургического завода «Красный Октябрь», посвященный 50-летию Советской власти, на него были приглашены женщины из других регионов страны⁶. Приурочивание обсуждения результатов работы женских комитетов к важным политическим датам становилось на рубеже 1960—1970-х гг. явлением времени [там же, ф. 127, оп. 17, д. 38, л. 1—44], и в начале 1970-х гг. женская общественная активность обрела настолько широкий размах, что пришла к международному сотрудничеству. Возможность поговорить о результатах работы с активистками женских организаций Чехословакии и Вьетнама в 1970 г. стала реальностью (поездки и встречи по «обмену опытом», который нарабатывали

⁵ Съезд женщин района // Волгоградская правда. 1967. 26 октября (№ 252).

⁶ Слет женщин // Там же. 2 ноября (№ 258).

районные женсоветы в сфере охраны женского труда, воспитания детей, обеспечения бытовыми услугами, в организации общественного питания) [там же, ф. 71, оп. 43, д. 24б, л. 2, 6—7, 25].

Таким образом, итогом выполнения решения Комитета советских женщин по созданию в стране сети *женских комитетов* [Музыря, Копейко, 1989: 20, 32] стало широкое распространение в конце 1950-х — начале 1960-х гг. в Сталинграде/Волгограде этой формы женской самоорганизации, инициированной — как это было и ранее в российской советской истории — сверху. Создание женкомов, с одной стороны, являлось формой ответа на безотлагательное требование общества срочно решать множество проблем из области социальной политики, обеспечения культурно-бытовых запросов советских семей. С другой — отражало общую демографическую ситуацию в стране, включая численность основных идеологических структур — ВЛКСМ и КПСС, в которых после войны женщины составляли вначале около 2/3, а после 1960 г. — более 1/2 списочной численности [РГАСПИ, ф. М-6, оп. 11, д. 102, л. 8]. Предложение о (вос)создании женсоветов (женских комитетов) в годы «оттепели» лежало также в русле «возвращения к ленинским нормам партийной жизни», о котором немало говорилось в годы принятия III Программы партии (1961 г.).

Создание женских комитетов освобождало госструктуры от выполнения части задач, связанных с семейно-бытовой сферой. Женщины, включавшиеся в работу комитетов, отчасти решали собственные семейные вопросы (в том числе желая обеспечить открытие яслей, садов, бань, аптек, удовлетворить товарный голод), попутно же они получали возможность обрести навыки организаторской работы, проявить лидерские качества. При этом никакой феминизации, «одевичивания» номенклатурных кадров «в обществе, сохранившем патриархальные традиции» не происходило, а «командирские замашки» молодых женщин могли вообще быть восприняты как осуждаемый недостаток, «отнюдь не работавший на авторитет союза молодежи» [Тамбовский комсомол... , 2010: 9]. Неслучайно по всей стране число женщин на руководящих общественных и партийных постах было ничтожно малым [Дорошина, 2015: 87].

В силу непомерной домашней загруженности внесемейная деятельность, связанная с производственной и партийной работой, была для большинства женщин практически неосуществима, на нее просто не оставалось времени. Женские комитеты, предлагаемые как форма усиления женской солидарности в решении бытовых вопросов, долго не просуществовали. Одним из них не хватало кадров, другим финансирования. Небольшие «женактивы» отдельных предприятий оказались неспособны решить вопросы социального обеспечения, на все была воля иных, куда более крупных структур, до которых было не достучаться. Однако в конце рассматриваемого периода с постепенным улучшением жилищно-бытовых условий, т. е. не ранее второй половины 1960-х гг., часть молодых женщин, и в особенности женщин зрелого возраста, получили возможность отойти от домашних дел и заняться делами общественными, совмещая (как от них и ожидалось) социальную роль работницы, жены, матери и общественницы.

Список источников

- Богдашина И. В.* Досуг и отдых в социокультурной памяти горожанок нестоличного региона в 1950—1960-е гг. на материалах г. Волгограда // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: История России. 2021. Т. 20, № 2. С. 295—304.
- Васильева Л. Е.* Роль женщины в социально-экономической и политической сферах жизни советского общества в 1945—1965 гг.: на материалах Саратовской области: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2004. 26 с.
- ГАВО (Государственный архив Волгоградской области).
- Грушин Б. А.* Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения. Жизнь первая: эпоха Хрущева. М.: Прогресс-Традиция, 2001. 624 с.
- Дорошина М. М.* Корпус первых секретарей областного, городских и районных комитетов комсомола Тамбовской области (1937—1991): дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2015. 248 с.
- Имангалиева А. М.* Деятельность профсоюзных организаций Сталинградской области в восстановительный период (1943 — начало 1950-х гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Астрахань, 2013. 27 с.
- Каменова Г. Н.* Деятельность женсоветов в решении социальных вопросов: история и современность // Кант. 2014. № 1. С. 82—86.
- Минеева Е. К.* Роль женотдела ЦК РКП(б) по укреплению семьи в Советском государстве: (исторические уроки 1919—1930 гг.) // Современная научная мысль. 2020. № 1. С. 51—54.
- Музыря А. А., Копейко В. В.* Женсовет: опыт, проблемы, перспективы. М.: Политиздат, 1989. 190 с.
- Пушкарева Н. Л., Богдашина И. В.* Источники личного происхождения по истории женской советской провинциальной повседневности 1950—1960-х гг. // Вестник архивиста. 2021. № 1. С. 93—104.
- Пушкарева Н. Л., Жидченко А. В.* Советские горожанки в годы хрущевской оттепели глазами англоязычных авторов // Новейшая история России. 2021. Т. 11, № 3. С. 776—791.
- Пушкарева Н. Л., Жидченко А. В.* Память о «зеленом строительстве» в Омске 1950—1960-х гг.: гендерный аспект // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. 2022. Т. 24, № 4. С. 37—52.
- РГАСПИ (Российский государственный архив социально-политической истории).
- Такташева Ф. А.* Государственная политика в отношении женщин в СССР в 1943 — начале 1950-х гг.: (по материалам Сталинградской области): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Астрахань, 2012а. 22 с.
- Такташева Ф. А.* Роль женщин в восстановлении народного хозяйства Сталинградской области (1943 — начало 1950-х гг.) // Женщина в российском обществе. 2012b. № 1. С. 49—55.
- Такташева Ф. А.* Участие женщин в политической и общественной жизни послевоенного общества: (на примере Сталинградской области 1943—1950-х гг.) // Государство, общество, церковь в истории России XX—XXI веков: материалы XIV Международной научной конференции, Иваново, 18—19 марта 2015 г. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2015. С. 556—563.
- Тамбовский комсомол: грани истории, 1946—1991 / под ред. А. А. Слезина. Тамбов: Юлис, 2010. 384 с.
- ЦДНИВО (Центр документации новейшей истории Волгоградской области).

References

- Bogdashina, I. V. (2021) Dosug i otdykh v sotsiokul'turnoi pamiati gorozhanok nestolichnogo regiona v 1950—1960-e gg. na materialakh g. Volgograda [Leisure and recreation in the socio-cultural memory of urban women in the 1950 and 1960s based on materials from Volgograd], *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov*, seriia Istoriia Rossii, vol. 20, no. 2, pp. 295—304.
- Doroshina, M. M. (2015) *Korpus pervykh sekretareĭ oblastnogo, gorodskikh i raionnykh komitetov komsomola Tambovskoi oblasti (1937—1991)*: Dis. ... kand. ist. nauk [Corps of First Secretaries of the regional, city and district Komsomol Committees of the Tambov region (1937—1991): Diss. (Cand. Sc.)], Tambov.
- Grushin, B. A. (2001) *Chetyre zhizni Rossii v zerkale oprosov obshchestvennogo mneniia. Zhizn' pervaiia: Epokha Khrushchĕva* [Four lives of Russia in the mirror of public opinion polls. Life one: The Khrushchev era], Moscow: Progress-Traditsiia.
- Imangalieva, A. M. (2013) *Deiatel'nost' profsoiuznykh organizatsii Stalingradskoi oblasti v vosstanovitel'nyi period (1943 — nachalo 1950-kh gg.)*: Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk [Activities of trade union organizations of the Stalingrad region in the recovery period (1943 — early 1950s): Synopsis of a thesis (Cand. Sc.)], Astrakhan.
- Kameneva, G. N. (2014) Deiatel'nost' zhensovvetov v reshenii sotsial'nykh voprosov: istoriia i sovremennost' [The activities of women councils in the decision of social questions: history and modernity], *Kant*, no. 1, pp. 82—86.
- Mineeva, E. K. (2020) Rol' zhenotdela Tsentral'nogo komiteta RKP(b) po ukrepleniiu sem'i v Sovetskom gosudarstve: (Istoricheskie uroki 1919—1930 gg.) [The role of zhenotdel of the Central Committee of RCP(b) on strengthening of family in the Soviet state: (Historical lessons of 1919—1930s)], *Sovremennaia nauchnaia mysl'*, no. 1, pp. 51—54.
- Muzyrya A. A., Kopeiko V. V. (1989) *Zhensovnet: opyt, problemy, perspektivy* [Women's Council: experience, problems, prospects], Moscow: Politizdat.
- Pushkareva, N. L., Bogdashina, I. V. (2021) Istochniki lichnogo proiskhozhdeniia po istorii zhenskoĭ sovetskoĭ provintsial'noi povsednevnosti 1950—1960-kh gg. [Personal provenance sources on the history of provincial daily life of Soviet women in the 1950—1960s], *Vestnik arkhivista*, no. 1, pp. 93—104.
- Pushkareva, N. L., Zhidchenko, A. V. (2021) Sovetskie gorozhanki v gody khrushchĕvskoi ottepeli glazami angloiazychnykh avtorov [Soviet women in the years of the “Khrushchev's thaw” in English language publications], *Noveishaia istoriia Rossii*, vol. 11, no. 3, pp. 776—791.
- Pushkareva, N. L., Zhidchenko, A. V. (2022) Pamiat' o “zelenom stroitel'stve” v Omske 1950—1960-kh gg.: gendernyi aspekt [Memory of “green construction” in Omsk in the 1950s—1960s: gender aspect], *Izvestiia Ural'skogo federal'nogo universiteta*, seriia 2, Gumanitarnye nauki, vol. 24, no. 4, pp. 37—52.
- Slezin, A. A. (ed.) (2010) *Tambovskii komsomol: grani istorii, 1946—1991* [Tambov Komsomol: facets of history, 1946—1991], Tambov: Iulis.
- Taktasheva, F. A. (2012a) *Gosudarstvennaia politika v otnoshenii zhenshchin v SSSR v 1943 — nachale 1950-kh gg.: (Po materialam Stalingradskoi oblasti)*: Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk [State policy towards women in the USSR in 1943 — early 1950s: (Based on the materials of the Stalingrad region): Synopsis of a thesis (Cand. Sc.)], Astrakhan.
- Taktasheva, F. A. (2012b) Rol' zhenshchin v vosstanovlenii narodnogo khoziaistva Stalingradskoi oblasti (1943 — nachalo 1950-kh gg.) [Women's role in reconstruction of national economy in Stalingrad region (1943 — beginning of the 1950th)], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1, pp. 49—55.
- Taktasheva, F. A. (2015) Uchastie zhenshchin v politicheskoi i obshchestvennoi zhizni poslevoennogo obshchestva: (Na primere Stalingradskoi oblasti 1943—1950-kh gg.)

[Participation of women in the political and public life of post-war society: (Using the example of the Stalingrad region in the 1943—1950s)], in: *Gosudarstvo, obshchestvo, tserkov' v istorii Rossii XX—XXI vekov: Materialy XIV Mezhdunarodnoï nauchnoï konferentsii*, Ivanovo, 18—19 marta 2015 g., Ivanovo: Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, pp. 556—563.

Vasilyeva, L. E. (2004) *Rol' zhenshchiny v sotsial'no-ekonomicheskoi i politicheskoi sferakh zhizni sovetskogo obshchestva v 1945—1965 gg.: Na materialakh Saratovskoi oblasti: Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [The role of women in the socio-economic and political spheres of the life of Soviet society in 1945—1965: Based on the materials of the Saratov region: Synopsis of a thesis (Cand. Sc.)], Saratov.

Приложение

Полевые материалы авторов, г. Волгоград

Н. А., 1935 — Нина Афанасьевна, 1935 г. р., Сталинград, русская. Запись 18.08.2023.

Л. И., 1939 — Лилия Ивановна, 1939 г.р., Сталинград, русская. Запись 26.08.2020.

Н. А., 1942 — Нелли Андреевна, 1942 г. р., с. Казнаковка, немка. Запись 26.06.2019.

А. И., 1948 — Антонина Ивановна, 1948 г. р., Сталинград, русская. Запись 26.07.2019.

Г. Ю., 1951 — Галина Юрьевна, 1951 г. р., Сталинград, русская. Запись 29.08.2019.

Т. А., 1954 — Татьяна Александровна, 1954 г. р., Сталинград, русская. Запись 27.08.2019.

Статья поступила в редакцию 19.08.2023; одобрена после рецензирования 04.09.2023; принята к публикации 25.09.2023.

The article was submitted 19.08.2023; approved after reviewing 04.09.2023; accepted for publication 25.09.2023.

Информация об авторах / Information about the authors

Пушкарева Наталья Львовна — доктор исторических наук, профессор, заведующая Центром гендерных исследований, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, г. Москва, Россия, pushkarev@mail.ru (Dr. Sc. (History), Professor, Head of the Center for Gender Studies, N. N. Miklouho-Maclay Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation).

Богдашина Ирина Владимировна — кандидат исторических наук, Центр гендерных исследований, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, г. Москва, Россия; ассистент кафедры истории и международных отношений, преподаватель Университетского колледжа, Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия, i.bogdashina@volsu.ru (Cand. Sc. (History), Center for Gender Studies, N. N. Miklouho-Maclay Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation; Assistant at the Department of History and International Relations, Lecturer at the University College, Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation).

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

1. К публикации принимаются статьи, рецензии, материалы круглых столов (рекомендуемый объем статьи 20—25 тыс. знаков, в исключительных случаях до 40—45 тыс. знаков; объем рецензии 10—15 тыс. знаков) в редакторе Microsoft Word шрифтом Times New Roman, кегль 14. При создании диаграмм и графиков необходимо использовать приложения Microsoft Graph и Microsoft Excel.

2. Материалы принимаются в электронном виде по адресу, указанному на сайте журнала (<http://www.womaninrussiansociety.ru>), а также по адресу: wlnrs@bk.ru.

3. Комплект документов должен состоять из двух файлов, сохраненных в формате RTF:

1) собственно статьи (приводятся название статьи, имя, отчество и фамилия автора, текст, список источников). Приветствуется членение статей на смысловые части (разделы). Статьи, содержащие данные эмпирических исследований, должны включать разделы «Постановка задачи / выдвижение гипотезы», «Методы исследования», «Результаты исследования»;

2) приложения, в котором должны быть следующие составляющие (в соответствии с ГОСТ Р 7.0.7—2021):

- сведения об авторе / авторах (фамилия, имя и отчество, ученая степень и ученое звание, место работы и должность, контактные данные (телефон и электронная почта);
- аннотация, отражающая основное содержание статьи (10—15 строк);
- ключевые слова (не более 10);
- фамилия, имя и отчество автора (или же только фамилия и имя) в транслитерации (в латинском алфавите). Следует пользоваться системой транслитерации, принятой Библиотекой Конгресса США. Правила перевода с кириллицы на латиницу см. на сайте журнала;
- название статьи на английском языке;
- аннотация статьи на английском языке. Она должна быть содержательнее и объемнее (до 0,5—1 страницы) аннотации на русском языке. Просим обеспечить квалифицированный перевод и приложить оригинал на русском языке, который был переведен (для удобства работы проверяющего переводчика);
- ключевые слова на английском языке;
- место работы, ученая степень и должность на английском языке.

4. Список источников к статье должен быть выполнен в двух вариантах.

В первом варианте («Список источников») библиографическое описание источников оформляется в соответствии с российскими ГОСТ 7.1—2003, 7.0.5—2008. В алфавитном порядке указываются только использованные в статье источники (сначала на русском языке, затем на иностранном). Пункты списка, в каждом из которых приводится одна работа, не нумеруются. Ссылки на список даются в тексте статьи в квадратных скобках, где указывается фамилия автора, далее, через запятую, год издания работы и, после двоеточия, страница. Образцы оформления ссылок см. на сайте журнала.

Второй вариант списка использованной литературы («References») выполняется в латинском алфавите.

В References включаются: монографии, статьи, сборники, тезисы, диссертации, авторефераты диссертаций; не включаются: архивы, газеты, указы, постановления, приказы, небольшие интернет-материалы.

Для русскоязычных источников (и других источников, изданных во всех алфавитах, кроме латинского) сначала приводится транслитерация названия, затем в квадратных скобках — его перевод на английский язык (в этих случаях транслитерируются и названия издательств). Если описание начинается со статьи или главы, то на английский язык переводятся их названия, а названия журналов и монографий, где они размещаются, только транслитерируются.

Названия работ, изданных на латинице, дублируются в двух списках. Порядок источников диктуется латинским алфавитом.

Образцы оформления см. на сайте журнала.

5. Направление в редакцию ранее опубликованных и принятых к печати в других изданиях работ не допускается.

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Хасбулатова О. А., Смирнова И. Н. Социальный статус женщин в российском обществе (1992—2022)	3
Шведова Н. А. Расширение прав и возможностей женщин: «Предвзятость и дискриминация вредят всем» (По материалам международных мероприятий ООН)	20
Григорьева Н. С., Жохова А. А., Кузнецова А. И. Роль женщин-лидеров в атомных отраслях России и Франции: сравнительный анализ	31
Антюхова Е. А. Образовательная среда вуза как фактор формирования эгалитарного сознания студенческой молодежи	46
Хоткина З. А. Региональные рынки труда: равенство возможностей женщин и мужчин	58
Синельников А. Б., Карпова В. М., Ляликова С. В., Антонов А. И. Влияние репродуктивного опыта родительских семей на вероятность выбора многодетной стратегии родительства	71
Саралиева З. Х.-М., Судьин С. А. Многопоколенная семья в фокусе социологических исследований (Опыт нижегородских социологов)	86
Безрукова О. Н., Самойлова В. А. Отсутствующее отцовство в молодых российских семьях, воспитывающих детей с инвалидностью	96
Мальшкينا А. И., Кулигина М. В., Панова И. А., Рычихина Н. С. Самоохранительные и репродуктивные стратегии современной студенческой молодежи: медико-социологический анализ	113

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Пушкарева Н. Л., Богдашина И. В. Общественная активность в структуре свободного времени нестоличной советской горожанки в 1950—1960-х гг.	123
<i>Информация для авторов</i>	136

CONTENTS

SOCIOLOGICAL SCIENCES

Khasbulatova O. A., Smirnova I. N. The social status of women in Russian society (1992—2022)	3
Shvedova N. A. Empowering women: “Bias and discrimination hurt everyone” (Based on materials of the United Nations international events)	20
Grigorieva N. S., Zhokhova A. A., Kuznetsova A. I. The role of women leaders in the nuclear industries in Russia and France: a comparative analysis	31
Antyukhova E. A. Educational environment of a university as a factor of students’ egalitarian consciousness formation	46
Khotkina Z. A. Regional labor markets: inequality of opportunities for women and men	58
Sinelnikov A. B., Karpova V. M., Lyalikova S. V., Antonov A. I. The influence of reproductive experience of parental families on the probability of choosing a parenting strategy for large families	71
Saralieva Z. Kh.-M., Sudin S. A. Multigenerational family in the focus of sociological research (Experience of sociologists from Nizhny Novgorod)	86
Bezrukova O. N., Samoylova V. A. Father absence in young Russian families raising children with disabilities	96
Malyshkina A. I., Kuligina M. V., Panova I. A., Rychikhina N. S. Self-preservation and reproductive strategies of modern students: a medical and sociological analysis	113

HISTORICAL SCIENCES

Pushkareva N. L., Bogdashina I. V. Public activity in the structure of free time of non-capital Soviet female citizens in the 1950—1960s	123
<i>Information for the authors</i>	136

ЖЕНЩИНА В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Российский научный журнал

№ 4 — 2023

[12+]

Директор издательства *Л. В. Михеева*
Редакторы *О. В. Боронина, О. В. Батова*
Технический редактор *И. С. Сибирева*
Компьютерная верстка *Т. Б. Земсковой*

Дата размещения на сайте 20.12.2023 г.
Формат 70×108 1/16. Уч.-изд. л. 9,0. 2,9 МБ

Отпечатано в издательстве «Ивановский государственный университет»

✉ 153025 Ивановская обл., г. Иваново, ул. Ермака, 39

☎ (4932) 93-43-41. E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

Выходит 4 раза в год с 1996 года

Распространяется по подписке и
по предварительным заявкам ученых
и библиотек

 ЖЕНЩИНА
В РОССИЙСКОМ
ОБЩЕСТВЕ